

ЧИТ. ЗАЛ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ
КУЛЬТУРЫ

XLIV

ИИМК. (3)

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ
О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ
КУЛЬТУРЫ

XLIV

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

Москва · 1952

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Ответственный редактор член-корр. АН СССР *А. Д. Удальцов*

Зам. отв. редактора *Т. С. Пассек*

Члены редколлегии:

А. В. Арциховский, С. Н. Бибилов, Б. Н. Граков,

С. В. Киселев, А. Л. Монгайт

I. СООБЩЕНИЯ

СЕССИЯ ОТДЕЛЕНИЯ ИСТОРИИ И ФИЛОСОФИИ АН СССР
И ПЛЕНУМ ИИМК АН СССР, ПОСВЯЩЕННЫЕ ИТОГАМ
ПОЛЕВЫХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ
МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ ЗА 1950 ГОД

ИНФОРМАЦИЯ

19—25 апреля 1951 г. состоялись сессия Отделения истории и философии и пленум ИИМК АН СССР. Всего на сессии и пленуме, а также на семи секциях¹ было прочитано 85 докладов, посвященных результатам полевых археологических исследований в различных частях Советского Союза за истекшее пятилетие. Кроме того, на сессии был прочитан доклад С. В. Киселева, подводющий итоги работ советских археологов за первое послевоенное пятилетие, доклад П. Н. Третьякова, рассматривающий вопросы этногенеза в свете трудов И. В. Сталина, доклад А. В. Арциховского о путях преодоления влияния «учения» Н. Я. Марра в археологии.

Некоторые из этих докладов публикуются в настоящем выпуске «Кратких сообщений»².

В работе сессии и пленума, кроме сотрудников ИИМК из Москвы и Ленинграда, приняли участие представители научных учреждений и музеев РСФСР и других союзных республик.

Заседания открылись вступительным словом академика Б. Д. Грекова, указавшего, что настоящая сессия Отделения истории и философии и следующий за нею пленум Института истории материальной культуры призваны подвести некоторые итоги развитию советской археологической науки за истекшее пятилетие.

Первая послевоенная Сталинская пятилетка чрезвычайно богата достижениями во всех областях хозяйственного и культурного строительства. Советские люди, идущие во главе прогрессивного человечества, вдохновенно трудятся на благо своей Родины, во имя мира и счастья на земле; почетная роль в этом созидательном труде принадлежит многотысячному отряду советских ученых, помогающих своему народу в строительстве коммунистического общества, в борьбе против темных сил международной реакции.

Особенно показательна история советской археологии, являющейся неотделимой частью марксистской исторической науки, за последние годы. Острая и принципиальная критика и самокритика, широкая организация дискуссий на теоретические темы позволили советской археологии преодолеть ряд ошибок принципиального характера, имевшихся в работе отдельных исследователей. 1950 год принес археологической науке освобождение

¹ Секции первобытной, скифо-сарматской, античной археологии, археологии Средней Азии, Кавказа, этногенеза и славяно-русской археологии.

² Часть докладов, прочитанных на сессии и пленуме, помещена в вып. XLV и XLVI.

от антимарксистских положений «учения» Марра, получивших распространение среди части археологов. Гениальные труды товарища Сталина, посвященные разоблачению «школы» Марра в языкознании и развитию марксистско-ленинского учения о языке, открывают новые пути и ставят новые большие задачи не только перед лингвистами, но и перед всеми работниками гуманитарных наук, в том числе и перед советскими археологами.

Советские археологи в истекшем пятилетии добились больших успехов. Благодаря их работам стали возможными воссоздание древнейшей истории некоторых народов нашей страны и выпуск таких обобщающих исторических работ, как вышедшие за последние годы «История Грузии», «История Армении», «История Якутии», «История таджикского народа», «История Узбекской ССР» и др.

За истекшее пятилетие советскими археологами было осуществлено несколько сот экспедиций во всех районах нашей страны. Уже в 1945 г. начали работать многие экспедиции, и с тех пор размах экспедиционной работы непрерывно возрастал. Можно определенно сказать, что нет ни одной области археологического знания, в которую послевоенные раскопные работы не внесли бы существенных изменений, не доставили нового, иногда принципиально нового материала.

Произведены большие исследования палеолитических и неолитических культур в разных областях страны, открыты новые древнейшие памятники на Кавказе, в Средней Азии, в Сибири, на севере европейской части СССР, на Украине и в других районах, которые позволили уже сейчас создать ряд монографических исследований по истории племен, живших на территории нашей страны в эпоху палеолита и неолита. Последние открытия в области изучения культур энеолитических и бронзового века по-новому поставили проблемы, касающиеся древней истории причерноморских степей (вопросы о трипольской и срубной культурах, киммерийская проблема и т. д.), Кавказа, Закавказья и других районов. Впервые вошли в науку данные о бронзовом веке на территории Восточной Сибири, широкое освещение получил бронзовый век в Средней Азии и пр. В области скифской археологии сделан ряд новых открытий, широкому обследованию подверглась столица крымских скифов — Неаполь, некоторые приднепровские городища, давшие богатый материал по хозяйству и социальному строю скифов. Продолжалось и углублялось исследование античных городов нашего Юга, их связи с аборигенами наших степей, широко изучались памятники античной эпохи на Кавказе, где раскопки велись в Гарни, Багниде и ряде других мест. Особенно большой размах приняло изучение археологических памятников Средней Азии как эллинистической (Хорезм, Нисса), так и раннесредневековой эпох (Варахша, Пянджикент).

Памятники раннесредневекового времени изучались и на территории Сибири, Алтая, Центральной Азии, Закавказья, Крыма, Поволжья. Изучение древней Руси проводилось по линии раскопок древнерусских городов — Москвы, Киева, Новгорода, Пскова, Чернигова, Старой Рязани, Вщижа, Старой Ладogi и др., а также в области решения вопросов происхождения восточного славянства.

Огромный материал, накопленный в процессе всех этих работ, частично уже нашел свое отражение в многочисленных статьях и монографиях, вышедших из печати и сданных в печать за последние годы. После войны налажен регулярный выход периодических археологических изданий — «Материалы и исследования по археологии СССР», «Краткие сообщения ИИМК», «Советская археология», частично «Вестник древней истории»; выпущено много крупных обобщающих работ по археологии и древнейшей истории нашей Родины. Некоторые из этих работ были удостоены Сталинской премии; последнее свидетельствует о том, что советская

археологическая наука находится на правильном пути. Сталинскими премиями отмечены археологическая работа Б. А. Куфтина на Кавказе, монографии Б. Б. Пиотровского «Урарту», Б. А. Рыбакова «Ремесло древней Руси», С. В. Киселева «Древняя история Южной Сибири», С. П. Толстова «Древний Хорезм», исследование Т. С. Пассек «Периодизация трипольских поселений», коллективный труд А. П. Окладникова, М. А. Гремяцкого и др. «Тешик Таш», этнографо-археологическое исследование «Очерк по истории алтайцев» Л. П. Потапова.

Перед советскими археологами стоят большие и ответственные задачи. Гениальные труды товарища Сталина по вопросам языкознания требуют от работников советской археологии и древней истории пересмотра многих вопросов, особенно вопросов, связанных с проблемами этногенеза и взаимоотношения отдельных племен и народов на территории СССР. Археологам предстоит сказать свое слово по ряду проблем древней истории СССР, особенно при создании первых томов «Истории СССР». Необходимо дальнейшее усиление работы по монографическому исследованию отдельных районов и культур и обобщению уже накопленного материала. Археологам предстоит большая работа по созданию полноценных учебных пособий и курсов, поскольку имеющиеся учебники страдают рядом недостатков. Особенно большие задачи выдвигает перед археологической наукой осуществление принятого правительством грандиозного плана преобразования природы и строительства гидроэлектростанций и каналов на Дону и Волге, в Туркмении и на Украине. В связи с этим требуется исчерпывающее археологическое исследование охваченных строительством районов. Большие комплексные археологические экспедиции в районах сталинских новостроек, частично уже работающие, дадут в ближайшие годы массу нового материала, который послужит базой для дальнейшей исследовательской работы в области археологии и древней истории.

Исключительно благоприятные условия, созданные в нашей стране для научных исследований и неустанная борьба за построение археологии на основе марксистско-ленинской теории — надежный залог дальнейшего развития советской археологической науки. Советская археология, идя по пути, указанному товарищем Сталиным, и впредь будет служить делу борьбы советского народа за мир, за построение коммунизма.

II. ДОКЛАДЫ НА СЕССИИ И ПЛЕНУМЕ

С. В. КИСЕЛЕВ

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ В ПЕРВОЕ ПОСЛЕВОЕННОЕ ПЯТИЛЕТИЕ

Задача сессии Отделения истории и философии и пленума Института истории материальной культуры Академии Наук СССР, состоявшихся в Москве в апреле 1951 г. при участии археологов из академий союзных республик и различных музеев, состояла прежде всего в подведении итогов той большой пятилетней работы советских археологов, которая получила свое начало на Всесоюзном археологическом совещании, происходившем в незабываемые победные дни последних недель Великой Отечественной войны.

Созыв Всесоюзного археологического совещания как нельзя более ярко подчеркивал величие и мощь Советской державы, высокую жизнеспособность социалистического строя. Страна, выдерживавшая в течение четырех лет титаническое напряжение войны, еще в условиях этой войны, идя к блистательной победе, уже работала над организацией своей мирной жизни, уделяя огромное внимание грядущему культурному и научному расцвету.

При этом и здесь сказалась важнейшая особенность нашего общественного строя. Подготавливая послевоенное развитие народного хозяйства и культурного строительства, советские люди под руководством великой партии Ленина — Сталина прежде всего приступили к планированию. Всесоюзным археологическим совещанием также был принят перспективный план археологических исследований, ставший основой, на которой развернулось все планирование археологических исследований в первом послевоенном пятилетии.

Недавно в Институте истории материальной культуры были проверены результаты его работы в соответствии с пятилетним планом, разработанным в 1945 г. на основе перспективного плана.

Подтвердилось, что именно проблемы пятилетнего плана явились основой деятельности Института. Научно-исследовательские темы и экспедиции, намеченные в соответствии с принятой тогда проблематикой, оказались вполне жизненными и были выполнены. Частично их результаты можно уже сейчас видеть в печати, остальные монографии и исследования сданы в печать и выйдут в свет в ближайшие полтора года.

Следует признать, что та работа, которую мы провели по планированию на Всесоюзном археологическом совещании, была плодотворной. Этот опыт должен быть учтен при планировании археологических исследований второго послевоенного пятилетия. Необходимо создать координированный

план работ всех основных археологических учреждений. Теперь это сделать много легче, чем в 1945 г., так как в Академии Наук СССР успешно действует Совет по координации, через который и можно осуществить создание такого единого археологического плана.

Крупным событием для советской археологической науки явились подписанные И. В. Сталиным «Постановление о мерах улучшения охраны памятников культуры» и «Положение об охране памятников культуры». Эти важнейшие законодательные акты положили конец безнадзорности памятников культуры и, в их числе, археологических памятников. Теперь уже наше дело, всех занимающихся изучением этих памятников и работников специальных органов охраны, обеспечить проведение в жизнь необходимых, точно определенных законом мероприятий. Опыт применения этих актов на строительствах показывает, какое огромное значение и силу имеют они для обеспечения научного исследования памятников культуры.

Невиданный расцвет науки в СССР и, в том числе, широчайшее развитие археологических исследований резко отличается от положения в археологической науке буржуазных стран, где раскопки крайне сокращены, археологические журналы и другие издания заполнены по преимуществу обсуждением старых, довоенных материалов. Постоянно встречаются антинаучные статьи, авторы которых занимаются расписыванием расистских бредней и модернизаторством в духе циклической школы. За последнее время наблюдается повышенный интерес к средневековой культуре. Замки, церкви, церковное искусство все в большей и большей мере занимают страницы археологических журналов, особенно английских и французских. Несомненно, в этом сказывается тяга к наиболее реакционному в прошлом, импонирующему современным мракобесам.

С другой стороны, необходимо отметить совершенно иное положение в странах народной демократии, порвавших с растленным миром капитализма. Польша, Чехословакия и Болгария переживают значительный подъем археологической науки. При этом следует отметить, что в этих странах уже определились наиболее прогрессивные группы ученых, совершенно сознательно борющихся за марксизм в археологической науке, берущих пример с советской археологии. То же можно наблюдать в Венгрии и Румынии. Наиболее прогрессивные археологи Китая также обращаются к советской археологической науке, не останавливаясь перед трудностью овладения русским языком.

Все это факты огромного значения, и в то же время все это налагает на нас, советских исследователей, огромную ответственность за качество нашей работы. За нами пристально следят наши противники, к нам обращаются наши друзья.

Подводя итоги минувшему пятилетию, нельзя не остановиться еще на одной важнейшей стороне нашей работы, на результатах издательской деятельности в области археологии.

Можно без всякого преувеличения сказать, что в этом отношении первое послевоенное пятилетие ознаменовалось значительнейшими достижениями. Число напечатанных в СССР работ по археологии далеко превзошло довоенный уровень. Но самое важное это то, что археологическая литература стала издаваться не только в Москве и Ленинграде, но и в немалых количествах в столицах союзных и автономных республик и автономных областей. Еще не подведены итоги изданию археологических работ во все-союзном масштабе. Однако цифры по одному только центральному археологическому учреждению, по Институту истории материальной культуры (1946 г.— 48 печ. листов, 1947 г.— 112, 1948 г.— 193, 1949 г.— 288 и 1950 г.— 388, всего 1030 печ. листов), являются ярким свидетельством этого подъема, обеспечившего творческое объединение сил советских археологов, возможность критического обсуждения достигнутых результатов.

Последнее особенно важно. И. В. Сталин в своей работе «Марксизм и вопросы языкознания» еще раз напоминает ученым, «...что никакая наука не может развиваться и преуспевать без борьбы мнений, без свободы критики»¹.

Без охарактеризованного выше издательского подъема было бы крайне трудно подвести основные научные итоги работы советских археологов в минувшем пятилетии.

Советская археология является неотделимой частью марксистско-ленинской исторической науки. Главная задача советских археологов — осуществление на основе исторического материализма исследований, основанных на изучении вещественных источников, археологических памятников, освещающих древнейшие периоды истории. Советские археологи главным в своей исследовательской деятельности считают воссоздание древней истории во всей ее многогранности и прежде всего изучение состояния производительных сил, экономики общества, его социальных, политических и культурных особенностей. Изучая изменения, которые происходили в базисе общества, и воссоздавая по вещественным остаткам надстроечные явления, археологи СССР всемерно стремятся следовать сталинскому учению о базисе и надстройке и взаимоотношениях между ними, памятуя, что «надстройка порождается базисом, но это вовсе не значит, что она только отражает базис, что она пассивна, нейтральна, безразлично относится к судьбе своего базиса, к судьбе классов, к характеру строя. Наоборот, появившись на свет, она становится величайшей активной силой, активно содействует своему базису сформироваться и укрепиться, принимает все меры к тому, чтобы помочь новому строю dokonать и ликвидировать старый базис и старые классы»².

Советская археологическая наука борется против отвратительного порождения капитализма — расистской «теории» буржуазных идеологов, против деления современных и древних народов на «исторические» и «не исторические» против антиисторического модернизаторства в истории древнего мира и других фальсификаций исторического процесса, создаваемых буржуазными историками и археологами капиталистических стран с целью доказательства прочности капитализма, с целью лживого изображения социальных революций в виде случайно, неудачно слагавшихся для господствующего класса ситуаций, с целью оправдания капиталистической эксплуатации и колониального гнета и борьбы с освободительным движением и прогрессивными направлениями в науке, с целью подготовки новой мировой войны путем обмана масс и разжигания шовинистического, расистского психоза.

Развитие советской археологии протекает в постоянной борьбе за последовательное применение марксистско-ленинской методологии против всевозможных ее искажений и враждебных марксизму-ленинизму влияний буржуазной науки. Советские археологи успешно боролись с ошибочными взглядами так называемой «школы» Покровского, с антимарксистскими установками экономизма и начетнического схематизма. Большие успехи, достигнутые нашей наукой в годы, предшествовавшие Великой Отечественной войне, были обеспечены применением в исследовательской работе тех положений диалектического и исторического материализма, которые с предельной ясностью и силой были изложены в гениальной работе И. В. Сталина «О диалектическом и историческом материализме».

В последние, уже послевоенные годы советские археологи решительно выступали против проявлений в нашей науке вредного влияния буржуазной идеологии космополитизма, аполитичности и безидейного объективизма.

¹ И. В. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, 1951, стр. 31.

² Там же, стр. 7.

Развернутая археологами критика и самокритика позволила выяснить весьма существенные ошибки этого характера в ряде работ и особенно в учебных пособиях по археологии. Наконец, 1950 год явился в истории нашей науки годом величайшего перелома, вызванного гениальными трудами И. В. Сталина по вопросам языкознания. Несмотря на то, что в советскую археологию отдельные «построения» Н. Я. Марра проникали на протяжении многих лет и получили известное распространение, особенно благодаря предпринятой археологами — «учениками» Марра — крикливой пропаганде его «теорий», подавляющее большинство советских археологов, критически подойдя к своей исследовательской работе, высказались против получивших хождение в археологии немарксистских «теорий» Марра и, воодушевленные призывом великого Сталина, взялись за работу по скорейшей ликвидации того вреда, который Марр и его «ученики» причинили советской археологической науке в ее развитии на базе творческого марксизма.

Большое число докладов и дискуссий, теоретических конференций и специальных семинаров, которые осуществляют сейчас советские археологи, являются показателем того творческого подъема, который вызван в среде археологов гениальными трудами И. В. Сталина по вопросам языкознания, содержащими положения исключительного творческого значения для всей марксистско-ленинской науки.

Величайшим выражением победы социализма в нашей стране явилось торжество ленинско-сталинской национальной политики, сложение в СССР социалистических наций. Этот процесс вызвал огромный рост национального самосознания народов Советского Союза; одним из отражений этого роста явилось стремление к познанию своего прошлого, неуклонно растущий интерес к своей истории. Великий Сталин и его ближайшие соратники товарищи Киров и Жданов еще в 1934 г. указывали советским историкам на необходимость покончить со старой схемой, не ограничиваться историей Великороссии, но дать историю и других народов, вошедших в состав СССР.

В огромной работе, проделанной советскими учеными по созданию подлинной истории народов Советского Союза, не малую роль сыграли археологические исследования, благодаря которым удалось осветить глубокую древность в истории населения нашей великой Родины и выяснить историю тех народов Советского Союза, которые не имели своей письменной истории.

В настоящее время результаты археологических исследований во все большем объеме используются в этой общеисторической работе. Все выходящие за послевоенные годы учебники и книги по истории отдельных народов СССР неизменно открываются разделами древней истории их стран, освещаемой главным образом на основании работ советских археологов. Таковы уже вышедшие книги «История Казахской ССР», «История народов Узбекистана», «История таджикского народа», «История Грузии», «История армянского народа», «История Якутской АССР», «Очерки по истории алтайцев» и ряд других.

Применение археологических исследований в построении истории народов в ближайшее время достигнет еще большего объема. Благодаря гениальным трудам И. В. Сталина пали перегородки, которые настроили последователи Марра между современными нациями и народностями и племенами древности, сведя процесс этногенеза к серии фантастических превращений. Сталинское учение о языке требует конкретного изучения исторического процесса, в котором отдельные языки выходили победителями. Вместе с тем это учение требует изучения языка в тесной связи с историческим развитием племен и народов, на основании исследования фактов, доставляемых историей, археологией, этнографией и другими родственными

дисциплинами. Оружие, выкованное гением Сталина, не только разбило идеалистические построения так называемого «нового учения о языке», но позволяет до конца разрушить человеконенавистнические, основанные на безудержной фальсификации истории построения расистов — буржуазных археологов, историков, этнографов и лингвистов.

Новые задачи и перспективы работы требуют тщательного пересмотра наших исследований по вопросам сложения современных народов. При этом необходимо исходить из положения И. В. Сталина, «...что элементы современного языка были заложены ещё в глубокой древности, до эпохи рабства»¹.

В связи с этим первоочередной задачей археологии является определение древних племен, всестороннее исследование их древней истории и выявление среди них тех племен, которые становились ведущими в процессе сложения народностей. Это приведет к созданию подлинной гражданской истории древности и одновременно окажет помощь в деле конкретного изучения процесса образования народностей, а позднее и наций.

Эта грандиозная задача требует усовершенствования исследовательских приемов изучения памятников в поле и в лаборатории, сплошного исследования больших территорий. Здесь огромную помощь оказывает нам сталинское постановление «О мерах улучшения охраны памятников культуры» и «Положение об охране памятников культуры» — документы выдающегося значения, на основе которых с особой силой разворачиваются сейчас археологические исследования на великих стройках коммунизма. Эти исследования послужат мощной базой для археологического изучения истории нашей Родины в предстоящие годы.

Достижения советской археологической науки — надежная основа для разворачивания исследовательской работы в новом направлении².

* * *

Богатейшие материалы по палеолиту и неолиту вполне позволяют ставить вопрос о происхождении родового строя и освещать процесс сложения племенных объединений.

Крупнейшим успехом советской археологии является открытие на Кавказе и в Средней Азии местонахождений шельских и ашельских памятников, а также памятников мустьерского возраста на огромном пространстве европейской и азиатской части СССР. При этом особенно важно отметить, что эти материалы уже подвергались тщательнейшему изучению и опубликованы в виде монографических исследований, содержащих концепцию истории раннего палеолита, в корне отличную от расистских построений буржуазных исследователей³.

¹ И. В. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 26.

² Помимо монографий, ссылки на которые приводятся в соответствующем месте текста, изложенные в настоящей статье материалы о достижениях советской археологии почерпнуты из следующих серийных изданий: 1) «Материалы и исследования по археологии СССР», изд. ИИМК АН СССР, вып. 7—24. М.—Л., 1947—1951; 2) «КСИИМК АН СССР», вып. XI—XLI, 1945—1951; 3) «Советская археология», вып. VIII—XV, 1946—1951; 4) «Археология», т. I—IV. Киев, 1947—1951; 5) «Вестник Гос. Музея Грузии», вып. XIV—XVI, Тбилиси, 1947—1950; 6) «Материальная культура Азербайджана», Баку, 1949; 7) Кармир-Блур, Ереван, 1950; 8) «Труды Средне-Азиатского гос. ун-та», вып. XI, Ташкент, 1950; 9) «Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции», т. I, Ашхабад, 1949; 10) «Труды Гос. Исторического музея», т. XVII, М., 1948; 11) С. В. Киселев. Вопросы археологии первобытного общества в свете трудов И. В. Сталина по языкознанию. «КСИИМК АН СССР», вып. XXXVI, 1951.

³ М. З. Паничкина. Палеолит Армении. Изд. Гос. Эрмитажа, Л., 1950; А. П. Окладников и др. Тешик-Таш. Палеолитический человек. Изд. Моск. гос. ун-та, М., 1949.

В частности, исследование шелльских и ашельских стойбищ на Сатани-Даре и в Арзни позволяет категорически опровергнуть выдвигаемое рядом буржуазных ученых псевдонаучное расистское «учение» о том, что будто бы в древнем палеолите изначально существовали какие-то обособленные племена, из которых одни пользовались лишь бесформенными осколками, а другие неизмеримо более совершенными рубилами. Брейль прямо связывает эти якобы изначально существовавшие «культуры» рубил и осколков с современными господствующими и подчиненными расами.

Минувшее пятилетие принесло много нового и в области изучения верхнепалеолитических памятников Украины (на Днестре и на Десне), классических стоянок Костенок (на Дону), в Средней Азии и на востоке Сибири. Сделанные открытия не только доставили новые данные о верхнем палеолите (стали известны его ориньякские ступени), но они заставляют пересмотреть периодизацию верхнего палеолита Восточной Европы. При этом и здесь за истекшие пять лет получены не только новые материалы, но закончены и большие монографические работы, прежде всего по тем же Костенкам. Все эти исследования определенно указывают на верхний палеолит как на время развития родовых отношений, позволяют видеть в палеолитических местонахождениях стоянки матриархально-родовых общин.

Изучение неолитических памятников велось на обширнейших территориях нашей страны и обогатило нас множеством новых фактов. Особо следует подчеркнуть большую плодотворность исследования торфяниковых стоянок Сарнете в Прибалтике, Модлона в Вологодской области, Горбуново на Урале. Однако важнейшим здесь является завершение серии монографий по истории неолитических племен Прибалтики, севера Восточной Европы, европейской части СССР в целом и ряда районов Сибири, прежде всего областей Прибайкалья, бассейна Лены и далекого северо-востока советской Азии. Все эти изданные и находящиеся в печати монографии с разных сторон и с различной степенью детализации воссоздают широкую историческую картину жизни и различных изменений, которые пережили в неолитическое время древние обитатели нашей Родины. Особенно важно отметить, что большинство исследований в этой области решительно отходит от недавно еще господствовавших чисто систематических описаний «культур», стремясь увидеть за прежними формальными делениями материала реальную жизнь древних племен. В настоящее время именно эти неолитические материалы используются для выяснения процесса развития племенного устройства и тех политических взаимоотношений, которые в то время возникали. Эти исследования несомненно представляют интерес и не только с историко-археологической стороны. Они дают конкретные материалы относительно условий, в которых протекал важнейший процесс «развития от языков родовых к языкам племенным» (Сталин).

Энеолитическая эпоха с особым успехом изучалась по памятникам Триполья¹. Уже предвоенные раскопки трипольских памятников опровергли прежние интерпретации и заставили увидеть здесь остатки многолюдных поселений, население которых жило в условиях мотыжно-земледельческого хозяйства и матриархально-родовых общественных отношений. За минувшее послевоенное пятилетие необычайно расширилась территория изучения трипольских поселений. Их исследовали в Молдавии, в западных областях Украины, на Днестре, где были открыты своеобразнейшие памятники времени расцвета Триполья и ранней его поры. Особенно важно, что за истекшие пять лет было напечатано много исследовательских работ по проблеме Триполья, устанавливающих общую периодизацию трипольских поселений и разрешающих большое число общих вопросов по истории

¹ Т. С. Пассек. Периодизация трипольских поселений. МИА, вып. 10. Изд. АН СССР, М., 1949.

энеолита Северного Причерноморья и судеб трипольского населения в начале II тысячелетия до н. э. Характерно, что и эти работы стремились выяснить не только социально-экономические условия, но и обстановку развития трипольских племен, их взаимоотношения с соседями и культурные связи.

За послевоенные годы коренному пересмотру подверглись наши представления о так называемых «культурах бронзовой эпохи» в степях между Днестром и Волгой и в Волго-Окском междуречье (фатьяновская культура).

В отличие, с одной стороны, от миграционной схемы В. А. Городцова, а с другой, от стадияльной фантастики, навеянной «новым учением о языке» и отразившейся на большинстве сочинений по этому вопросу, вышедших перед Великой Отечественной войной, вышедшие после войны статьи и печатающиеся сейчас монографии представляют собой подлинно исторические исследования, рисующие хозяйственную, общественную и политическую жизнь древнего населения. При этом, вместо аморфных «культур», авторы стремятся показать реальную историю племен и племенных союзов. Особо следует отметить совершенно новые выводы, достигнутые в отношении происхождения фатьяновских племен, племен срубной культуры, а также новое решение вопросов поздней бронзы и в том числе выяснения киммерийской проблемы¹. В ряде работ и в монографических исследованиях, выполненных ИИМК к концу 1950 г., содержатся историко-археологические исследования событий эпохи энеолита и эпохи бронзы.

Значительных успехов достигла советская археологическая наука и при исследовании энеолита и бронзового века Кавказа. На Северном Кавказе, судя по вышедшим статьям и подготовленным монографиям, историческая систематизация материала охватила все пространство от Черного моря до Каспийского. Это стало возможным благодаря большой экспедиционной работе, особенно в Кабардинской и Дагестанской АССР. В настоящее время, помимо решения ряда важных, чисто археологических вопросов, например вопроса о Кубанских больших курганах майкопской культуры, уже предпринята разработка на основании археологических данных древнейших периодов истории отдельных народов Северного Кавказа. Примером являются уже опубликованные очерки по истории Осетии и Кабарды. Подготавливается история Адыгеи и Дагестана. Что касается изучения прошлого Закавказья, то и в этой области дело не ограничивалось накоплением новых материалов. За послевоенные годы вышло много работ, осветивших важнейшие проблемы древнейшей истории Азербайджана (особенно по материалам Мингечаура), в Армении (в связи с изучением урартских городов и прежде всего Тейшебаини) и Грузии, где исследования этой эпохи были осуществлены и на востоке, в Кахетии, и в районах Самтавро Гори, а также в Колхидской низменности по Черноморскому побережью².

Исследования бронзовой эпохи в Сибири имели в минувшее пятилетие разнообразный характер. В Западной Сибири, в приуральской и в приалтайской ее части, шел усиленный сбор материалов, сейчас уже позволяющих нарисовать историческую картину жизни древнего населения этих мест. В Южной Сибири, Прибайкалье и Ленском бассейне наряду с накоплением материала было возможно осуществить ряд монографических работ по истории древних племен Томского района, Саяно-Алтайского нагорья, Поангарья и Прибайкалья. Впервые нам стали известны

¹ О. А. Гракова... Бессарабский клад. Изд. ГИМ. М., 1949; е е же. Хронология памятников фатьяновской культуры. КСИИМК, вып. XVI, 1947.

² Б. Б. Piotrovskiy. Археология Закавказья. Изд. Ленингр. гос. ун-та, Л., 1949; Б. Б. Piotrovskiy. Кармир-Блур. Ереван, 1950; Б. А. Куфтин. Материалы археологии Колхиды, т. I и II. Тбилиси, 1949—1950; Е. И. Крупнов. Очерки по истории Кабарды. Нальчик, 1950.

материалы, характеризующие бронзовый век севера — территории Якутской АССР.

В результате этих работ впервые мы узнали историю древнего населения Сибири, которая оказалась весьма разнообразной для отдельных районов и отнюдь не изолированной от истории соседних стран Средней и Центральной Азии, Причерноморья и Дальнего Востока¹.

В послевоенные годы впервые в сводном виде стало возможным говорить и об энеолите и бронзовом веке Средней Азии. Древнейший Хорезм, Южный, Западный и Центральный Казахстан и Киргизия, районы Южного Узбекистана и Туркмении и даже Памир дали многочисленные памятники этого времени, свидетельствующие о самобытном развитии и тесных связях населения Средней Азии с соседними племенами Приуралья, Северного Казахстана и Сибири. В настоящее время вновь встала проблема Анау, получающая совершенно иное освещение сравнительно с антиисторическими построениями буржуазных исследователей. В этом отношении особенно много дали исследования на поселении родового общества Намизгар-депе, имеющем площадь до 50 гектаров. Здесь раскопано 27 комнат семейного дома, относящегося к культуре Анау III. Важно, что и в отношении бронзового века Средней Азии за минувшее пятилетие советские археологи, кроме статей и отчетов, выпустили ряд монографических исследований, впервые воссоздав целые разделы древней истории Средней Азии².

Античные государства и города Северного Причерноморья попрежнему живо интересовали наших археологов-античников. Вновь развернулись работы в Ольвии, Пантикапее, Фанагории и других крупнейших центрах. Наряду с этим исследовались и более мелкие города, в том числе и Киммерик, с памятниками догреческой культуры, и Илурат. Прежде всего нужно подчеркнуть выход в свет за прошедшие пять лет ряда монографических работ, по-новому осветивших проблему греческой колонизации и историю Боспорского царства и ряда крупнейших городов Причерноморья — Пантикапея, Херсонеса, Танаиса и Ольвии³. Советские археологи здесь работали как настоящие историки древнего мира, а историки античности, воссоздававшие картину жизни народов Причерноморья, могли достигать успеха, только обращаясь к историко-археологическим исследованиям.

Значительно продвинулось вперед и разрешение проблемы государств эпохи эллинизма на Кавказе. Уже подготовлено (на грузинском языке) издание замечательных находок в аристократических погребениях Армази, полным ходом идет изучение материалов Багниди и других памятников античной Грузии. Изыскания в Гарни вышли далеко за пределы изучения знаменитого храма, осложнились внимательнейшим изучением истории стен цитадели и превратились в многостороннее исследование столицы Трдата I в целом. Историко-археологическое изучение древней Албании включает и Восточное Закавказье в решение, применительно к истории Кавказа, проблем истории рабовладельческого общества. Вся археологическая общественность с нетерпением будет ждать обобщений этих замечательных исследований наших закавказских товарищей.

История Средней Азии античного времени с большим успехом изучается на территории Хорезма (особенно по материалам раскопок в Топрак-

¹ С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. Изд. 2 АН СССР, М., 1951; А. П. Окладников. Ленские древности, т. I—III. Изд. Якут. филиала АН СССР. Якутск.—М., 1946—1950; А. П. Окладников. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. Изд. АН СССР, М.—Л., 1950; С. В. Киселев. Краткий очерк древней истории хакасов. Изд. Хакас. НИЯЛИ, Абакан, 1951.

² С. П. Толстов. Древний Хорезм. Изд. Моск. гос. ун-та, М., 1948.

³ В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство. Изд. АН СССР, М., 1950; Г. Д. Беллов. Херсонес Таврический. Изд. Гос. Эрмитажа, Л., 1950; Т. Н. Книпович. Танаис. Изд. АН СССР, Л., 1949.

Кала). Недавно мы узнали о новых находках во дворце хорезмских владетелей III века, сейчас уже полностью изученном¹. Исследования древней Парфии в Туркменистане также проводятся весьма успешно благодаря раскопкам одной из парфянских столиц — Нисы. На Старой Нисе вскрыты помещения с высокохудожественными предметами парфянских царей из серебра, бронзы, камня, кости. Особую ценность представляют десятки ритонов из целых слоновых бивней с большим числом разных горельефных изображений и скульптурных фигур. На Новой Нисе обнаружен небольшой архив остраконов, оказавшихся датированными и написанными на парфянском языке налоговыми документами II в. до н. э. по обложению виноградников. Открытие парфянской письменности представляет выдающееся достижение нашей науки. Особо должно быть отмечено изучение процессов разложения рабовладельческого строя и возникновения феодальных отношений, получающих новое освещение благодаря исследованию раннесредневековых памятников Хорезма, столицы Бухархудадов — Варахши и одного из крупнейших городов Согда — Пянджикента. Все эти новые открытия уже зафиксированы в многочисленных изданиях — фундаментальных отчетах и монографиях. Здесь может быть особенно уместно отметить положительную практику ЮТАКЭ и Таджико-согдийской экспедиции, которые особенно быстро и оперативно издают результаты своих исследований.

Исследование скифской и сарматской проблем шло за минувшее пятилетие по различным руслуам. Изучалось происхождение скифов и сарматов, исследовался их общественный строй, особое внимание привлек вопрос о скифском земледелии и о скифских городищах и городах. Наконец, значительно продвинулось вперед изучение скифского царства в Крыму, особенно его столицы Неаполя-Скифского. Одновременно впервые изучено таврское укрепление на горе Кошке. Следует, однако, отметить, что наряду с весьма важными частными исследованиями вопросов, связанных с историей скифо-сарматских племен, не появилось до сих пор монографических трудов, освещающих важнейшие стороны скифской проблемы, которая имеет, несомненно, исключительно важное значение для истории нашей страны.

Из областей, лежащих к северу от Скифии, незаслуженно забытыми остались в минувшее пятилетие важнейший волго-окский и верхне-днепровский районы. Только за последнее время внимание исследователей вновь сосредоточилось на памятниках этой важнейшей области славяно-чудских взаимоотношений. Нужно всячески приветствовать работы по городищам южновского типа, по вопросам городецкой культуры; следует оживить изучение городищ дьякова типа. Весьма важные материалы по истории прибалтийских племен получены раскопками на городище Асва и на других городищах того же времени. В отличие от волго-окского и верхне-днепровского районов, Прикамье систематически подвергалось дополнительному полевному изучению. Недавно закончено монографическое исследование ананьинской эпохи в Прикамье. Значительно продвинулось вперед и изучение древностей этого времени в Западной Сибири, где уже монографически был изучен вопрос о значении памятников I тысячелетия до н. э. и начала н. э. для проблемы происхождения угорских народов. То же можно сказать и в отношении Южной Сибири и Прибайкалья; изучение этих районов получило освещение во многих печатных работах, в том числе в монографиях и историко-археологических работах широкого профиля. Особо здесь следует подчеркнуть тот успех, которым увенчались за последние годы раскопки больших Алтайских курганов Пазырьжских и других групп, давшие первоклассную коллекцию памятников искусства так называемого звериного стиля и замечательные ковровые картины средне-

¹ С. П. Толстов. По следам древнехорезмийской цивилизации. Изд. АН СССР М.—Л., 1948.

азиатского происхождения. Как положительную черту следует отметить оживленную дискуссию, ведущуюся вокруг этих памятников и их исторической интерпретации, а также тот факт, что эти первоклассные находки всесторонне освещены в специальных изданиях¹.

Раннее средневековье, время сложения государств и народов Сибири, также нашло освещение в минувшем пятилетии. Изучены предки современных якутов — курыкане, государства древних хакасов и алтае-орхонских тюрок и, благодаря советско-монгольской объединенной работе, уйгурские города IX—XII вв. и древняя монгольская столица Кара-Корум. Значительная часть этих проблем уже разработана в вышедших историко-археологических монографиях и публикациях.

То же следует сказать об истории средневековой Средней Азии, разрабатываемой с большим размахом в Хорезме, Таджикистане, Киргизии, Казахстане и Туркменистане. Историко-археологическое изучение этого времени истории Средней Азии оказало большую помощь при составлении историй Узбекистана и Таджикистана, вышедших в свет за последнее время.

Такое же значение имели и археологические исследования средневековых центров Закавказья: Ганджи в Азербайджане, Двина в Армении и Дманиси в Грузии. Нужно только пожелать, чтобы не замедлили появиться книги, посвященные изучению этих замечательных памятников.

Следует также отметить большую исследовательскую работу над вопросом происхождения народов Поволжья и их средневековой историей. Мордва, чуваша, меря, татары, народы Прикамья и древние болгары, Хазария и Золотая Орда историко-археологически изучались весьма активно. В результате этой работы явился ряд книг и брошюр, опубликованных особенно в большом числе местными изданиями, а также монографии, находящиеся сейчас в печати².

Археологическое изучение Древней Руси осуществлялось по четырем направлениям. Исследовались вопросы происхождения восточного славянства, изучался древнерусский город, специально изучалось древнерусское ремесло, и результаты историко-археологических работ были обобщены в «Истории культуры древней Руси».

По вопросам происхождения восточного славянства в настоящее время накопился обширный материал, позволяющий в свете трудов И. В. Сталина о языкознании, с фактами в руках, критически рассмотреть ранее сделанные заключения³. За минувшее пятилетие были выполнены особенно обширные исследования по древнерусским городам. Изучались Киев, Новгород, Чернигов, Гродно, Псков, Старая Рязань, Белозерск, Старая Ладога и ряд более мелких городских центров. Обширные раскопки проводились и в самой Москве, в устье Яузы и в Зарядье. Картина жизни пристаньской и ремесленной части Москвы ярко воссоздается этими работами.

Результаты новых исследований, а также исследований прежних лет нашли отражение в отчетных изданиях и в монографических работах⁴.

¹ Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири. АН СССР, М., 1951; С. И. Руденко. Второй Пазырыкский курган. Изд. Гос. Эрмитажа, Л., 1949; М. П. Грязнов. Первый Пазырыкский курган. Изд. Гос. Эрмитажа, Л., 1950.

² А. П. Смирнов. Волжские Булгары. Изд. ГИМ, М., 1951; его же. Археологические памятники на территории Марийской АССР. Козьмодемьянск, 1949; Б. Д. Греков и А. Ю. Якубовский. Золотая Орда и ее падение. Изд. 2 АН СССР, М., 1950.

³ П. Н. Третьяков. Некоторые вопросы происхождения народов в свете произведений И. В. Сталина о языке и языкознании. «Вопросы истории», 1950, № 10; его же. Восточно-славянские племена. М., 1948; М. И. Артамонов. Происхождение славян. Л., 1950.

⁴ М. К. Каргер. Археологические исследования древнего Киева. Киев, 1950; В. К. Гончаров. Райковецкое городище. Киев, 1950.

Ряд крупных, уже заканчиваемых в этом году монографий, в том числе по Киеву и Старой Рязани и несколько позже — по Пскову, должны выйти в свет в ближайшие годы.

Исследования по древнерусскому ремеслу, столь многосторонне разработанные в начале пятилетия, главным образом с историко-экономической, общественно-политической и историко-культурной сторон, в конце пятилетия получили дальнейшее освещение благодаря работам по изучению развития металлургии, которые еще обещают дать немало нового по вопросу об уровне металлургии в древней Руси¹. Остается отметить, что в прошедшем пятилетии было завершено двухтомное издание «Истории культуры древней Руси», явившееся итогом самых различных исторических, археологических, историко-юридических, историко-литературных и искусствоведческих исследований, произведенных советскими учеными за последние годы². В настоящее время ведутся завершающие редакционные работы над двумя первыми томами «Истории СССР». Выход этих книг позволит еще более наглядно и всесторонне, чем я мог сделать в этом обзоре, представить развитие советской археологии, неизменно идущей по пути, указанному гениальным ученым нашей страны И. В. Сталиным.

¹ Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. Изд. АН СССР, М., 1948.

² История культуры древней Руси, т. I и II. Изд. АН СССР, М.—Л., 1951. В 1952 г. это издание удостоено Сталинской премии.

А. П. СМ И Р Н О В

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ 1950 ГОДА В ЗОНЕ СТРОИТЕЛЬСТВА КУЙБЫШЕВСКОЙ ГЭС

Строительство Куйбышевской ГЭС проводится на площади со многими историческими памятниками, которые имеют крупное значение для истории народов Поволжья и Древней Руси. Часть этих народов до Великой Октябрьской революции не имела своей письменности — обстоятельство, усугубляющее ценность археологического материала и заставляющее относиться к памятникам, попадающим в зону строительства, с особым вниманием и обеспечить археологическое изучение этих объектов.

Еще в 1938—1940 гг. Институт истории материальной культуры АН СССР начал археологическое обследование этой территории. В результате работ, проведенных совместно с Государственным историческим музеем, Государственным музеем ТАССР, Куйбышевским областным музеем, было открыто несколько сот разновременных памятников. Исследования дали ценный материал, значительно дополняющий знания по истории нашей страны.

Одна из важнейших задач экспедиции 1950 г.¹ заключалась в поисках палеолита, почти не известного в Поволжье. Кроме таких стоянок, как Улянк в Чувашии или открытой в ТАССР в 1949 г. стоянки в Мензелинском районе, совершенно не давших орудий труда, а также таких недостоверных находок, как комплекс из Постникова оврага близ Куйбышева ТАССР, мы не имеем памятников этой отдаленной эпохи, что и заставило поставить вопрос о палеолите Поволжья. Организованная с этой целью группа под руководством М. Д. Гвоздовер обследовала устье Камы, где по

¹ В 1950 г. ИИМК АН СССР была организована экспедиция, в проведении которой приняли участие ГИМ, Государственный музей ТАССР, Казанский филиал АН СССР, Куйбышевский областной музей. Кроме научных сотрудников этих учреждений, в исследовании приняли участие студенты МГУ им. М. В. Ломоносова, Казанского университета им. В. И. Ульянова-Ленина, Казанского педагогического института, Историко-архивного института, Московского областного педагогического института, Казанского химико-технологического института, Казанского авиационного института. Экспедиция проводила работу пятью отрядами и группой по изучению палеолита, работавшими в различных районах зоны затопления. Руководитель экспедиции — А. П. Смирнов, начальник 1-го отряда, исследовавшего развалины города Великие Болгары, — зав. Отделом истории музея ТАССР А. М. Ефимова, нач. 2-го отряда, работавшего по нижнему течению р. Утки, — А. В. Збруева, нач. 3-го отряда, работавшего в Ставропольском районе, — Н. Я. Мерперт, нач. 4-го отряда, работавшего в районе р. Усы, — А. Е. Аляхова, нач. 5-го отряда, работавшего в казанском Поволжье, — засл. деятель наук ТАССР Н. Ф. Калинин; группу по изучению палеолита возглавляла М. Д. Гвоздовер.

предварительным данным можно было ожидать находки ранних памятников, может быть даже эпохи верхнего палеолита. Обследование берега от устья Камы до урочища Чортова дыра, а также района Тенишевского дола дало несколько отщепов кремня и одну ножевидную пластинку неопределенного времени, вероятнее всего эпохи бронзы.

К ранним же памятникам следует отнести кремневое ядрище (нуклеус) и ножевидную пластинку, найденные во вторичном залегании у подошвы Болгарского городища. Оба предмета, по мнению П. И. Борисковского, могут относиться ко времени не ранее мезолита или даже неолита.

Значительно более интересный материал получен экспедицией для характеристики эпохи поздней бронзы. В районе р. Свияги и казанского течения Волги отрядом Н. Ф. Калинина обследовано и частично открыто несколько стоянок конца II — начала I тысячелетия до н. э. Таковы стоянки близ Зеленодольска, близ р. Сумки, близ обсерватории у Займища, у Малых Отар, Нового Победилова, Больших Отар, Вороньего Куста и Петропавловской. Эти памятники дали интересный керамический материал, характеризующий культуру местных племен эпохи поздней бронзы и свидетельствующий о связях с племенами степного Поволжья.

Интересен открытый тем же отрядом Васюковский могильник, относящийся к абашевской культуре, представляющей последний отзвук фатьяновской культуры. На основании изучения материала могильник можно считать принадлежавшим племенам, вошедшим как один из основных компонентов в состав ананьинской культуры. Окончательное разрешение проблемы этногенеза народов Поволжья невозможно без знания абашевской культуры.

Стоянки того же времени были исследованы в Ульяновской области отрядом А. В. Збруевой. Открыта стоянка близ дер. Зеленовки в урочище Гулькин бугор. При вскрытии культурного слоя обнаружена землянка, величиной в 216 м². В землянке найдено несколько очагов, один из которых А. В. Збруева считает основным, а остальные, по ее мнению, служили только для отопления небольших помещений. Таким образом, перед нами большой дом, аналогичный домам североамериканских индейцев, о которых говорит в «Происхождении семьи...» Ф. Энгельс. Подобные длинные дома были изучены на средней Каме А. В. Збруевой и в степном Поволжье среди памятников срубной и андроновской культур. Эти дома свидетельствуют о первобытно-общинном строе, о едином хозяйстве родовой группы, о наличии патриархального рода (о чем можно судить на основании анализа хозяйства) с довольно сильными пережитками матриархата.

Интересный материал получен при раскопках курганов близ с. Ягодного, произведенных отрядом Н. Я. Мерперта. Обследовано более 50 курганов конца II тысячелетия до н. э., из которых раскопано пять. В курганах открыты погребения в скорченном положении, в срубах и в насыпи, ориентированные головой на северо-запад. При погребениях найдены сосуды срубного типа и кости животных. Интересен секач сосново-мазинского типа. Отметим также более позднее вдовное погребение в вытянутом положении, близ которого обнаружены псалии киммерийского или раннескифского времени. Интересно височное кольцо в виде спирали, аналогичное северокавказским. Правильные приемы раскопок на снос, примененные Н. Я. Мерпертом, позволили исследовать курган нового типа, с жертвеником в центре, с погребениями в срубах по дуге кургана и многими погребениями в насыпи в остальной части кургана. Перед нами типичное кладбище первобытного общества.

Южнее, в районе р. Усы, были исследованы стоянки того же времени, к числу которых надо отнести Муранскую и Воскресенское селище. Последние датируются концом II тысячелетия до н. э. и относятся к срубной

культуре. На Воскресенском селище была обнаружена полуразрушенная землянка, типа большого дома, аналогичная, повидимому, землянке, открытой отрядом А. В. Збруевой.

Все разобранные памятники дают прекрасный материал для характеристики культуры и быта племен степного Поволжья конца бронзовой эпохи. Население занималось скотоводством и охотой, основными орудиями оставались каменные при небольшом количестве бронзовых. Кроме указанного выше секача сосново-мазинского типа, найден только один бронзовый нож на Зеленовской стоянке Гулькин мыс. Весь материал свидетельствует, что перед нами общество, стоявшее на сравнительно низком уровне производительных сил. Несмотря на наличие скотоводства и бронзовых орудий, которые заставляют предположительно отнести это общество к патриархальному роду, нужно думать, что пережитки матриархата были в нем весьма сильны. Поэтому не случайно несколько позднее, уже в скифскую эпоху, античные авторы отмечают пережитки матриархата у савромат, обитавших на этой территории.

К этому обществу вполне применима характеристика первобытно-общинного строя, данная в «Кратком курсе истории ВКП(б)»: «При первобытно-общинном строе основой производственных отношений является общественная собственность на средства производства. Это в основном соответствует характеру производительных сил в этот период. Каменные орудия и появившиеся потом лук и стрелы исключали возможность борьбы с силами природы и хищными животными в одиночку... Здесь не имеют еще понятия о частной собственности на средства производства, если не считать личной собственности на некоторые орудия производства, являющиеся вместе с тем орудиями защиты от хищных зверей. Здесь нет эксплуатации, нет классов»¹.

Большой дом, открытый А. В. Збруевой, свидетельствует об общем хозяйстве. Бедный инвентарь погребений близ селения Ягодного явно показывает, что орудия труда являлись еще собственностью коллектива.

Следующий период, освещенный работами экспедиции, — ранняя железная эпоха. Из памятников этого времени следует отметить могильник «Пустая Морквашка», открытый в 20-х годах профессором Казанского университета В. Ф. Смолиным. Тогда было исследовано несколько погребений, давших весьма интересный материал. Работы текущего года показали, что значительная часть могильника еще ждет исследователей.

Большой научный интерес представляет могильник ананьинской культуры, обнаруженный А. В. Збруевой в низовьях р. Утки в урочище Гулькин мыс на территории стоянки бронзовой эпохи. Этот могильник заставляет пересмотреть вопрос о территории распространения ананьинской культуры и отнести южную ее границу значительно южнее, с Камы к берегам Утки, на границу распространения срубной культуры. Десяток погребений, открытых экспедицией, дал тот же обряд захоронения на спине, в вытянутом положении, ногами к реке. Интересно погребение со скифской стрелой архаического типа, попавшей в спинной позвонок (рис. 1), и ниже его погребение с кельтом ананьинского типа. Керамика этого могильника довольно близка абашевской, что как будто заставляет предполагать культурную преемственность от последней. А. В. Збруева отметила находку спирального височного кольца, аналогичного подобным из могильника

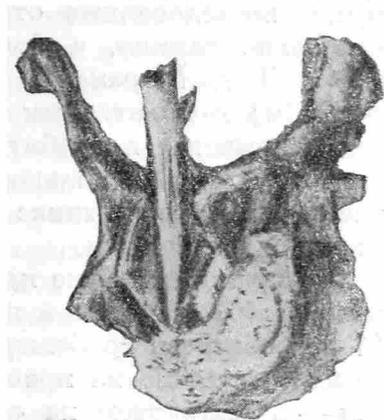

Рис. 1. Могильник Гулькин мыс. Архаическая стрела в позвонке.

¹ «История ВКП(б). Краткий курс», стр. 119.

Фаскау на Северном Кавказе, что лишний раз подчеркивает, по мнению исследователя, тесные связи племен Среднего Поволжья с Северным Кавказом.

К более позднему времени, ко второй половине I тысячелетия н. э., относится Большой Тархановский могильник, исследованный отрядом Н. Ф. Калинина. Здесь найден сосуд, аналогичный салтовским и сосудам могильников Северного Кавказа, привеска в виде колесика, опять-таки напоминающая салтовские. Этот могильник интересен тем, что содержит материал для решения вопроса о приходе болгар из Приазовья в Среднее Поволжье.

Большое внимание уделила экспедиция значительной группе памятников X—XV вв. Здесь прежде всего следует отметить селища, позволяющие изучить феодальную деревню того времени. В числе их следует указать селища близ Казани, близ деревни Зеленовки на р. Нижней Утке и ряд селищ по р. Усе. Селища у дер. Зеленовки, Муранское и Печерские выселки, исследованные отрядом А. Е. Алиховой, представляют собой не маленькие заимки, а большие деревни с довольно мощным культурным слоем. Так, Муранское селище занимает значительную площадь (400 × 500 м) с культурным слоем 50—60 см. Там открыты остатки домов с подпольями и с глинобитными печами, аналогичные постройкам болгарских городов. Наличие больших деревень позволяет говорить о довольно устойчивой и высокой технике сельского хозяйства. Найденный материал оказался довольно бедным.

Экспедицией также проведена работа на Муранском могильнике, открытом и исследованном в прошлом столетии В. Н. Поливановым. Вскрыто 41 погребение в гробовищах. Захоронение умерших женщин производилось преимущественно на правом берегу в полускорченном положении, а мужчин — в вытянутом на спине. В погребениях найдены накосники, бусы, скульгамы, различные бляшки, обычные для мордовского погребального инвентаря XIII—XIV вв. Не исключена возможность, что отдельные погребения с глазчатыми бусами восходят к более раннему времени. Интересную находку представляет молоток с гвоздодером и бурав, весьма редкие в обычном могильном инвентаре. Нельзя не отметить трупосожжение в круглой яме, сопровождаемое лепной болгарской керамикой. Два обряда погребения, зафиксированные экспедицией, заставляют вспомнить об упоминаемых восточными писателями IX—X вв. буртасах, у которых также было трупосожжение и трупоположение.

Материал могильника интересен для истории мордовского народа. Повидимому, Муранское селище принадлежало тем же людям, которые хоронили своих умерших на Муранском могильнике. Наличие большого числа болгарских вещей доказывает связь с городскими центрами волжской Болгарии.

Наиболее крупные работы произведены 1-м отрядом экспедиции, под руководством А. М. Ефимовой, на городище Великие Болгары, столицы государства волжских болгар. Развалины города находятся как на горе, так и в поемной волжской долине, которая будет залита после окончания строительства. Раскопками вскрыта площадь более 1300 кв. м.¹ Было открыто более 65 различных сооружений, в числе которых дома, хранилища, зерновые ямы, металлургические горны, печи для обжигания извести, общественные бани, инженерные сооружения по укреплению берега и колодцы. Раскопки 1950 г. дали новый богатый материал, позволяющий высоко оценить городскую культуру волжских болгар.

Стратиграфия культурного слоя в подгорной части городища состоит из следующих слоев, перечисленных сверху вниз:

I слой — современной деревни.

¹ Работами на отдельных раскопах руководили А. М. Ефимова, О. С. Хованская и Э. А. Акчурина.

II слой XVI—XIX вв. — гумированная супесь, включающая прослойки песка, смытого с верхнего плато городища, содержит русскую серебристо-лощеную керамику, красные неполивные изразцы XVI в., вещи XVIII в., среди которых глиняные трубки, остатки штофов и стекло елизаветинского времени. К этому слою относится ряд хозяйственных ям, остатки деревянного забора и мало выразительные фрагменты жилых домов.

III слой — эпохи Казанского ханства (конца XV — первой половины XVI в.), представляет собой погребенную почву, образовавшуюся в период запустения городища после взятия его войсками князя Федора Пестрого в 1431 г. Этот слой содержит в верхней части русские вещи, а в нижней — болгарские, характерные для конца золотоордынской эпохи. Никаких строительных остатков здесь не встречено.

IV слой — золотоордынской эпохи. По своему характеру он делится на две части — верхнюю, слабо гумированную, супесчаную, с большим количеством строительного мусора. В керамике преобладает красная гончарная высокого обжига. Кроме вещей, характерных для XIV в., немало находок более раннего времени, попавших в результате земляных работ того времени или путем смыва с верхней площадки городища. Нижняя часть этого слоя более гумирована и на отдельных участках содержит много остатков деревянных сооружений, сохранившихся в большинстве в виде темнокоричневого тлена. Керамический комплекс отличается присутствием значительного количества коричневой и красно-коричневой керамики, характерной для домонгольского времени. Этот комплекс лишней раз подчеркивает преимущество культуры золотоордынской Болгарии от своей предшественницы — Болгарии XI—XII вв.

V слой — супесчаный, слабо гумированный, с незначительным числом культурных остатков, свидетельствующих о слабой заселенности этого района города в XII в. Керамический комплекс V слоя напоминает керамику нижнего горизонта IV слоя. Помимо коричневой, здесь немало лепной, приготовленной без гончарного круга керамики и лепленной из глины с примесью толченой раковины.

VI слой — прослежен только в отдельных местах, он слабо отделяется от предыдущего в виде темной незначительной прослойки, почти лишенной культурных остатков. Датирует этот слой лепная посуда, найденная совместно с болгарской коричневой и желтой.

При разработке культурного слоя открыты дома характерного для болгарских городов типа, хорошо нам известного по раскопкам Болгара, Суvara и сведениям восточных писателей IX—XII вв. Это здания, рубленные из соснового дерева, с деревянным полом, положенным на переводниках, с глинобитной печью и с подпольем для хранения продуктов. Размеры таких домов в среднем 5×5 , 4×4 , 3×3 м. Особого внимания заслуживает печь, открытая на первом раскопе ($1 \text{ м} \times 70 \text{ см}$, с челом 36 см и шестком $90 \times 42 \text{ см}$; рис. 2), напоминающая печи, обычные в чувашских деревнях. Обнаружено много зерновых ям в виде усеченного конуса, цилиндра и куба. Лишь незначительная часть их относится к домонгольскому времени. Большинство же датируется XIV в.

Большой интерес представляют зерна злаков и сорных растений, найденные в хранилищах. Главное место занимает пшеница, затем рожь, ячмень, овес, просо, горох и чечевица. В зернах хлебных растений в качестве примеси обнаружено много семян сорных растений, позволяющих судить о системе земледелия. Среди них гречишка вьюнковая, круглец вьюнок полевой, мята белая, подмаренник и др. Как отмечает А. В. Кирьянов, эти сорняки являются типичными растениями старопашотных почв, длительное время используемых под посев культурных растений. Наличие старопашотных почв, по его мнению, — весьма важный момент в определении системы земледелия. При широком составе возделываемых культур на

старопахотных почвах возможна только паровая система, где пар — необходимое мероприятие для восстановления плодородия почвы и для борьбы с сорной растительностью. Эта система, повидимому, была в форме двухполья или трехполья. А. В. Кирьянов считает, что Болгары создали самостоятельную болгарскую земледельческую культуру, которая по технике и по составу возделываемых культур занимала высокое место в средневековой Европе. Нельзя не заметить, что наличие большой деревни типа Зеленовского селища или Муранской деревни точно так же косвенно свидетельствует о высоком уровне развития земледелия, повидимому двухпольной или трехпольной системы.

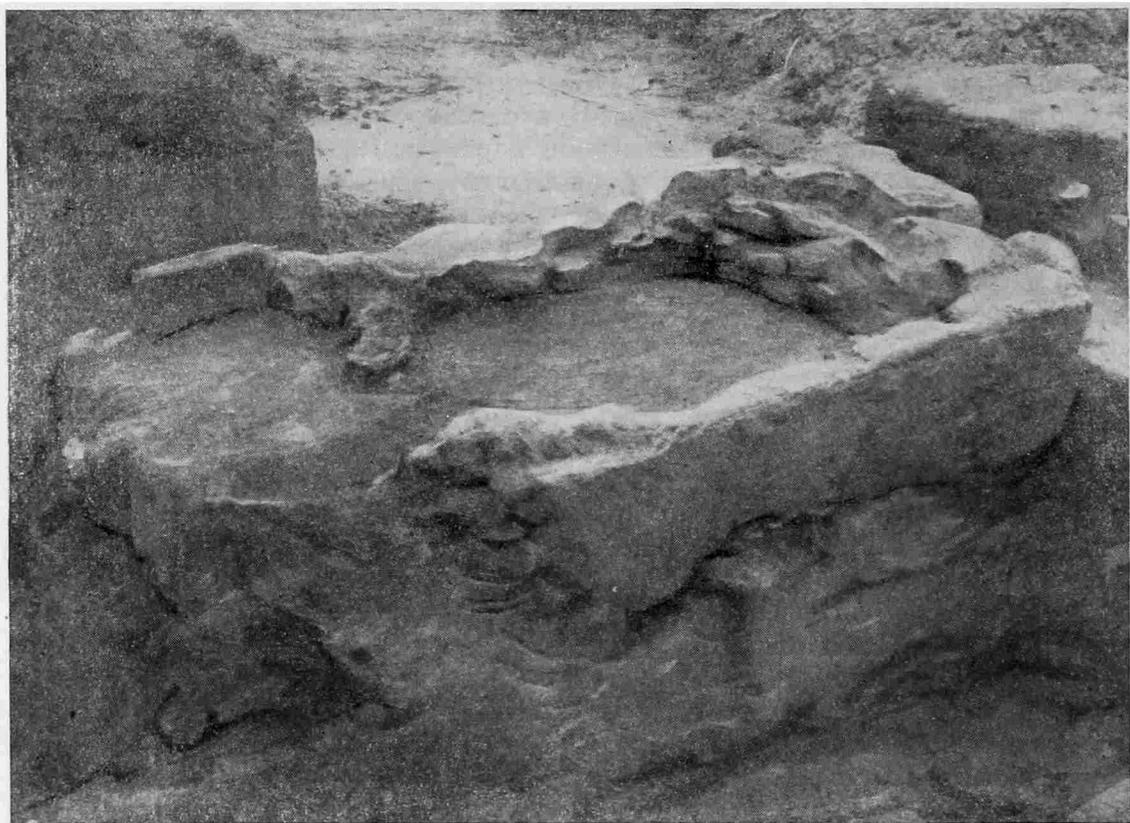

Рис. 2. Основание глиняной печи, открытой на городище Великие Болгары

Раскопки 1950 г. значительно дополнили наши знания по истории средневекового ремесла. Было открыто четыре металлургических горна, три из них типа литейных печей, известных по раскопкам прошлых лет на Болгарском городище и раскопкам Терещенко в Сарае-Берке. Один из них в виде цилиндра, диаметром 160 см, другой 210 см в диаметре по внешней окружности и 1 м по внутренней, со стенками 55 см толщиной. Такого же типа и третий горн, диаметром 240 см. Именно эти горны, вернее литейные печи, дали возможность болгарам получать собственный чугун, хорошо известный по раскопкам 1946—1950 гг. Наряду с такими совершенными печами существовали и небольшие сыродутные горны, размером 60×60 см, со стенками толщиной около 10 см, напоминающие горны домонгольского времени. Находка большого числа криц и шлаков позволяет заключить о широком развитии металлургии в этой части города. При исследовании найдено много обломков чугунных котлов в форме чаши, с выступами для укрепления в основании печи. Чугун, как показали исследования Б. А. Колчина, плавился при $1000\text{—}1100^\circ$.

В раскопках 1950 г. впервые обнаружены печи для обжига извести. Одна была открыта группой О. С. Хованской под баней первой половины XIV в. и сохранилась в виде основания круга (диаметром 1,2 м). Другая исследована Э. А. Акчуриной. Это овальная яма размером 145×125 и 120×105 см по внутреннему абрису. Стены, толщиной около 20 см, сильно прокалены и остеклились, что бывает и в современных печах для обжига извести. Наличие этих печей дает материал для изучения организации строительного дела.

Большой интерес представляют открытые раскопками развалины трех монументальных зданий общественных бань. Одно из них известно по нашим старым работам 1938 г. Тогда была вскрыта часть фундамента, остававшаяся неисследованной. Первый раскоп и был заложен для изучения этих остатков. К сожалению, кроме одной гряды фундамента, сложенного из нерегулярных камней ($80 \times 60 \times 40$ и $40 \times 50 \times 20$ см) на глиняном растворе, ничего найдено не было. Оказалось, что все здание было разобрано. Рядом на площади встречены остатки строительного мусора, перемешанного с песком, сажей и фрагментами водопроводных и дымогарных труб. Изучение стратиграфии этой части раскопа позволило установить время разборки здания. Под русским слоем XVI—XIX вв. оказалась прослойка песка, ниже которой залегал мощный слой с остатками строительного мусора, хорошо датируемый золотоордынской эпохой. Там найдена обычная болгарская керамика, простая и поливная. Повидимому, здание, погибшее при одной из военных катастроф, было разобрано, а материал употреблен для нового строительства. Это здание представляло собой баню, о чем свидетельствуют обломки водопроводных и дымогарных труб, перемешанные с пластами сажи из каналов подпольного отопления.

Вторая баня представляет собой прямоугольное здание 14×9 м со стенами 60—70 см ширины, сложенными на глиняной субструкции, как было распространено в строительстве Средней Азии. Здание состояло из трех частей: раздевальни ($6,6 \times 2,6$ м), мыльни ($6,6 \times 6,1$ м), покрытой, как можно судить по аналогиям, уплощенным куполом, и служебного помещения с печью центрального подпольного отопления и водоемами. От бани, разобранной в XVIII в., о чем можно судить по находке стекла елизаветинского времени в строительных остатках, сохранились лишь фундаменты стен, следы дымоходов и дважды отремонтированная печь; здесь же был открыт колодец (180×164 см), выложенный дубовыми горбылями, скрепленными в обло. По строительным приемам баня может быть отнесена к памятникам, связанным с восточной архитектурной школой.

Другого характера третья баня. Это прямоугольное здание, со стенами до 1 м толщины, разделенное на ряд небольших помещений. Первые два — раздевальни, следующие четыре — кабины около 4 м^2 каждая (мыльни) и третья часть — служебная, с печью центрального отопления и водоемом. Эта баня отличается и по планировке и по техническим приемам строительства. При ее постройке был вырыт котлован, на месте стен забиты в землю небольшие кольца примерно 10 см в диаметре, на глубину до 70 см. Ряды колец разделяет пустое пространство в 30—40 см. На подготовленную таким образом почву укладывались известковые камни на глиняном растворе. От самых стен ничего не осталось.

Планировка здания может быть восстановлена по наличию остатков стен в котловане и следов колец. Внутреннее пространство стен бани занимают ряды дымоходов (рис. 3), разделенных кирпичными столбами. Горячий воздух и дым по трем центральным каналам расходились под полом и затем по дымогарным трубам, заключенным в стенах, подымались вверх. Раскопками обнаружены трубы для отвода сточных вод (рис. 4). Открытые бани принадлежат по существу к одному типу прямоугольных, широко распространенных на востоке.

Рис. 3. Дымоходы третьей бани

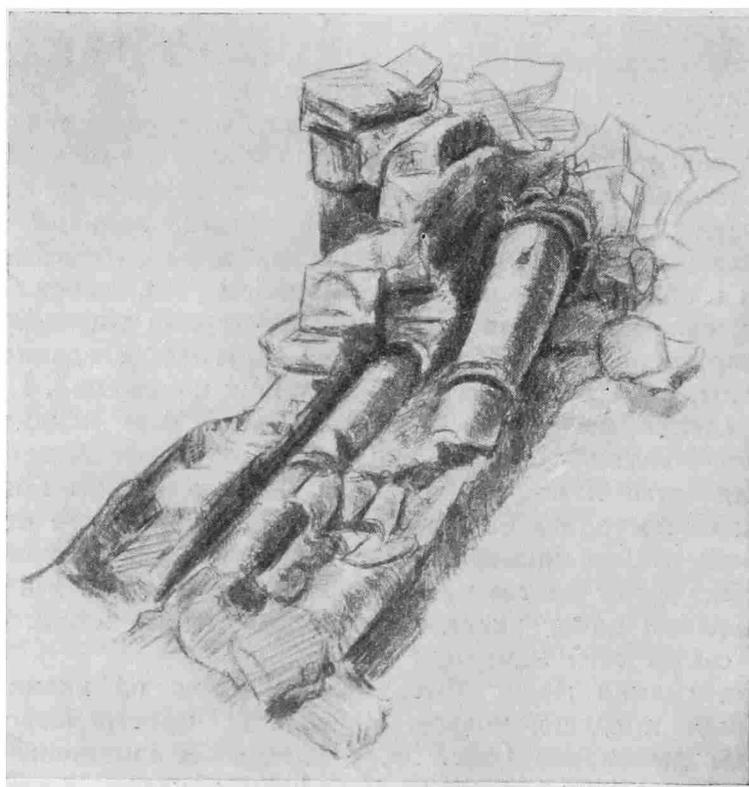

Рис. 4. Остатки водоотводных труб в фундаменте бани

Близка нашим прямоугольная, разделенная на несколько небольших комнат баня, исследованная А. Н. Бернштамом в древнем Таразе, и баня в Нардаране в Азербайджане, также состоящая из ряда небольших комнат. Повидимому, перед нами общественная баня с отдельными камерами для индивидуального пользования. Несколько другого характера баня в Дманиси, где, точно так же как и в болгарской, три комнаты. Нельзя не отметить, что бане, исследованной О. С. Хованской, близка анбердская XI—XII вв. баня и особенно, и по планировке и по пропорциям, баня херсонесская, относящаяся к XIII в. Не исключается возможность, что все они строились одними и теми же мастерами или во всяком случае людьми, принадлежащими к одной архитектурной школе.

Для восстановления внешнего облика бани немаловажное значение имеют миниатюры к Шах-Намэ. Так, на одной из них, посвященной последнему периоду жизни Фердоуси, изображена баня с бассейном, с изразцовыми стенами, с колесом над колодезем для подачи воды. Нужно думать, что колодезь, расположенный около исследованной Хованской бани, связанный с ней стратиграфически, точно так же служил для снабжения ее водой. Значительные размеры колодца заставляют предполагать наличие какого-то сооружения, по всей вероятности водяного колеса.

Третья баня замечательна своими техническими особенностями. Наличие фундамента с остатками деревянных кольев заставляет обратить внимание на некоторые памятники русской архитектуры. Таким же образом устроены фундаменты Десятиной церкви в Киеве, собора Выдубецкого монастыря и других памятников древнерусской архитектуры. В качестве примера может служить Соловецкий монастырь. Этот прием совершенно не известен на востоке и заставляет предполагать, что среди строителей города Болгары были и русские мастера. Болгарский памятник еще раз подчеркивает культурные связи с Русью, установленные по образцам прикладного искусства.

Нельзя также пройти и мимо связей Поволжья с Северным Кавказом и Крымом, во всяком случае со времени Хазарского каганата. Близость архитектурных памятников волжской Болгарии с такими, как херсонесская баня, баня в Карасубазаре и Черная Палата с мечетью в Феодосии, указывает на тесные культурные взаимосвязи. Датировка открытых бань устанавливается довольно точно. Первая дала комплекс керамики, аналогичный домонгольскому или раннезолотоордынскому, что, казалось бы, позволяет датировать постройку довольно ранним временем. Однако ниже ее залегает ряд хозяйственных сооружений, колодезь и печь для обжига извести — обстоятельство, заставляющее датировать баню не самым началом золотоордынского времени, т. е. концом XIII в., а с большей долей вероятности первой половиной XIV в. На эту же дату указывают и стратиграфические данные колодца. Выкид его лежит на небольшом слое золотоордынского времени, т. е. опять-таки мы имеем, вероятнее всего, первую половину XIV в. Вторая баня точно так же лежит на золотоордынском слое небольшой мощности и, повидимому, синхронна первой. Весьма возможно, что эти бани входят в число трех известных Абуль-Феда.

Большой интерес представляют ряжевые системы для укрепления берега, открытые рядом с Красной Палатой, с баней XIV в., исследованной в 1939—1940 гг. Здесь, на глубине 3,42 м от поверхности, найдены остатки деревянного сруба, включенного в другой сруб (рис. 5). Первый имел деревянный пол, шириной около 2 м, длиной 8 м. Между стенками первого и второго срубов уложены бревна в распор и забиты вертикальные столбы. Вся конструкция заполнена гумусом, остатками строительного мусора и различными бытовыми вещами, в числе которых немало обрезков кожи. Исследованное сооружение крайне интересно и не имеет аналогий.

В письменных памятниках сохранилось упоминание о различных инженерных сооружениях по укреплению берегов. Среди них древнейшим является упоминаемая в Ипатьевской летописи под 1199 г. подпорная стенка, устроенная по инициативе князя Рюрика Ростиславича для собора архангела Михаила в Выдубецком монастыре в Киеве. Сохранилась речь, произнесенная игуменом монастыря, отметившим огромный интерес киевлян к этому раннему инженерному сооружению древней Руси, от которого, к сожалению, не сохранилось никаких остатков. В золотоордынских городах археологами отмечены отдельные гидротехнические сооружения, среди которых первое место надо отвести шлюзам Сарая-Берке, обследованным Баллодом. Из более поздних памятников сохранились остатки плотин XVI в., укрепления берегов московских прудов и рек XVII—XVIII вв., обнаруженные при работах на московском метрополитене. Открытое в

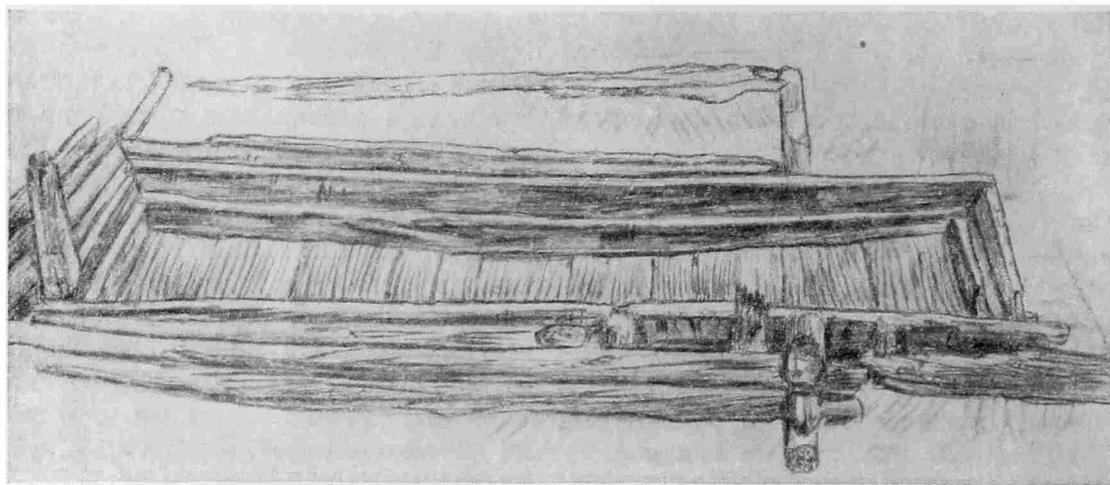

Рис. 5. Ряжи, укреплявшие берег Болгарского городища

Болгарах сооружение является наиболее ранним из всех известных в истории техники. Датируется оно XIV в.

Раскопками открыто несколько колодцев, рубленных из досок или полубревен в обло. Исследовано всего пять колодцев. На дне их найдены деревянные вещи, из которых следует отметить мешалку, тележную ось (рис. 6), части ткацкого станка, крюк для поднятия тяжестей и половину дна кадочки.

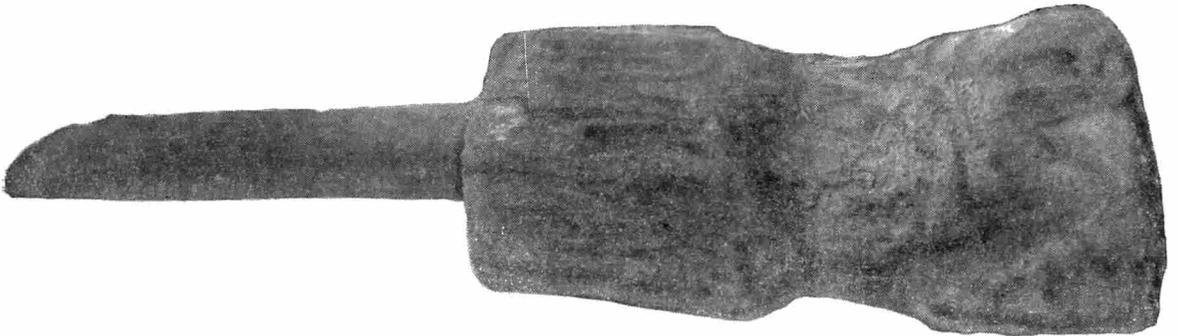
Большую ценность представляет обнаруженный клад железных вещей, найденный в виде монолита, весом около 35 кг. В реставрационной мастерской Исторического музея монолит был разобран и в нем оказались сошники, резак, стрелы, замки, долота, цепи, луженое блюдо и стремяна. Интересен замок в виде собачки. По данным стратиграфии, клад датируется не позже первой половины XIV в. Он найден в подполье дома зарытым в грунт. Позднее, в первой половине XIV в. на этом месте был вырыт колодец для второй бани. Клад мог быть зарыт только до постройки колодца.

Раскопки доставили огромный материал, характеризующий культуру Болгар с X до начала XV в. Из ранних вещей следует отметить небольшое бронзовое зеркало салтовского типа, несколько глазчатых бус, характерных для VII—X вв. н. э., сердоликовую бипирамидальную бусину с рисунком, нанесенным белой краской, керамику салтовского типа. К X—XI вв. относятся желто-лимонные бусы, стеклянные сосуды, синий бисер, шаровидный бубенчик славянского типа. Для XII в. характерны

шиферные прясла (найдено несколько экземпляров). Вместе со славянской керамикой они характеризуют тесные связи с древней Русью.

Раскопки дали значительное число орудий труда, характеризующих ремесло: тесла, пробойники, литейные формы, различные полуфабрикаты, опиленные кости, заклепки; большой интерес представляют сверла. В исследованных домах, принадлежавших ремесленникам, о чем можно судить по находке значительного количества шлаков и криц, найдены грузила от сетей, яичная скорлупа, кости домашних животных и зерна. Все эти материалы позволяют утверждать, что горожане, помимо ремесла, в качестве подсобного промысла занимались и сельским хозяйством.

Получен материал, характеризующий бытовую сторону жизни городского населения: разнообразная керамика, простая и поливная, чугунные котлы, различные костяные вещи, часть которых покрыта резным орнаментом, навески для дверей, замки, плоское оконное стекло и др. Следует

6. Обломок тележной оси

заметить, что раскопки 1950 г. позволили разрешить вопрос о производстве поливной посуды. До последнего года не было еще сделано находок, которые дали бы бесспорное доказательство производства местной поливной посуды. В текущем году найден ряд покрытых светлозеленой поливой обломков посуды, приготовленной из желтой глины, по фактуре напоминающей обычную болгарскую керамику. Особенно интересен один черепок из желтой глины с примесью крупнозернистого песка, характерный для ранней болгарской посуды и покрытый сверху светлозеленой поливой. В доме № 3 найден фрагмент сосуда из красной глины, покрытой голубой поливой. Сравнение поливной среднеазиатской посуды и болгарской заставляет признать, что поливные болгарские сосуды по качеству поливы уступают среднеазиатским.

Раскопками 1950 г. получен большой материал, определяющий культурные связи. Снова подтвердились теснейшие связи с древней Русью. Обнаружено немало обломков курганной славянской посуды XII—XIV вв., что свидетельствует о проживании русов в Болгарах. Сюда же надо отнести отмеченные выше шиферные прясла и интересный сфероконус, покрытый плетенкой, напоминающей часто встречающуюся на русских металлических вещах. Встречено много изделий из Средней Азии, в их числе поливная керамика, штампованная XII—XIII вв. Нельзя не отметить сфероконуса с изображением креста, подобного соответствующим изображениям на камнях из Семиречья. Крест выбит на обожженном сфероконусе и во всех деталях повторяет семиреченские аналоги. Обширный материал характеризует связи с Китаем. Среди вещей многочисленны обломки селадона, сосуды, покрытые белой эмалью, болгарские зеркала, изготовленные по китайским образцам.

Довольно интересный материал получила экспедиция и для выяснения происхождения волжских болгар. Помимо керамики, которая может быть связана с местным материалом более раннего времени и доказывает наличие местных корней в культуре волжских болгар, встречены значительные группы керамики, не связанные с местными культурами предшествующего времени. Аналогии этому материалу надо искать на юге, в Приазовье, на Таманском полуострове, там, где по византийским источникам помещалась древняя Великая Болгария.

Рис. 7. Гончарный кувшин из Болгарского городища

Среди этой керамики имеются сосуды с ручками, напоминающими форму животных, что было широко распространено у сарматских племен, населявших район Прикубанья и Подонья. Кувшины таких форм встречаются и в грунтовых могильниках, принадлежавших синдо-меотским племенам Приазовья. В раскопках 1950 г. сосуды с подобными ручками встречены как ручного изготовления, так и гончарного. Кроме фигурных рукояток, болгарская культура хорошо связывается с Приазовьем другой значительной категорией керамических находок, аналогичной находимой на фанагорийском городище. Это обломки сосудов, покрытые заштрихованными площадками, расположенными в шахматном порядке. По определению М. М. Кобылиной, такая посуда была найдена в слоях первых веков н. э. Этот орнамент получил широкое распространение в болгарской домонгольской керамике.

Наконец, не следует забывать, что гончарная красная керамика (рис. 7) с линейным зональным орнаментом, широко распространенная среди гончарных изделий болгар, аналогична городской керамике средневекового юга.

Таким образом, в материале волжских болгар можно выделить значительную группу керамики, не имеющую местных традиций, но хорошо сопоставляемую с материалом Северного Кавказа и Приазовья, где она имеет общие черты с керамикой предшествующих эпох.

Длительная устойчивость отмеченных элементов культуры не может быть объяснена торговыми связями. Этот факт свидетельствует о единовременном приходе из Приазовья значительной племенной группы болгар, которая в новой обстановке в течение долгого времени не только удержала свои этнографические черты, но и оказала огромное влияние на культуру племен Прикамья.

Раскопки 1950 г. показывают, что волжская Болгария сложилась на основе местных племен Прикамья и среднего Поволжья.

В VII в. н. э. пришедшие болгары значительно видоизменили местную культуру.

Экспедиция 1950 г. изучила в зоне затопления более 70 памятников, начиная с эпохи бронзы и кончая XV—XIX вв. Многие памятники, в том числе курганы около села Ягодного, Гулькинский могильник ананьинской культуры, феодальные селища XII—XIV вв. и ряд сооружений Болгарского городища, дали новый, еще не известный в археологии материал, позволяющий пересмотреть и уточнить некоторые вопросы древней и средневековой истории народов Поволжья.

Н. Я. МЕРПЕРТ

КУРГАНЫ ЭПОХИ БРОНЗЫ У СЕЛА ЯГОДНОГО

(Из материалов Куйбышевской экспедиции)

Ставропольский район Куйбышевской области до последнего времени был белым пятном на археологической карте Поволжья. Стационарных раскопок здесь не производилось совсем, разведки начались лишь в советские годы¹, причем результаты опубликованы не были. Между тем уже предварительными обследованиями в районе было выявлено много археологических памятников — стоянок, селищ и курганных групп; значительное количество их расположено в зоне, подлежащей затоплению при строительстве Куйбышевской ГЭС. В связи с этим исследование памятников сделалось неотложной задачей, которая и была возложена на третий отряд Куйбышевской экспедиции ИИМК². Основным местом работ отряда был избран район сел Ягодное и Хрящевка, где отмечено наибольшее скопление памятников. В 1950 г. разведками отряда охвачена зона затопления между селами Ягодное и Нижне-Хрящевка, стационарные раскопки произведены близ Ягодного.

Село Ягодное расположено в 25 км к северу от Ставрополя, под второй надпойменной террасой, в 8 км от Волги. К северу, западу и югу от села отрядом открыто около 50 курганов. По форме и пропорциям все они однородны: круглые в плане, сильно расплывшиеся, диаметр их довольно велик при сравнительно небольшой высоте.

Отмечены случаи, когда в небольших группах курганы расположены в один ряд, причем самый значительный находится во главе группы: в некоторых больших группах можно проследить такой же ряд, являющийся как бы стержнем, вокруг которого расположены остальные курганы.

В 5 км к северу от Ягодного, по обе стороны полевой дороги, ведущей из совхоза им. Луначарского на маслозавод, и на лугу между этой дорогой и протоком р. Сускан отмечено наибольшее число курганов. Они расположены отдельными группами на пространстве протяженностью с севера на юг 2 км и с запада на восток 1,5 км. Всего здесь 38 курганов. Восемь открыто к западу от села, у столбовой дороги Ягодное — совхоз им. Луна-

¹ В 20-х годах здесь работала В. В. Гольмстен, в 1938 г. — экспедиция ИИМК, руководимая Е. И. Горюновой, в 1939 г. — экспедиция Куйбышевского областного музея.

² В состав отряда, помимо автора настоящей статьи, входили: ст. научн. сотрудник Куйбышевского областного музея Н. В. Бакшаев, студенты МГУ и Моск. историко-архивного ин-та.

чарского, два имеют явные следы грабительских ям. В 0,5 км к югу от села расположен большой одиночный курган, раскопки которого были начаты еще в 1938 г.

В 9 км к северу от Ягодного, у южной окраины дер. Березовки, зафиксирована группа из 17 курганов. Среди них выделяются семь больших, расположенных цепью с севера на юг; диаметр их 30—35 м, высота 1—2 м. Вокруг цепи группируются меньшие, диаметром 12—20 м при высоте 0,30—0,60 м.

В 14 км к северу от Ягодного, у подножья второй надпойменной террасы, обнаружена группа, насчитывающая не менее 12 сильно распаханных курганов, насыпи которых почти не выделяются над поверхностью поля.

Раскопки начались в месте наибольшего скопления курганов — к северу от Ягодного. При исследовании отдельных групп для раскопок избирались наибольший, основной курган группы и рядовой, периферийный. Курганные насыпи вскрывались полностью, послойно на снос. Первой исследована группа из трех курганов, расположенных цепью с северо-запада на юго-восток.

Первый курган — рядовой — имел диаметр 23 м при высоте 0,63 м. В нем открыты два погребения. Основное погребение совершено в центре, в яме, более чем на метр углубленной в материк. Костяк лежал скорченно на левом боку, с подогнутыми руками и ногами, головой на север; принадлежал он мужчине средних лет. Перед лицом покойника был поставлен лепной орнаментированный горшок, типичный для срубно-хвалынской культуры.

Второе — вводное — погребение также открыто в центральной части кургана. Оно было совершено в прорезавшей насыпь и доведенной до уровня погребенной почвы яме, которая заметно нарушила скопление выкида из материковой ямы погребения № 1, что доказывает одновременность захоронения. Костяк, принадлежавший молодому мужчине, лежал скорченно, на левом боку, головой на запад. При нем найдены фрагменты срубного горшка. Таким образом, как последовательность погребений, так и принадлежность их к одной эпохе представляются достаточно ясными.

Более сложный случай встречен во втором, наибольшем кургане группы, возглавлявшем ее с юго-востока. Курган этот несколько вытянут с запада на восток; диаметр с запада на восток 30 м, с севера на юг 26 м, высота 1,28 м. В нем открыто шесть погребений, все они сопровождалась керамикой срубного типа, что явилось важным и единственным свидетельством принадлежности всех погребений к одной эпохе, так как от подавляющего большинства костяков сохранились лишь отдельные следы. Исследование профилей позволило заключить, что курган этот образовался из двух первоначально малых, расположенных с запада на восток, очертания которых были отмечены линией перегиба, прослеженной в профиле.

Под центром западного малого кургана открыта материковая яма, перекрытая бревенчатым накатником. На дне найден плохо сохранившийся костяк мужчины, лежащий скорченно на левом боку, головой на север (погребение № 5). На костях заметны следы красной краски. Перед лицом поставлен остроредерный горшок без орнамента. Близ накатника найден воткнутый в землю бронзовый секач.

Под центром восточного малого кургана также найден бревенчатый накатник, перекрывавший очень неглубокую яму, не достигающую материка. Находившийся на дне ее костяк почти полностью истлел, сохранились лишь незначительные остатки черепных костей; при них обнаружен раздавленный орнаментированный горшок (погребение № 4). В насыпь восточного кургана, очевидно, еще в период «самостоятельного» его существования, было впущено вводное погребение № 6, яма которого нарушила

накатник погребения № 4. От этого погребения сохранились лишь отдельные черепные кости и фрагменты срубного горшка.

Два первоначальных малых кургана слились в один большой, после того как между ними на их слившихся полах были совершены вводные погребения № 1 и 2. Костяки в обоих случаях почти полностью истлели; при погребении № 1 найдены фрагменты двух орнаментированных горшков, при № 2 — маленький неорнаментированный сосуд.

Этими особенностями образования объясняется несколько вытянутая, приближающаяся к овалу, форма кургана. Незначительность этой вытянутости, в свою очередь, объясняется подсыпками, совершенными в южной и северной частях. В южной части открыто вводное погребение № 3 — черепные кости и остросереберный орнаментированный горшок. В юго-восточном секторе найдены два орнаментированных горшка без каких-либо следов костяка. Можно предполагать, что здесь было вводное захоронение ребенка, костяк которого полностью истлел.

Далее раскопки были перенесены несколько севернее, где расположена группа из 12 курганов, из которых раскопаны два — небольшой периферийный и наибольший центральный курган группы. Малый имел диаметр 12 м при высоте 0,30 м. Под его центром, в неглубокой материковой яме, найден костяк мужчины, лежавший скорченно на левом боку, головой на ССВ. При костяке обнаружена бедренная кость коровы, вещей не было.

Большой курган имел диаметр 28 м при высоте 1,30 м. Основное погребение совершено в центре, в материковой яме. Костяк полностью разрушен сусликами, кости перемешаны с многочисленными костями коровы и барана, сопровождавшими захоронение. Выкид из могильной ямы образует на уровне погребенной почвы несколько холмиков, на одном из них были поставлены два сосуда срубного типа. Оба раздавлены землей; среди обломков найдена скобка, согнутая из бронзовой пластинки и служившая, может быть, для скрепления частей треснувшего сосуда. В полах кургана неоднократно встречались отдельные человеческие кости — остатки костяков, разрушенных сусликами, норы и скелеты которых отмечены здесь в очень большом числе.

В северо-восточном секторе у самого края полы кургана найдено вводное погребение № 1, отличающееся от всех остальных исследованных в 1950 г. и относящееся к другой эпохе. Костяк лежал вытянуто на спине головой на ЮВВ. Руки свободно расположены вдоль туловища; левая нога выпрямлена и лежит несколько скошенно к северу от оси погребения, правая согнута в колене. В одном метре к западу от костяка, немного выше его, найдены отдельные зубы лошади и бронзовые принадлежности конского снаряжения — застёжки от сбруи («цирки») или, что менее вероятно, псалии от удил. Сохранность их очень хорошая: длина 6,5 см, в середине одно овальное отверстие, внешний край выгнут дугой, внутренний вогнут с расширением в центре, у отверстия, концы несколько расширены (рис. 8—1). Точные аналогии этим находкам мне не известны, можно отметить некоторое сходство их с костяными псалиями костеносных городищ и бронзовыми псалиями Кавказа и Закавказья начала I тысячелетия до н. э. Как любезно сообщил мне С. С. Черников, в 1950 г. в Акмолинской области на дюнах у р. Улу-Жиланчик найден бронзовый предмет в виде стилизованной рыбы, сходный с нашими «цирками». Аналогией самому погребению является погребение № 8 из кургана G-5 у с. Усатова, раскопанного в 1929 г. Здесь также костяк лежал на спине, с одной согнутой ногой, а на поверхности выкида из могильной ямы найден конский череп¹. И. В. Синицын считает, что

¹ И. В. С и н и ц ы н. Археологические раскопки на территории Нижнего Поволжья. Саратов, 1947, стр. 97—99.

2

Рис. 8

1 — Бронзовые застёжки от конской сбруи; 2 — двойное погребение № 27—28 на кургана № 5

погребение это относится к «переходным от позднебронзовой эпохи к погребениям скифского типа»¹. Полагаю, что и наше погребение относится к тому же переходному типу и датируется первой половиной I тысячелетия до н. э.

Наиболее значительные результаты дало исследование пятого, одиночного кургана (диаметр около 30 м, высота 2 м), расположенного в 0,5 км к югу от Ягодного (курган № 5.) Раскопки его были начаты экспедицией 1938 г., но в силу неблагоприятных метеорологических условий завершить их не удалось, была вскрыта лишь центральная часть, где открылось грандиозное кострище, на котором лежал целый скелет коровы. Вблизи кострища найдены четыре горшка срубного типа, вставленные друг в друга. В 1950 г. остальная часть насыпи была вскрыта послойно на снос. Всего здесь открыто 30 погребений. Единый обряд захоронения и сходство инвентаря позволяют отнести подавляющее большинство погребений к одной эпохе. Костяки лежат скорченно на левом боку, головой на север, иногда с некоторыми отклонениями к западу или к востоку. Лишь в одном случае костяк лежал на правом боку, головой на восток. Это вводное погребение можно считать исключением, не относящимся к основной группе. Но, помимо обряда и инвентаря, само взаиморасположение костяков свидетельствует, как мне представляется, об определенной общности. Центр кургана был свободен от погребений. Тут, как уже указывалось, в 1938 г., было найдено большое кострище. Погребения находились в полах кургана, образуя подобие двух незамкнутых концентрических кругов со значительным разрывом в северо-восточной части, где погребений не оказалось. Внешний круг составляли материковые ямы, обычно перекрытые мощными бревенчатыми накатниками; в этих ямах встречены только мужские костяки. Погребения внутреннего круга совершены в неглубоких материковых ямах, в насыпи и на горизонте, накатники встречены здесь далеко не во всех случаях и значительно уступают по своим размерам и массивности накатникам внешнего круга. Подавляющее большинство костяков принадлежит женщинам и детям. В одном случае встречено совместное захоронение женщины и ребенка (рис. 8—2).

Прямо на юг от центра кургана, во внешнем круге находилось погребение, выделявшееся среди остальных. Накатник его состоял из двух рядов массивных бревен, яма значительно глубже, а погребенный в ней покойник поражал своим огромным ростом. Сопровождавшие сосуды своими размерами значительно превышали обычный стандарт срубных горшков; в могилу также были положены крест-накрест два бронзовых ножа, один из них лежал в деревянном футляре. Накатник находился на уровне погребенной почвы, выкид из материковой ямы хорошо прослеживается под ним и возле него, в насыпи же над накатником следов выкида нет в отличие от других погребений данного кургана, над которыми такие следы отмечались неоднократно. Думаю, что это погребение было основным и принадлежало главе коллектива, скорее всего патриархально-семейной общины. Над ним был насыпан курган, превратившийся впоследствии в общинное кладбище, причем в порядке расположения погребений нашли своеобразное отражение особенности социальной организации общины и прежде всего половая и возрастная дифференциация. Центром кургану послужил грандиозный костер — жертвенник, на котором среди прочих костей открыт целый скелет коровы. Диаметр кострища превышал 4 м, а толщина зольного слоя достигала 0,7 м. Костер находился на уровне погребенной почвы и, следовательно, был засыпан в момент сооружения кургана, одновременно с основным погребением. Кроме него, на различной глубине найдены остатки других больших костров. Все это позволяет предполагать,

¹ И. В. С и н и ц ы н. Археологические раскопки на территории Нижнего Поволжья. Саратов. 1947, стр. 11.

что исследованный курган был не только кладбищем, но и культовым местом, жертвенником общины.

Инвентарь исследованных погребений очень небогат. Чаще всего встречается керамика; большая часть костяков сопровождается одним или двумя сосудами.

Сосуды характерной срубной формы, хорошо известной в Поволжье, а также на Дону и Северском Донце. О. А. Кривцова-Гракова выделяет три основных типа этой посуды: «обычный тип баночных горшков или вовсе неорнаментированных или орнаментированных чрезвычайно бедно ...тип острореберных горшков, верхняя половина которых от шейки до ребра бывает покрыта тщательно выполненным узором», и сосуды с выпуклыми боками, несколько напоминающие острореберные и являющиеся «как бы средней формой между баночным и острореберным горшком»¹. Среди найденной нами керамики представлены все три указанных типа, причем чаще всего встречен третий, который по некоторым литературным данным считается характерным не столько для срубной, сколько именно для срубно-хвалынской культуры². К первому типу относятся наиболее грубые сосуды, венчик их прямой, грубо обрезанный (рис. 9—1); прямой венчик отмечен и у некоторых сосудов с выпуклыми боками, но близких еще первому типу (рис. 9—2). У большинства же сосудов третьего (рис. 9—3—6) и второго типов (рис. 9—7 и 8) венчик отогнут и срезан прямой полочкой или несколько округлен. Должен быть отмечен маленький горшок с сильно выпуклыми боками и заметно вогнутым внутрь венчиком (рис. 9—9).

Сосуды сделаны от руки из грубой, плохо отмученной глины, обжиг неравномерный, что хорошо заметно в изломе: поверхностные слои глины заметно светлее средних. Из примесей надо отметить толченую раковину. В отдельных случаях поверхность ангобировалась и приобретала желто-красный оттенок, у большинства же горшков она серого цвета. У многих сосудов хорошо заметны следы сглаживания поверхности гребенчатым инструментом, причем линии сглаживания идут и вдоль и поперек. Некоторые горшки расширяются у самого дна; это формирующийся поддон, свидетельствующий о сравнительно поздней дате³.

Большинство сосудов орнаментировано. Простейший орнамент отмечен даже на грубых горшках баночной формы. Он состоит из коротких косых вдавленных линий, расположенных поясом вдоль края венчика и нанесенных штампом в виде костяной или деревянной палочки с округленным концом. Некоторые сосуды с выпуклыми боками украшены очень примитивным орнаментом в виде отдельных вдавлений, нанесенных концом простого штампа; вдавления покрывают верхний край и — неравномерно — тулово. Основной же вид орнамента геометрический: косая клетка, зигзаг, заштрихованные треугольники, горизонтальный елочный орнамент. Такой орнамент наносился зубчатым штампом, простым штампом и резцом. Грубые узоры наносились крупнозубчатым штампом или резцом; для узоров более тонких употреблялись среднезубчатый и мелкозубчатый штампы, отпечатки которых напоминают точечный орнамент. Иногда на одном сосуде сочетаются различные виды орнамента, расположенные отдельными поясами и разделенные узкими полосками.

Встречаются и более сложные случаи, когда в пределах одного пояса один вид орнамента переходит в другой; геометрический узор усложняется, приобретает новые элементы или, наоборот, упрощается, переходит

¹ О. А. Кривцова-Гракова. Памятники бронзовой эпохи у сел. Мокшан и Пустынь. Труды ГИМ, вып. XII, 1948, стр. 95.

² Известия Краеведческого института изучения Южно-Волжской области при Саратовском университете, т. II. Саратов, 1927, стр. 82.

³ О. А. Кривцова-Гракова. Алексеевское поселение и могильник. Труды ГИМ, вып. XVII, 1947, стр. 158.

в простую гребенчатую линию и т. п. Обычно орнаментом покрыта верхняя часть сосуда — от шейки до линии перегиба выпуклого бока или до ребра. Однако в некоторых случаях отмечено заполнение геометрическими узорами почти всей, а иногда и всей поверхности горшка. Это сближает нашу

Рис. 9. Сосуды из погребений у с. Ягодного:

1 — погребение № 12; 2 — погребение № 8; 3 — погребение № 11; 4 — погребение № 13; 5 — погребение № 15; 6 и 7 — погребение № 7 кургана № 5; 8 — погребение № 3; 9 — погребение № 2 кургана № 2

керамику с сосудами андроновской культуры и еще раз подтверждает правильность заключения О. А. Кривцовой-Граковой о близости форм и орнамента срубных и андроновских горшков¹. Часто вдоль края венчика идет пояс простого ямочного орнамента, ниже его располагаются пояса геометрических узоров. В отдельных случаях орнаментом покрывается и самый срез венчика.

В сосуды клалась пища, в некоторых из них (курган № 5, погребение 5) найдены кости барана.

¹ О. А. Кривцова-Гракова. Указ. соч., стр. 119.

Бронзовые вещи в курганах срубно-хвалынской культуры встречаются очень редко, что характерно и для уровня производительных сил того времени и для состояния самого общества. Во время наших раскопок найдены отдельные бронзовые предметы, представляющие ряд категорий.

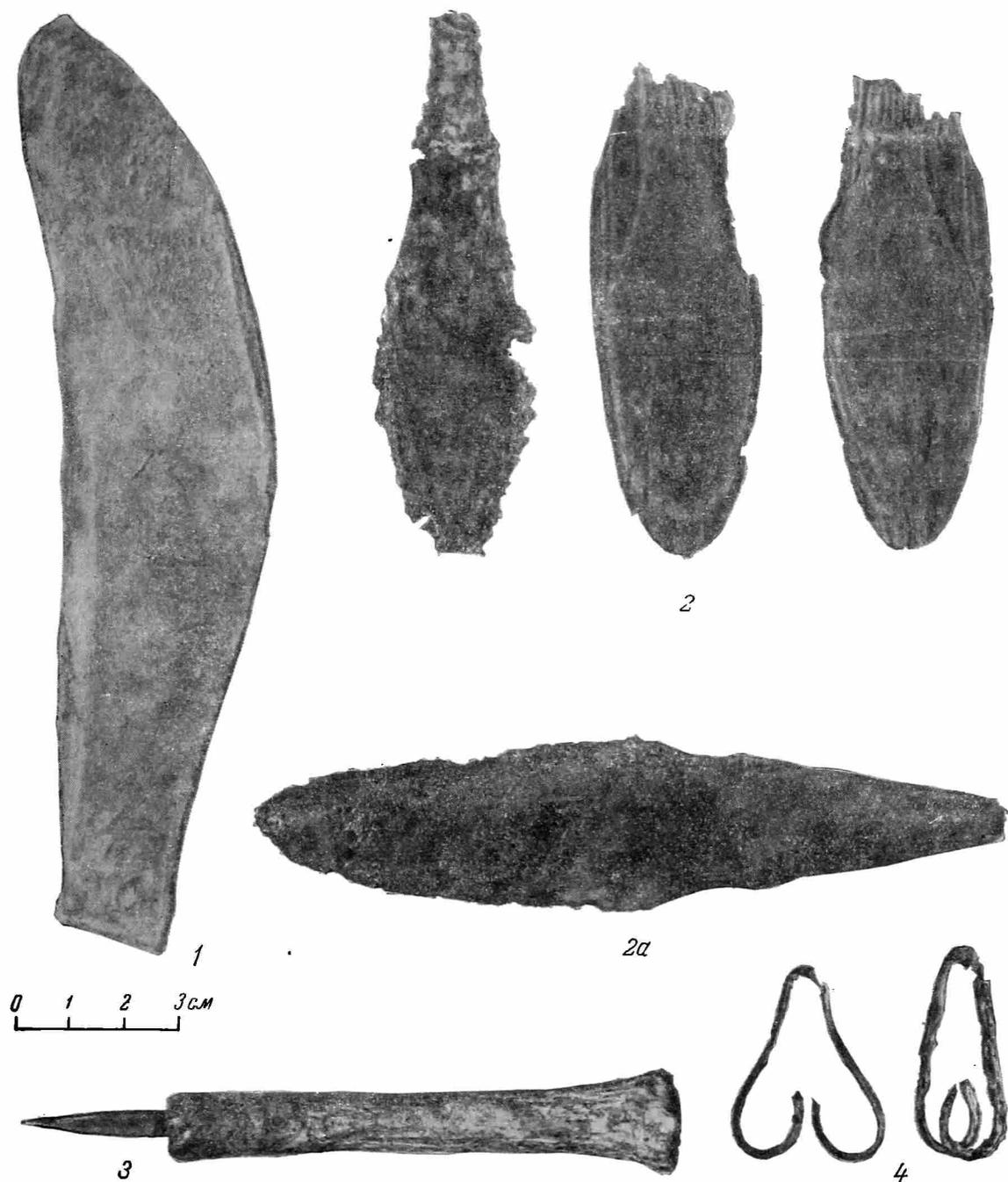

Рис. 10. Бронзовые вещи из курганов у с. Ягодного:

1 — секач из погребения № 5 кургана № 2; 2 и 2а — ножи и деревянный футляр из погребения № 8 кургана № 5; 3 — шило из погребения № 30 кургана № 5; 4 — височные подвески из погребения № 17 кургана № 5.

Наибольший интерес представляет секач из кургана № 2 (рис. 10—1). Клинок его, длиной 17,5 и шириной 4 см, имеет легкий изгиб и округленный конец, заостренный лишь в самой нижней точке. Вогнутая часть острая, спинка затуплена и в середине несколько расплющена. Верхняя часть орудия (черенок от рукояти) обломана. Орудия подобного рода неоднократно встречались в Поволжье, однако все известные по литературе

экземпляры¹ найдены на поселениях в виде случайных находок или в кладах; находки секачей в курганах мне не известны. Обычно эти орудия именуются серпами, некоторые из них, имеющие значительный изгиб, и могли быть таковыми. Но орудия, подобные нашему, имеющие лишь очень незначительный изгиб, считать серпами нельзя, как правильно указала В. В. Гольмстен, исследовавшая клад из Сосновой Мазы². Определяя функции орудий из этого клада, В. В. Гольмстен считает их косарями, употреблявшимися для расчистки от кустов участка, выбранного под посев. Однако такое ограничение функций кажется незакономерным. Как уже указывалось, наше орудие найдено вблизи бревенчатого накатника. Связь орудия с погребением, вернее с погребальным сооружением, несомненна; можно предполагать, что им подготавливались бревна накатника: обрубались сучья, заострялись колья, следы которых открыты в этом погребении, и т. д.

При погребении № 8 в кургане № 5 найдены два бронзовых ножа; один из них в деревянном футляре, состоящем из плоских половинок, скрепленных узким кожаным ремешком, который, возможно, обматывал весь футляр (рис. 10—2, 2а). Остатки ремешка заметны в нескольких местах на поверхности футляра, отмечены и отверстия, в которые он пропускаться. Ножи относятся к хорошо известному типу срубных ножей; они имеют листовидное лезвие и черенок для насадки рукояти, отделенный от лезвия небольшими выступами. Ножи такого типа характерны для срубной культуры на всем ее протяжении; они были распространены в Поволжье³, на Украине⁴, близкие формы известны и среди андроновских памятников⁵. Наиболее близок к нашей находке нож из погребения № 1 кургана № 2 второй группы курганов близ Саратова (раскопки 1925 г.). Он также найден в деревянном футляре, полностью аналогичном нашему. В 1930 г. в погребении № 10 кургана № 1 у Чардыма найдено бронзовое шило в подобном же деревянном футляре⁶.

В погребении № 30 кургана № 5 найдено бронзовое квадратное в сечении шило, рукояткой которому служила обработанная кость от ноги барана (рис. 10—3). Подобные шилья неоднократно встречались в срубных погребениях и на поселениях того времени. В частности, И. В. Сеницын нашел рукоятку от такого шила, тоже сделанную из кости от ноги барана, в Нижнем Поволжье, на Успенском поселении⁷. В. В. Гольмстен, описывая инвентарь хвалынской культуры, указывает среди костяных изделий «рукоятки различных орудий». Форма бронзового четырехгранного шила, вставлявшегося в костяную или деревянную рукоятку, выработана значительно раньше, еще в эпоху ямных погребений⁸.

¹ И. В. Сеницын. Поселения эпохи бронзы степных районов Заволжья. СА, XI, 1949, стр. 220—221, рис. 30; А. П. Круглов и Г. В. Подгаецкий. Родовое общество степей Восточной Европы. Изв. ГАИМК, вып. 119, 1935, стр. 80—82, рис. 8—10; В. В. Гольмстен. Серпы из Сосновой Мазы. ПИМК, № 5—6, 1938; она же. Археологические памятники Самарской губернии. Труды секции археологии РАНИОН, IV, 1928, стр. 133; В. А. Городцов. К вопросу о киммерийской культуре. Труды секции археологии РАНИОН, II, 1928, стр. 55—57; А. В. Арциховский. К методике изучения серпов. Труды секции археологии РАНИОН, IV, 1928, стр. 39.

² В. В. Гольмстен. Серпы из Сосновой Мазы, стр. 35—36.

³ В. В. Гольмстен. Археологические памятники..., стр. 132, рис. 41.

⁴ В. А. Городцов. Результаты археологических исследований в Изюмском уезде... Труды XII АС, т. I, 1905, табл. XI, рис. 2.

⁵ Например, в Кужумбердынском могильнике Чкаловской области. О. А. Кривонова-Гракова. Алексеевское поселение и могильник, стр. 165, рис. 74.

⁶ Приношу благодарность О. А. Граковой, любезно предоставившей мне рисунки этих вещей.

⁷ И. В. Сеницын. Поселения эпохи бронзы. СА, XI, стр. 211.

⁸ В. В. Гольмстен. Археологические памятники..., стр. 131, рис. 39 г; С. А. Щеглов. Курганы с окрашенными костяками. «Труды Саратовской ученой архивной комиссии», т. 30, 1913, стр. 235—46.

При погребении № 17 кургана № 5 найдены две бронзовые височные привески. Форма их близка к очковидной, концы завернуты внутрь (рис. 10—4). Для Поволжья такие привески не характерны. В. В. Гольмстен приводит два вида типичных для хвалынской культуры височных колец: маленькие серповидные и в виде вытянутого овала с разомкнутыми и заходящими друг на друга концами¹. И. В. Сеницын, описывая курган № 7 из раскопок 1939 г., упоминает «бронзовые серьги в виде вытянутых спиралей, вогнутых с внутренней стороны»². Согласно описанию, эти привески могут быть близки нашим. Находки очковидных привесок отмечены и в более северных районах Поволжья³, в частности у Алгушей и в Полянках; известны они и среди памятников абашевской⁴ и андроновской⁵ культур. Но эти привески отличаются от наших: концы их завернуты наружу и образуют значительно более полную спираль, чем у наших, концы которых делают лишь один неполный оборот внутрь. Ближайшие аналогии нашим привескам мы находим на Северном Кавказе, в частности в Верхней Рутхе, где встречены экземпляры с характерной вогнутостью с обеих внешних сторон и с завернутыми внутрь концами.

В этой связи отмечу, что в археологической литературе, на основании сходства орнамента керамики, наличия инкрустации белой пастой и находок маленьких пастовых бусинок, указывалось на несомненную связь срубно-хвалынской культуры с Кавказом⁶. Описанные выше височные привески — еще одно подтверждение этой связи. Интересно некоторое различие в характере изгиба двух наших привесок. Первая из них имеет изгиб дужки, обычный и для кавказских экземпляров: обе спирали находятся в одной плоскости. У второй спирали налегают одна на другую, что достигнуто благодаря несколько иному изгибу дужки. Это сближает ее с обычными для Поволжья привесками в виде вытянутой спирали; она является как бы переходной формой между кавказским и местным типами.

В погребениях № 10, 11 и 30 кургана № 5 найдены бронзовые и пастовые бусы. Форма тех и других одинакова: очень мелкие кольцевидные бусинки, а также двух- и трехчастные пронизки. В. В. Гольмстен считала такие бусы характерными для хвалынской культуры⁷; известны они и среди андроновских памятников Приуралья⁸.

Пока можно дать лишь предварительную датировку описанной группы погребений. Керамика не может быть здесь надежным признаком, поскольку близкие формы сосудов и виды орнамента бытуют на протяжении всей второй половины II тысячелетия до н. э. Выделяя две стадии срубной культуры Поволжья, О. А. Кривцова-Гракова указывает, что поселения второй стадии «генетически связаны с поселениями первой стадии, о чем свидетельствует наличие в составе их посуды древних форм, типичных для первой стадии, а также то, что некоторые сосуды второй стадии полностью сохраняют старые приемы, как, например, характерное сглаживание поверхности зубчатым штампом»⁹. И далее: «Формы посуды почти во всех

¹ В. В. Гольмстен. Указ. соч., стр. 126, рис. 42, 43.

² И. В. Сеницын. Археологические раскопки..., стр. 123—124.

³ П. П. Ефименко. Средневожская экспедиция 1926—1927 гг. «Сообщения ГАИМК», т. II, 1929, стр. 172—173; А. В. Шмидт. Очерки по истории Северо-Востока Европы в эпоху родового общества. Изв. ГАИМК, вып. 106, 1935, стр. 63.

⁴ О. А. Кривцова-Гракова. Абашевский могильник. КСИИМК, вып. XVII, 1947, стр. 97, рис. 40.

⁵ О. А. Кривцова-Гракова. Алексеевское поселение и могильник, стр. 111—113, рис. 37—5.

⁶ Изв. Краеведческого института изучения Южно-Волжской области при Саратовском университете, т. II. Саратов, 1927, стр. 82.

⁷ В. В. Гольмстен. Указ. соч., стр. 132.

⁸ О. А. Кривцова-Гракова. Алексеевское поселение и могильник, стр. 110, рис. 35—36.

⁹ Там же, стр. 157 и далее стр. 159.

впускных могилах весьма архаичны и в большинстве случаев приближаются к баночным». Однако некоторые признаки керамики второй стадии, выделенные О. А. Кривцовой-Граковой, могут быть отмечены у наших горшков. В качестве таких признаков указаны: округлые выпуклые плечи сосуда, отогнутая шейка, иногда совсем не отделенная от плеч, малый диаметр дна. Все эти признаки мы находим, например, у горшков из погребений № 5, 11, 13, 14 кургана № 5; кроме того, у некоторых сосудов имеется заметное расширение у дна — формирующийся поддон, который С. А. Кривцова-Гракова также считает признаком второй стадии.

Пожалуй, точнее всего можно датировать второй курган. У древнейшего, основного погребения его найден секач, датирующийся по аналогии с орудиями из Сосновой Мазы концом II тысячелетия до н. э.

Все указанные выше признаки позволяют датировать основную массу открытых нами погребений началом второй стадии срубной культуры (по О. А. Кривцовой-Граковой), т. е. последней четвертью второго тысячелетия до н. э.

А. М. ЕФИМОВА

ДРЕВНИЕ ИНЖЕНЕРНЫЕ СООРУЖЕНИЯ ПО УКРЕПЛЕНИЮ БЕРЕГА В ГОРОДЕ БОЛГАРЫ

(Из материалов Куйбышевской экспедиции)

Раскопками Болгарского городища в 1950 г. в слое XIV в. открыты деревянные гидротехнические сооружения. Они находились в подгорной части центрального городского района — в конце склона верхней волжской террасы. Здесь же, но несколько выше, была большая, богато отделанная баня Красная палата¹.

При раскопках, по мере углубления, заметно повышалась влажность грунта, на глубине 4 м появился водоносный горизонт, и на дне раскопа скапливалась вода. В нескольких метрах севернее нашего сооружения находится русло пересохшей в настоящее время речки Меленки.

Сооружение обнаружено в болгарском слое, IV слое по стратиграфической шкале городища², относящемся к золотоордынскому периоду существования города.

Слой серый, супесчаный, среднегумированный, сверху рыхлый, глубже более плотный, содержащий прослойки желтого намывного песка и отдельные включения строительного мусора — обломки кирпичей и известняка. Толщина слоя 1,5—3 м.

Следует выделить первый горизонт — более рыхлый с большим количеством строительного мусора, присутствие которого объясняется разрушением находящейся рядом бани Красная палата (рис. 11). Во втором горизонте, более плотном, также содержащем строительный мусор, но в меньшем количестве, отмечена дневная поверхность открытого сооружения, прослеженная по пластам древесины и разнице грунта, заполнявшего его.

Слой залегал на рыхлом песке с линзами суглинка. Более ранних культурных отложений не было.

Находки в этом слое немногочисленны и состояли главным образом из простой неполивной керамики. Преобладала хорошо обожженная керамика; следует отметить большое количество кирпично-красной, значительно меньшее красно-коричневой и наличие серой. Подобный характер керамического комплекса типичен для позднего времени золотоордынского периода.

¹ А. П. Смирнов. Баня XIV в. в Великих Болгарах. КСИМК, вып. VI, 1940, стр. 82—88.

² См. статью А. П. Смирнова в настоящем выпуске.

Слой датируется XIV — началом XV вв. Верхний горизонт относится ко времени разрушения построек и последующего запустения территории в конце XIV или в начале XV в.

Второй горизонт связан с возведением построек и гидротехнических сооружений и их жизнедеятельностью в начале или, вернее, в первой половине XIV в.

Завал сооружения выявлен во втором горизонте с глубины 70—98 см от поверхности IV слоя (235—256 см), по плотному темному пестроцветному грунту с угольками, пятнами глины, обломками кирпичей, известняка,

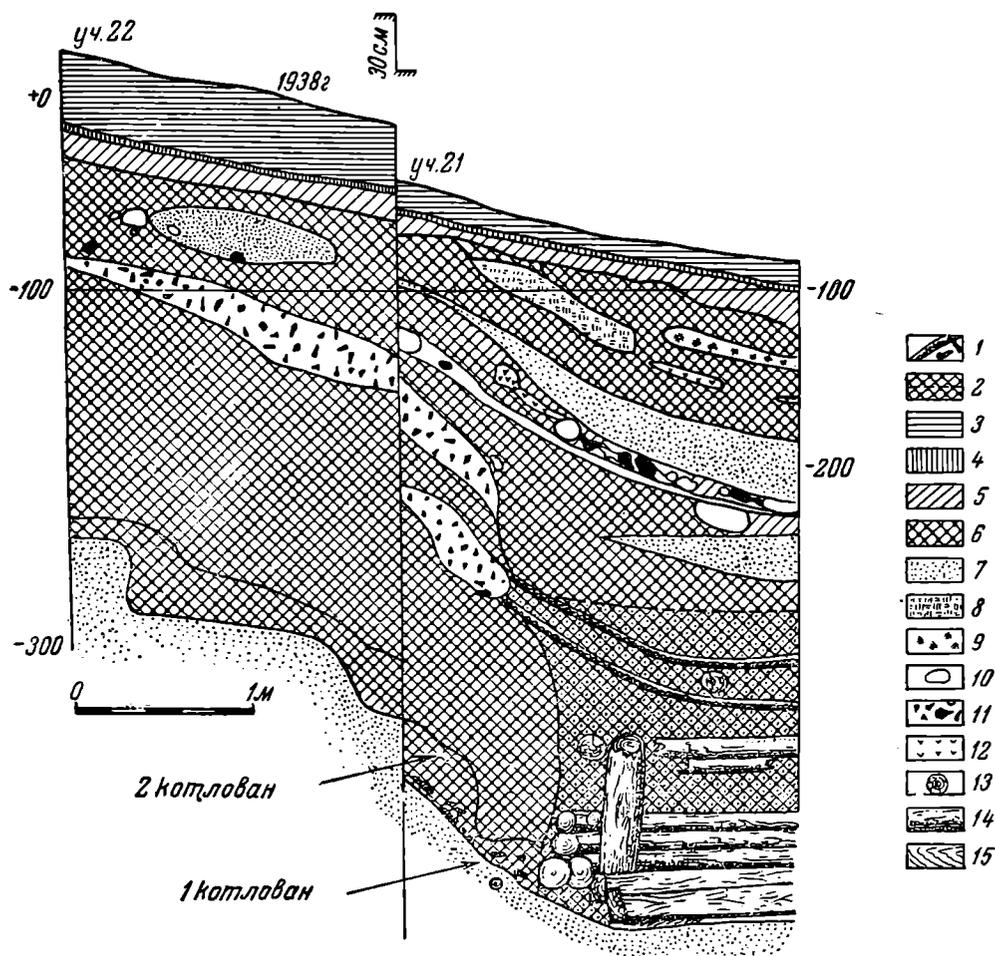

Рис. 11. Профиль западной стенки раскопа:

1 — куски и слои древесины; 2 — дневной уровень и заполнение котлована; 3 — выброс 1938 г.; 4 — дёрн погребенный; 5 — темный гумированный слой; 6 — рыхлая серая супесь; 7 — песок; 8 — глина; 9 — известь; 10 — известняк; 11 — кирпич и кирпичный щебень; 12 — уголь; 13 — бревно в сечении; 14 — бревно сбоку; 15 — доска

пластами древесины, залегавшими в направлении восток — запад, и ямами от истлевших столбов.

Сооружение заложено в котловане. Дно его плоское, закругленное к краям, стенки почти прямые, лишь слегка расширяющиеся кверху. Он перерезал нижний пласт IV слоя (20—25 см толщины) и затем был углублен в песчаный грунт. Глубина котлована у южной, подпорной стенки 2 м, у северной 70 см, разница объясняется рельефом местности. На уровне дна проходит водоносный горизонт. Котлован ориентирован по направлению берега с востока на запад. Ширина его в нижней части 2,4 м, верхняя часть шире. Раскопками 1950 г. котлован пройден на протяжении 8,62 м, но, как показывают профили восточной и западной стенок, он продолжается и на восток и на запад за пределы раскопа.

Сооружение состоит из двух основных частей. Первая — сруб из дубовых бревен, выложенный на нижней покатой части северной и южной стенок котлована, на 20—25 см выше дна (рис. 12).

Длина сруба 6,2 м, ширина 2,2 м, толщина бревен 16—18 см. Углы связаны в обло, концы бревен выходят за связь на 20—24 см. На верхних поверхностях, лежащих ниже бревен, вытесаны неглубокие ложбинки для укладки лежащих выше. Восточная стенка сруба не сомкнутая, в средней части она имеет проем шириной до 1,8 м. Сохранились шесть нижних венцов сруба. Под давлением грунта сруб принял наклонное положение по рельефу местности с юга на север.

Рис. 12. Вид восточной части ряжей

В сруб на дно котлована был впущен длинный низкий узкий ящик из дубовых брусьев и досок. Ящик зажат концами бревен проема восточной стенки сруба. Свободное пространство между стенками сруба и ящиком (20—25 см) забито горизонтальными бревнами и горбылями, а у южной, опорной стенки — двумя вертикальными столбами 20 см в диаметре. Столбы были забиты в грунт на 60 см.

Длина ящика 7,2 м, ширина 1,6—1,7 м, высота стенок 55 см. Таким образом, ящик длиннее сруба; восточным концом он выходил за его пределы, составляя переход к следующему срубам, прослеженному в профиле восточной стенки раскопа. Стенки ящика сложены из двух рядов массивных дубовых брусьев, углы связаны в лапу. Толщина брусьев 11 см, ширина внутреннего бруса 33 см, наружного 55 см.

Брусья северной и южной стенок вплотную примыкают друг к другу, между западными и восточными расстояние 10—15 см, и западные стенки расклинены брусом 5 × 30 см. В верхней части восточной стенки сделаны вырубki в виде двух сторон треугольника вершиной вниз, длина сторон треугольника 25—30 см.

Дно ящика (глубина залегания 4,72 м) составляет настил из 18 дубовых досок, шириной 29—34 см, толщиной 5 см, положенных с интервалами от 5 до 15 см и ориентированных север—юг. Концы досок пропущены под брусьями, образующими внутреннюю стенку ящика, и прижаты к дну котлована забитыми под брусьями колышками и обломками досок. На южном брусе ящика находилось пять столбов, 20—25 см в диаметре, с плоскими основаниями, и шестой подобный же столб находился рядом на настиле (рис. 13). Столбы не имели какого-либо крепления и были найдены в наклонном положении с юга на север, вероятно, смещенные тяжестью завалившихся к северу стенок сруба.

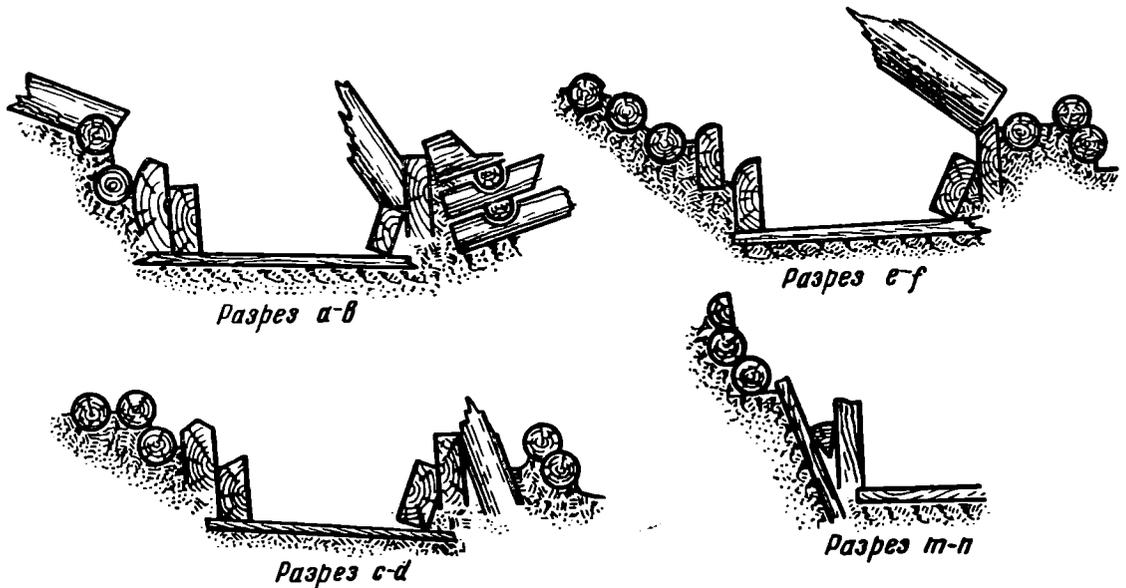

Рис. 13. Сечения ряжей

Сооружение было заполнено плотным темным, сильно гумированным грунтом с большим количеством строительного мусора, обломков древесины, крупных костей животных. Высота сооружения, считая от уровня его дневной поверхности до уровня настила 200—210 см.

Подпорная южная стенка была впущена в котлован полностью, северная — лишь нижней своей частью. В восточном профиле раскопа на линии описанного нами первого сруба прослежен второй сруб. Пространство между первым и вторым срубами, равное 200 см, забрано горизонтальными досками и горбылями; концы их зажаты между концами бревен сруба и столбами, забитыми в грунт рядом со стенками ящика.

В профиле западной стенки раскопа также прослежены нескрытые части сооружения.

Таким образом, описанная конструкция представляет лишь часть комплекса, который продолжается к востоку и западу за пределами раскопа.

На вскрытом в 1950 г. участке конструкция сооружения в значительной мере выявлена; это позволяет сделать предварительные выводы о его назначении.

Несомненно, перед нами гидротехническое сооружение типа ряжей для крепления берега. Относительно некоторых особенностей его конструкции — ящика, впущенного внутрь сруба, — специалистами высказаны две точки зрения. Одни считают, что назначение ящика — в создании большей устойчивости системы срубов, из которых состоят ряжи: сруб, принимающий на себя давление склона, имеет, таким образом, в основании массивное крепление из дубовых брусьев, являющееся в то же время соединительным звеном с соседними срубами.

Выдвинуто и второе предположение о комбинированном характере этого гидротехнического комплекса.

Сруб, заполненный плотным грунтом, представляя собой тип ряжей, предохранял склон от обвалов и размывов паводками, а желобообразный ящик, впущенный внутрь сруба, возможно, служил дренажным каналом для отвода высокостоявших грунтовых вод. В настоящее время уровень грунтовых вод на 10—20 см ниже дна ящика. Весьма вероятно, что в XIV в. он был выше, т. е. на уровне дна. Если рассматривать ящик как дренажный канал, то мы находим объяснение некоторым особенностям его устройства. Интервалы между досками настила были рабочими точками дренажа; вырубки в виде треугольников в западных стенках ящика служили для отвода вод, возможно, в них залегали отводящие трубы.

Но следует отметить, что на вскрытом раскопками 1950 г. участке ни перекрытия дренажного канала, ни отводящих труб обнаружено не было при общей хорошей сохранности данной части сооружения.

Весь комплекс, несомненно, находится в непосредственной связи с большим каменным зданием бани Красная палата. Возведение фундаментальной каменной постройки требовало укрепления рыхлого грунта склона, защиты его от паводков; необходимо было также отвести грунтовые воды от фундамента здания.

На этом же участке склона, на 65 см выше сруба, открыты остатки предыдущего укрепления берега — пять плохо сохранившихся бревен, лежащих наклонно по рельефу местности, и двенадцать покосившихся кольев, забитых в грунт на расстоянии 45—50 см друг от друга; заостренные концы кольев находились под крайним южным бревном. Укрепление представляло собой стенку из горизонтальных бревен, опирающуюся на забитые в грунт колья. Данные стратиграфии и комплекс культурных остатков позволяют датировать укрепление временем более ранним, нежели описанное выше сооружение, — концом XIII или началом XIV в.

Значительно более раннее укрепление берега открыто в нескольких десятках метров западнее (раскоп № 1), где в болгарском слое X в. выявлено укрепление берега р. Меленки горизонтальными слегами и забитыми между ними вертикальными сваями. Таким образом, укрепление берегов р. Меленки производилось с раннего времени существования города. Рассмотренное сооружение дает интересный материал для суждения о болгарском инженерном искусстве.

О. С. ХОВАНСКАЯ

РАСКОПКИ БАНИ НАЧАЛА XIV ВЕКА НА БОЛГАРСКОМ ГОРОДИЩЕ

(Из материалов Куйбышевской экспедиции)

Летом 1950 г. болгарский отряд Куйбышевской экспедиции производил исследование подгорной части Болгарского городища. На плане Шмидта, составленном в 1827 г., в восточной части подгорья нанесены развалины каменных строений. В настоящее время этот район сильно задернован, зарос бурьяном и крапивой. Разведка установила в 150 м на восток от Красной палаты (общественной бани, раскопанной А. П. Смирновым и Н. Ф. Калининым в 1939—1940 гг.) значительную всхолмленность. На этом месте вскрыто 400 м² и обнаружена слободка г. Болгары второй половины XIII в., вскрыты подполья домов, бытовые ямы, выявились остатки производственной деятельности, нижняя часть печи для обжига извести, древний колодезь, снабжавший водой поселок, а в южной части раскопа — разрушенная болгарская баня.

В отношении стратиграфии восточная часть подгорного района мало чем отличается от верхней части Болгарского городища. Здесь проходит сильно гумированный слой русской деревни XVI—XIX вв. (слой II).

Под русским слоем, в участках, не потревоженных кладоискательскими ямами, проходит слой эпохи Казанского ханства XV—XVI вв. (слой III) с остатками погребенной почвы. Ниже залегает на 70—80 см болгарский слой (IV), так называемый золотоордынский, под ним материковая глина.

Домонгольский культурный слой (V), слабо выраженный, прослежен только частично. Повидимому, в XI—XII вв. восточная часть подгорного района была мало заселена.

В южной части раскопа, в нарушенном золотоордынском слое, в завале строительного мусора, открылись остатки фундаментов здания и отопительная печь прекрасной сохранности, сеть каналов-дымоходов, заполненных сажей. С восточной стороны здания вскрыт колодезь с остатками каких-то водоподъемных сооружений.

Южный фундамент был несколько углублен в материковую глину. Сохранилась часть кладки в юго-западном углу в виде блоков известняка, сложенных насухо. Ширина кладки 75 см. Северный фундамент выложен на болгарском культурном слое, на подстилающей глиняной подушке, шириной 60 см. Глиняная подушка была необходима, так как, вследствие значительного уклона, фундамент должен был лечь на рыхловатый болгарский культурный слой; однако возможно, что устройство глиняной подуш-

ки являлось пережитком антисейсмических приемов, воспринятых болгарами от среднеазиатских мастеров.

Здание ориентировано по странам света. Длина в направлении восток — запад 14 м, ширина 9 м (внешние размеры). Поперечными стенками, от которых сохранились глиняные подушки в северной части здания, последнее разделялось на три помещения.

Восточное длиной 2,72 м (В—З) и шириной 7,24 м (С—Ю) имело котлован в южной и центральной частях, в северной котлована не было, здесь сохранился непотревоженный болгарский слой. В середине помещения находилась печь цилиндрической формы, ориентированная с востока на запад и несколько смещенная на юг от центральной оси здания. Печь, сложенная из хорошо обожженного кирпича (размерами 20 × 22,4 см и половинного 12 × 12,4 см), была поставлена на массивную подушку из сырцового кирпича, ниже северного фундамента на 20 см. Стенки цилиндрической части печи, толщиной около 60 см, имели в верхней части некоторую кривизну, в нижней были отвесные. Внутренние размеры цилиндра печи 116 см (В—З) и 136 см (С—Ю).

Устье топки (длина 70 см и у выхода 120 см, ширина 68 см, у входа 75 см) выведено наружу; таким образом, обслуживание печи производилось вне здания. Выход топки был выложен из камня, сохранившегося только с северной стороны.

Западная часть печи вытянутой формы сохранилась только на 60 см, но, судя по подушке из сырцовой глины, длина ее доходила до 1 м. В стенке выложены два канала, шириной 15 и 18 см, на расстоянии друг от друга в 20 см. Каналы соединялись с дымоходами, которые шли под полом в западном направлении.

Нижняя часть печи была забита спекшейся золой, твердой как камень. Выше, над золой, лежал слой угля и над ним типичный болгарский культурный слой, слабо гумированный. В нем найдены фрагменты болгарской керамики.

Сверху печь была завалена обломками кирпича, образовавшими как бы шапку. По всем данным, это рухнувший печной свод. Наличие болгарского культурного слоя внутри печи свидетельствует о ее разрушении еще в болгарское время, так как в противном случае она была бы заполнена черным русским слоем, который прослеживался в нижних частях завала и попал туда во время разборки здания.

Печи подвергались полному ремонту после значительного времени работы, о чем можно судить по слою спекшейся золы, толщиной до 30 см. Исследование показало, что вначале печь была круглой в плане (диаметр 1,4 м) с ровным подом. После ремонта она получила форму овала и была несколько сдвинута к северу. Южная стенка была возведена непосредственно на слое спекшейся золы; для новой северной стенки выложена подушка из сырцового кирпича. Устье печи также было соответственно сдвинуто к северу. Возможно, переделана и западная стенка с дымоходами, но следов ремонта здесь не сохранилось.

Рядом с отопительным помещением находилась главная часть здания, размерами 6,14 м в направлении восток — запад и 6,64 м север — юг. Здесь сохранилась только подпольная часть строения с сетью дымоходов, заполненных на 2—3 см сажей. Прослежено пять параллельных каналов, идущих от отопительной печи в западном направлении. Два дымохода ответвлялись в северном направлении и два уходили в западное помещение. Каменные столбы, разделявшие дымоходы и служившие опорой для пола, не сохранились, так как камень был выбран при разборке здания в XVIII в. Ширина столбов, судя по правильному чередованию полос сажи и глины с примесью известковой пыли, была около 40 см, длина 2,8 м. Ширина каналов 50 см.

На столбах дымоходов были уложены плиты пола, толщиной 3—4 см. Обломки этих плит с налетом сажи с одной стороны обнаружены в завале русских кладочискательских ям.

Западное помещение, длиной 2,72 м, было выше центрального на 20 см. В южной части его прослежены два дымохода, шириной 64 см и длиной 150 см, соединившиеся у западной стены в один канал. Вход в здание обнаружить не удалось.

Рис. 14. Печь и котлован с водостоком перед печью

Строительная техника вскрытого здания весьма характерна для каменных болгарских сооружений XIV в. Стены были возведены из больших регулярных плит известняка. Пространство между внешней и внутренней кладкой заполнено мелким щебнем и залито алебастровым раствором.

С восточной стороны разрушенного здания, перед устьем топки вскрыта площадка, ограниченная с двух сторон материковой глиной, а с северной — глиной, выбранной при рытье котлована для площадки. По дну его были уложены бревна, диаметром 15—18 см, и настил из горбылей; пространство между ними заполнено глиной (рис. 14). Длина котлована от устья печи 4,4 м, ширина 2 м.

Около восточной части здания, на расстоянии 1 м, на одном уровне с котлованом, перед топкой был вырыт колодец (рис. 15). Сруб его рублен в обло из дубовых бревен, шириной 50 см, ровно отесанных с одной стороны. Размеры колодца 1,6 × 1,74 м (внутренние), глубина 2,38 м. При расчистке сруб на значительную глубину наполнялся водой, которую приходилось непрерывно вычерпывать.

Колодец на уровне верхней части сруба был закрыт накатником из толстых дубовых досок, сохранившихся только с южной стороны. Доски имели два сквозных продолговатых отверстия (7×14 см) на расстоянии друг от друга в 75 см. Кроме того, из колодца извлечены две доски с одним отверстием посередине, причем сбоку вырублены пазы для каких-то креплений (длина досок 1,2—1,8 м, ширина 25—28 см, толщина 8—9 см). Своеобразна по своей форме дубовая доска, также найденная в колодце; кроме отверстия посередине тех же размеров, как и в описанных выше, с двух сторон имелись глубокие выемки (до 15 см) при общей длине в 70 см. Повидимому, все эти деревянные части — остатки какого-то водоподъемного сооружения, совершенно разрушенного.

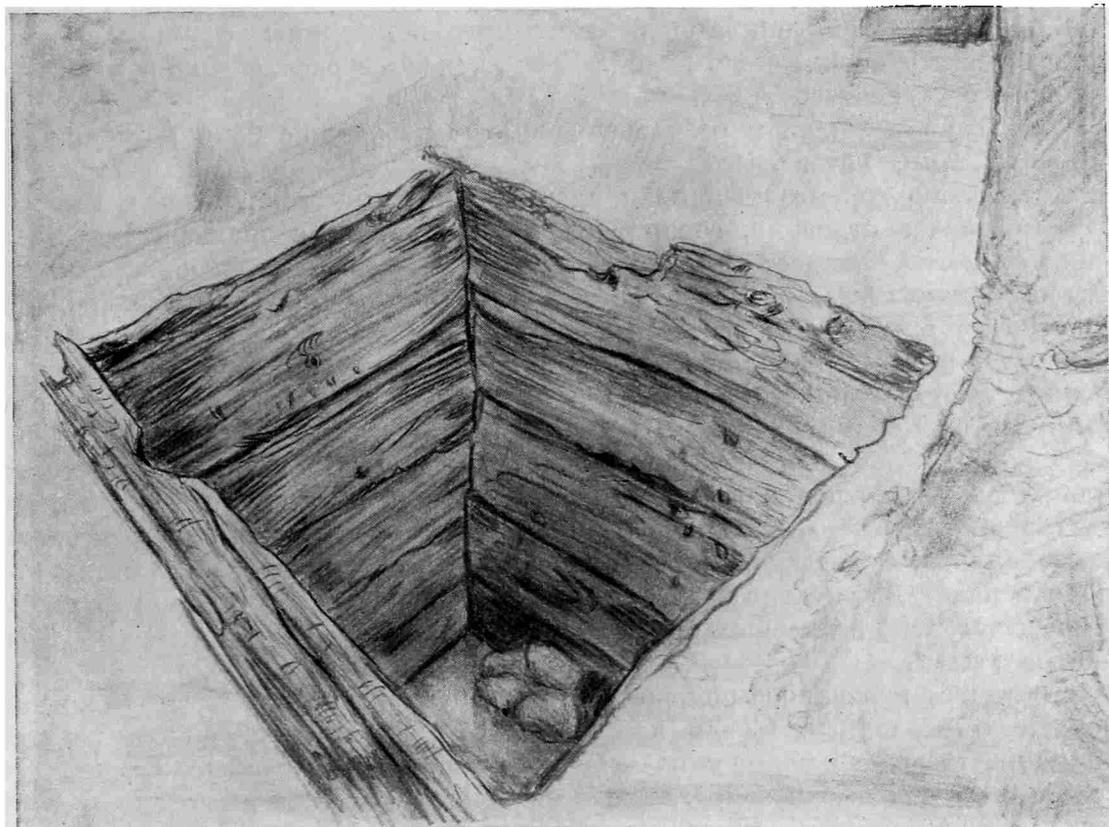

Рис. 15. Колодец бани

Здание по стратиграфическим данным и керамическому материалу датируется началом XIV в. Как уже указывалось, на всей территории раскопа была обнаружена слободка г. Болгара, точно датируемая второй половиной XIII в. Остатки подполий жилых домов, бытовых ям, печи для обжига извести были обнаружены под фундаментами здания, что свидетельствует о сооружении его не ранее XIV в.

Исследование профилей смежных участков дало возможность уточнить вопрос о времени строительства. На профиле южной стены раскопа отчетливо выделялись напластования глины, выброшенной при рытье котлована. Глина лежала на неповрежденном болгарском культурном слое, толщиной в 10—16 см, и перекрыта болгарским же слоем в 30—40 см. Отсюда ясно, что строительство здания следует отнести к началу XIV в., когда культурный слой отложился только на незначительную толщину. Колодец около здания относится также к началу XIV в., так как выброс глины лежал на болгарском слое толщиной 8—10 см.

Керамический материал, найденный в завале строения и в котловане перед топкой, подтверждает указанную датировку, так как абсолютно отсутствует характерная посуда XIV в.¹ Керамика отличается лучшей подготовкой глины, лучшим обжигом по сравнению с бытовавшей в слободке во второй половине XIII в. и обнаруженной на территории раскопа. Увеличивается процент красной керамики. Все это указывает на некоторый сдвиг в гончарном деле и заставляет отнести обнаруженный в завале здания материал к первой половине XIV в.

Открытое здание представляло небольшую общественную баню типа широко распространенных в Закавказье, Крыму и Средней Азии с характерным расчленением на три помещения. Центральное помещение этого строения с прекрасным подпольным отоплением соответствовало так называемой мыльне, западное с частичным отоплением — предбаннику, восточное представляло отопительное служебное помещение; с ним связан и колодезь, снабжавший баню водой. Точно такое же расчленение и план имела баня в Херсонесе².

Аналогичный план и расчленение имеют небольшие бани Армении — в Анберде, Ани, Татеве.

Не только характерный план здания, но и вещевой материал, выбранный из завала строения, говорят за то, что данное сооружение представляет баню. Обращает на себя внимание незначительное количество бытового комплекса, который мы находили в изобилии при исследовании болгарских жилых домов, и специфичность большинства находок. Так, например, в завале обнаружено более полутора тысяч обломков водопроводных труб различного диаметра и назначения, найден фрагмент (с внутренними размерами 22 × 22 см) каменной ванны.

Трудно установить архитектурный облик здания, так как от него сохранились только подпольные помещения; можно полагать, однако, что над центральной частью небольшого прямоугольного белокаменного здания имелся купол, возведенный, возможно, на многограннике, как, например, в Черной палате. Купольное перекрытие, характерное для восточной бани, было осуществлено в больших общественных банях г. Болгара (Белая и Красная палаты)³.

Восточное и западные помещения имели несомненно односкатную крышу, покрытую черепицей. Среди керамического материала обращали на себя внимание плоские плитки типа черепиц с закраинами с обеих сторон. Некоторые из них имели закругленные выемки для вывода дымогарных труб. Керамические плитки, подобные нашим, были найдены при раскопках херсонесских бань⁴.

Освещение бани могло осуществляться, как и в Белой палате, посредством отверстия в куполе, закрытого рамой с мелкочаечными переплетами, в которые вставлялось стекло.

Фрагменты стекла, толщиной в 1 мм, найдены в завале строения. Е. А. Давидович сообщает о находках оконного стекла и при раскопках в Нисе, Самарканде, Афрасиабе⁵.

Прекрасно разработанная центральная система отопления здания с хорошо сконструированной печью, с сетью дымоходов обеспечивала достаточный нагрев помещения. Дым и горячий воздух обтекали подпольные

¹ Э. А. Акчурина, А. М. Ефимова, А. П. Смирнов, О. С. Хованская. Раскопки Великих Булгар. КСИИМК, вып. XXXIII, 1950.

² А. Л. Якобсон. Средневековый Херсонес. СА, т. XIII, 1946, стр. 261.

³ Н. Ф. Калинин и А. П. Смирнов. Реконструкция болгарской бани. КСИИМК, вып. XIII, 1946; А. С. Башкиров. Памятники болгаро-татарской культуры на Волге. Казань, 1929, стр. 77.

⁴ А. Л. Якобсон. Указ. соч., т. XIII, 1946.

⁵ Е. А. Давидович. Стекло из Нисы. «Тр. Южно-Туркм. археол. экспедиции». Ашхабад, 1949, стр. 389.

дымоходы и поступали в дымогарные трубы, заложенные в толще стен. Фрагменты глиняных труб (диаметром 20 см), найденные в строительном завале, покрыты внутри слоем сажи.

Устье топки было выведено за пределы здания, что характерно вообще для болгарской отопительной системы.

На высоком уровне стояла система водоснабжения. Из завала разрушенного здания извлечено свыше полутора тысяч фрагментов глиняных труб. По диаметру и форме их можно подразделить на следующие три группы:

1. Трубы, подводящие воду, прямые и коленчатые, диаметром 8—10 см и 17—20 см, с толщиной стенок 10 и 12 мм.

2. Трубы внутренней сети (рис. 16): а) прямые, диаметром 4—5 см, с толщиной стенок 6—7 мм; б) распределительные шарообразные коробки, тройники, с отверстием для присоединения трубы у боковой стенки; диаметр отверстия резервуара 5,2 см, отверстие для бокового ввода 3—4 см; в) короткие трубки, длиной 5 см, с диаметром выводного отверстия 2 см; служили для присоединения к тройнику трубы; г) трубки, длиной 8—10 см, с выводным отверстием в 1 см; могли служить втулками кранов; д) трубы с отверстием для присоединения крана, диаметром 4—5 см, с отверстием для присоединения крана 2—3 см.

3. Трубы канализационные, диаметром 15—20 см, для отвода сточных вод.

Как уже указывалось выше, колодец был покрыт толстыми дубовыми досками с двумя отверстиями на расстоянии 75 см друг от друга. Возможно, в эти отверстия вставлялись вертикальные столбы, поддерживавшие площадку на уровне цистерны. Посредством вóрота вода из колодца перекачивалась на площадку и по трубам поступала в цистерну, а из последней — в котел. Подобную конструкцию мы видели и на иранских миниатюрах XIV в.

Несомненно, прототипы водопроводных сооружений следует искать на Руси, где издавна процветало деревянное строительство. Сложные гидротехнические сооружения существовали в Новгороде еще в XI—XII вв., а политические и торговые связи Болгарии с русскими княжествами подтверждаются и документальным и археологическим материалом.

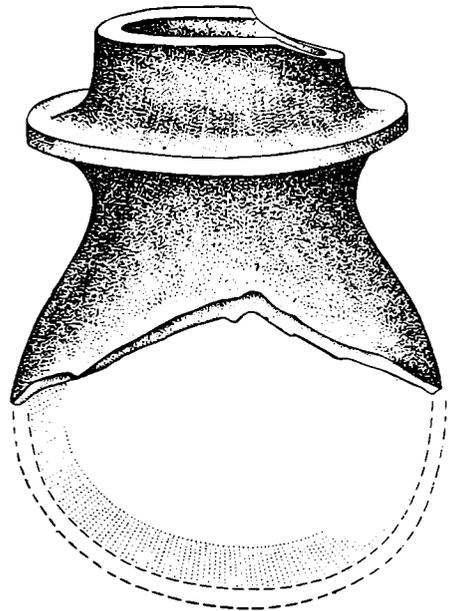

Рис. 16. Распределительная муфта водопровода

Н. Ф. КАЛИНИН

ЭКСПЕДИЦИЯ ПО ЗАПАДНЫМ РАЙОНАМ ТАТАРСКОЙ АССР

(Из материалов Куйбышевской экспедиции)

Выполняя план первой послевоенной пятилетки, Казанский филиал Академии Наук СССР совместно с другими организациями¹ провел шесть экспедиций: в 1945 г. по долине р. Казанки, в 1946 г. по бассейнам рр. Ахтай и Бездна в Закамье, в 1948 г. в Западном Предкамье, в 1949 г. по правобережью Волги и по р. Свияге, в том же году в Мензелинском районе по обследованию палеолитического местонахождения и в 1950 г. в северо-западных районах Татарии, в зоне затопления. Экспедициями охвачена территория 20 районов Татарии, что внесло значительные дополнения и изменения в археологическую карту, составление которой было главной нашей задачей. Исследовано 413 археологических памятников, включая 46, открытых Казанским отрядом Куйбышевской экспедиции². Подавляющее большинство их ранее не было известно (рис. 17).

Памятники относятся к периоду верхнего палеолита, к эпохе бронзы и железа. У с. Деуково Мензелинского района предварительные раскопки вскрыли культурный слой с очажной ямой, углем, раздробленными костями мамонта, на которых сохранились следы от ударов каменного орудия. Геологическими и палеоботаническими наблюдениями установлен верхнепалеолитический возраст этого памятника. Эпоха поздней бронзы представлена в наших исследованиях 69 стоянками второй половины II и начала I тысячелетия до н. э. Эти стоянки рыболовецко-охотничьего населения, знавшего мотыжное земледелие и домашнее скотоводство, относятся к особой, достаточно четко за последнее время выделяемой приказанской культуре. Территория ее, по нашим наблюдениям, охватывает побережье Волги, от Кокшаги до Чертыка, бассейн р. Свияги, от устья до г. Тетюши, нижнее течение р. Казанки, нижнее течение Камы и р. Мешу. К типу срубно-хвалынских памятников относятся открытые нами в юго-западной части Татарии девять стоянок на Свияге около устья ее притока — Кильня.

К абашевской культуре относится исследованный в 1950 г. Васюковский могильник и, повидимому, семь селищ вблизи него: два Тюрлеминских, Альменевское в Чувашской АССР, Мало-Ачасырское, два Бежбатманских и Ходяшевское в северо-западной части ТАССР.

¹ Государственный музей ТАССР в 1945, 1946 гг. Историко-филологический факультет Казанского государственного университета в 1946—1950 гг.

² О работах последнего было сделано сообщение на пленуме ИИМК 24 апреля 1951 г.

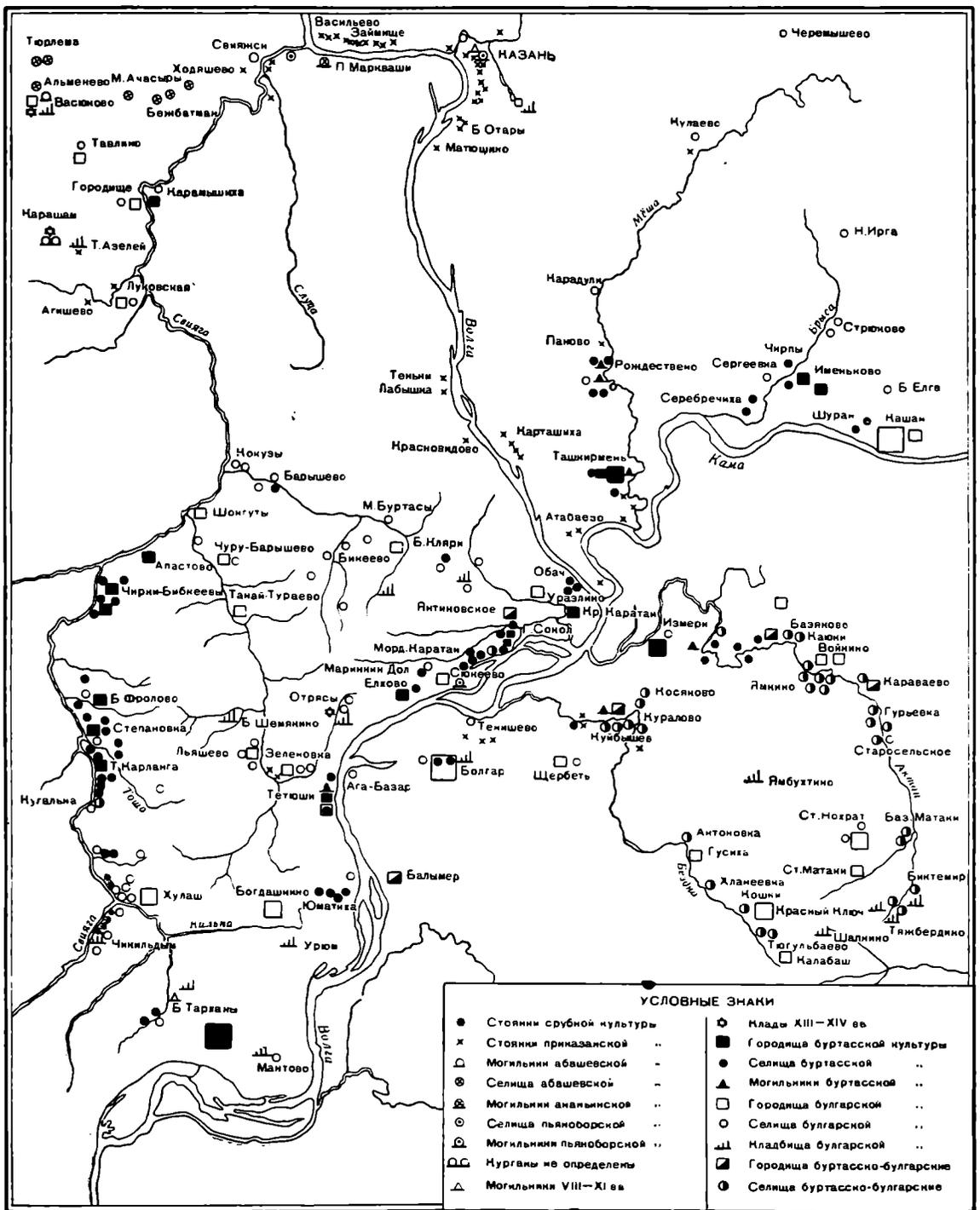

Рис. 17. Археологическая карта западных районов Татарской АССР

Васюковский могильник. Еще в 1880-х годах К. Насыри упоминал¹ о группе из 12 курганов, находящихся около с. Бячек (тат., по-русски — Васюково). Курганы находятся в 2,5 км от Васюкова на дороге

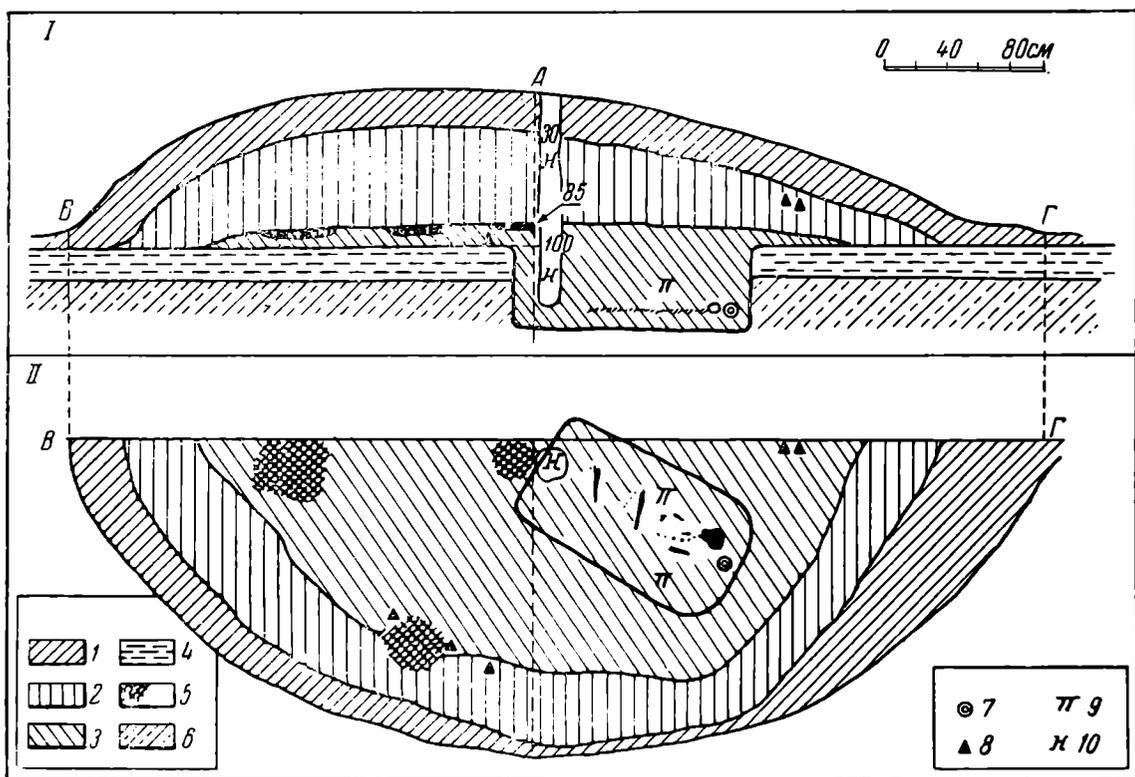
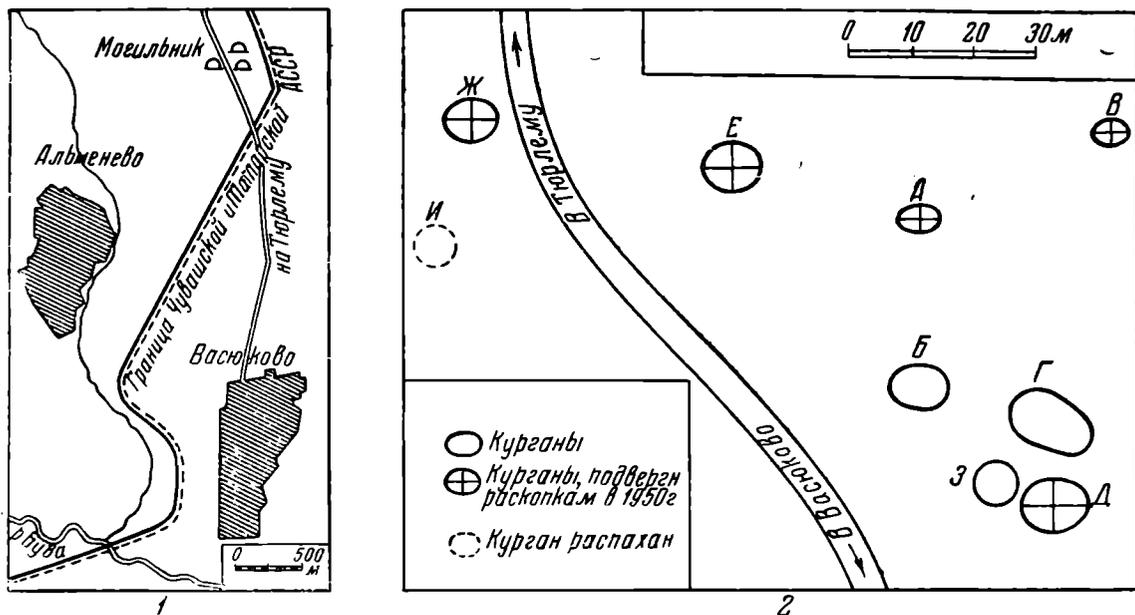

Рис. 18. Васюковский могильник:

1 — местоположение его; 2 — расположение курганов; 3 — профиль и план южных секторов кургана А. Условные знаки: 1 — верхний почвенный слой; 2 — насыпь; 3 — могильная засыпь и холмик; 4 — погребенная почва; 5 — кострище; 6 — материковый суглинок; 7 — сосуд; 8 — черепки сосудов; 9 — погребение; 10 — гора грызуна

к железнодорожной станции Тюрлема, в 1,6 км к северо-востоку от с. Альменево Козловского района Чувашской АССР, у границы Татарии

¹ К. Насыри. Неизданные произведения. Казань, 1927 (на тат. яз.)

(рис. 18—1). У населения эта местность носит характерное название «Тугыз тубэ» (т. е. девять крыш), очевидно по числу бывших до недавнего времени здесь девяти курганов — возвышений. В настоящее время их уцелело семь, восьмой недавно сильно распахан, от девятого, еще раньше распаханного, видны слабые признаки (рис. 18—2).

Курганы *А*, *В*, *Е*, *Ж* раскопаны полностью по секторам, *Д* исследован на половине площади, но во всю глубину, включая погребение.

Насыпи курганов не одновременны с захоронениями, могилы некоторое время оставались на земной поверхности, потом прикрывались насыпями. Это доказывается стратиграфически, остатками выкидов кругом могил (см. профиль кургана *А*, рис. 18—3) и остатками тризн под насыпью и в насыпи.

Так, в кургане *А* могильный холмик достигает высоты в 15 см, а выкид занимает площадку кругом могильной ямы в ширину от 50 до 200 см. На поверхности холмика три кострища 15×20 , 30×30 , 50×50 см, состоящих из скопления угля; возле одного из них найдено два черепка. В полах насыпи, выше края могилы на 25 см, разбитая глиняная чаша (рис. 19—12) и черепки от сосуда в другом месте. В кургане *В* в насыпи на разной глубине найдено 37 разрозненных черепков, кремневые скребок, сверло и отщепы (рис. 19—1, 3, 5, 8, 10, 11). Они располагались как бы горизонтами (4—5 горизонтов) в центре, почти над могилой. Утверждать, что мы здесь имеем случай с периодическими подсыпками, нет положительных данных, так как курган изрыт грызунами, могила оказалась пустой. Возможно, что вещи попали в насыпь позднее в результате деятельности грызунов.

В кургане *Д* мы имеем случай, аналогичный кургану *А*: холмик над могилой, высотой в 15 см, разбитый сосуд (№ 4) на его поверхности. В кургане *Ж* такой же холмик, но без следов тризны. В кургане *Е* — особый случай: первоначальное захоронение без могильной ямы на поверхности земли с легкой присыпкой трупа землей. Рядом на той же поверхности — остатки тризны. В насыпи несколько горизонтов с черепками, а почти на верхушке, выше погребения на 115 см, обширное кострище с аналогичной керамикой. В каждом кургане обнаружено по одному погребению, в четырех случаях — в могильных ямах, в пятом — на поверхности земли. Могилы имеют подчетыреугольную форму, ориентировку с ЗСЗ на ВЮВ (*А* и *Ж*), с СВ на ЮЗ (*В*), с С на Ю (*Д*). Вырыты они в почвенном слое, прорезая суглинок материка. Стенки в двух случаях вертикальны, в двух случаях наклонны, днища плоски, кроме *Ж*, где оно несколько желобовидно. Положение костяков головой на ЮВ (*А*), ВЮВ (*Ж*), Ю (*Д*, *Е*).

Костяки очень плохой сохранности. Положение покойников — скорченное и притом в трех случаях (*А*, *Д*, *Ж*) на правом боку.

Могильный инвентарь небогат. При каждом погребении (*А*, *Д*, *Е*, *Ж*) находился глиняный сосуд, расположенный в трех случаях в головах, в одном случае (*Д*) в ногах. В могиле *Д* у черепа найдена серебряная спираль (рис. 19—7). В могиле *Ж* обнаружен кремневый наконечник стрелы у тазовых костей (рис. 19—4).

Васюковский могильник является памятником абашевской культуры. Он расположен, подобно могильнику у Абашева и другим, на высоком месте и также состоит из группы курганов различной величины и небольшой высоты. Аналогично устройство насыпей, сделанных спустя некоторое время после захоронения, о чем особенно убедительно свидетельствуют остатки тризн в виде кострищ и разбитых сосудов под насыпью курганов *А*, *Д*, *Е*. Это было установлено В. Ф. Смолиным и О. А. Кривцовой-Граковой в Абашеве¹. Нам удалось отметить новое явление, не замеченное

¹ В. Ф. Смолин. Абашевский могильник. Чебоксары, 1928, стр. 22, 32; О. А. Кривцова-Гракова. Абашевский могильник. КСИИМК, вып. XVII.

Рис. 19. Вещи из Васюковского могильника:

1 — сверло; 2 и 6 — колоколовидные сосуды; 3 и 10 — кремневые отщепы; 4 — наконечник стрелы; 5 — скребок; 7 — серебряная спираль; 8 — венчик шарообразного сосуда; 9 — мисочка; 11 — венчик баночного сосуда; 12 — чашка; 13 — орнамент мисочки (№ 9). Места находок: 1, 3, 5, 8, 10, 11 из кургана В; 2 и 7 из кургана Д; 4 и 6 из кургана Ж; 9, 12 и 13 из кургана А.

предыдущими исследованиями, — неоднократную подсыпку курганов. Это видно не по расслоению курганной насыпи, а по расположению черепков глиняной посуды отдельными горизонтами и значительному кострищу на высоте 115 см от могилы в кургане *Е*. В других случаях (*А*, *Д*, *Ж*) курганы, видимо, были насыпаны в один прием.

Захоронения в могильных ямах аналогичны погребениям в Абашевском могильнике; не отмечено только случаев групповых захоронений. В кургане *Е* встречено погребение без могильной ямы, чего не наблюдалось в других Абашевских могильниках.

Ориентация костяков также в основном аналогична Абашевским. По Смолину, Кривцовой-Граковой и по нашим данным, преобладает ориентировка головой на восток, с отклонением к югу или северу. В работах В. Ф. Смолина, П. Н. Третьякова¹ и О. А. Кривцовой-Граковой указывается также, что покойники клались и в скорченном положении на спине.

Обряд захоронения в скорченном положении на боку свидетельствует о преемственной, а может быть, и генетической связи абашевской культуры с фатьяновской, что ранее отмечалось О. А. Кривцовой-Граковой и А. П. Смирновым².

Керамика Васюковского могильника также аналогична керамике других абашевских памятников. Имеется шесть разновидностей абашевской посуды. Три первые: остроробристые мисочки (рис. 19—9), полушаровидные чашки (рис. 19—12) и плоскодонные стаканчики образуют группу небольших сосудов ритуального значения. Высота их 5—7 см, диаметр горла 7—12 см. Вторую группу образуют более крупные сосуды, колоколообразные, высотой 9—10 см, диаметром 14—18 см (рис. 19—2, 6). Они встречены исключительно в погребениях и были, видимо, тоже ритуальными; плоскодонные баночные, диаметром около 20 см (рис. 19—11), близкие по форме срубно-хвалынским, встречены в курганной насыпи среди остатков тризн; шаровидные сосуды с высокими цилиндрическими шейками (рис. 19—8) — форма, аналогичная фатьяновской посуде.

К кремневому инвентарю относится наконечник стрелы (рис. 19—4) из погребения кургана *Ж*, неправильно треугольной формы, с грубо выделанным черешком; сверло из насыпи кургана *В*, сделанное из толстого отщепы с грубой ретушью (рис. 19—1), и скребок на клиновидном отщепе с крупной крутой ретушью, образующей дугообразную рабочую часть (рис. 19—5). Кремневый инвентарь, встречающийся и в других могильниках абашевской культуры, подтверждает прежние наблюдения, что каменные орудия у абашевцев занимали второстепенное место по сравнению с бронзой, чем и объясняется небрежность технической обработки.

Раскопки Васюковского могильника дали новый материал для изучения абашевской культуры, еще недостаточно исследованной. В центральной части Чувашской АССР до сих пор было известно шесть могильников данного типа: у с. Абашева, у Тауш-Касы, Катергина, Досаева, Тебикасы и у Алгашей. Васюковский могильник и семь селищ расположены на окраине Чувашии и в пределах Татарской АССР, что расширяет наше представление о территории расселения носителей этой культуры.

К памятникам железного века второй половины I тысячелетия н. э. относятся 19 городищ, 57 селищ и 5 могильников, которые мы склонны назвать бургасскими. Для характеристики бургасской культуры необходимо также привлечь и те памятники, которые имеют в себе элементы двух культур — бургасской и болгарской. К таковым нужно отнести в первую очередь два городища и 27 селищ в Закамье, по рр. Ахтаю и Бездне,

¹ П. Н. Третьяков. Памятники древнейшей истории Чувашского Поволжья. Чебоксары, 1948.

² А. П. Смирнов. Древняя история чувашского народа. Чебоксары, 1948, стр. 14.

а также одно городище и два селища по правобережью Волги, по р. Свияге. Буртасские городища и селища обычно расположены группами, причем селища чаще всего группируются около одного или двух ближайших к ним городищ (см. рис. 17).

Большетарханское городище расположено на водоразделе между р. Волгой и бассейном р. Свияги. Ближайшими к нему являются два селища на левом берегу р. Тарханки, притока Свияги. Севернее расположена группа из двух селищ на другом притоке Свияги — на р. Киять. Далее идут группы Б. Карлангинского городища с шестью селищами, Степановского с пятью, Б. Фроловского — с двумя и двух Чирки-Бибкеевских городищ («Девичьи горы») с пятью селищами. Еще севернее по Свияге определены Апастовское городище, Барышевское селище (на притоке Свияги — р. Сухая Улема) и, наконец, Карамышихинское городище и селище в Нурлатском районе.

На правом берегу Волги, в Камско-Устьинском и Тетюшском районах, определены группы: 1) Обачская, состоящая из Краснокаратаевского городища, у подножия горы Обач, трех селищ на вершине горы и отдельно стоящее селище у с. Баргузино; 2) на горе Сокол, из двух городищ и трех селищ; 3) из трех селищ у с. Мордовские Каратаи; 4) Сюкеевское селище Маринкин дол; 5) Ельховское городище и селище; 6) Тетюшское II городище (Вшивая горка) и два селища; 7) группа из четырех селищ у с. Юматиха.

В Предкамье выявлено пять групп: 1) Ташкирменская из двух городищ и двух селищ; 2) Рождественская из четырех селищ; 3) Серебречихинская из двух селищ; 4) Именьковская из двух городищ и двух селищ (одно из них у с. Чирпы на р. Брысе); 5) два селища у с. Шуран.

В Закамье, в районах Куйбышевском, Алексеевском, Алькеевском и Кузнечихинском, по рр. Ахтаю и Бездне, известны нам также расположенные группами: 1) Измерское городище (Девичий город) и три селища; 2) у Кажаявки и Буракова городище и два селища; 3) у Базякова и Каюков два селища; 4) у Войкина и Ямкина шесть селищ; 5) у Караваева два селища; 6) у Гурьевки и Старосельского два селища; 7) у с. Базарные Матаки два селища; 8) у Тяжбердина два селища; 9) у с. Биктемирова селище; 10) у с. Тат. Тюгульбаева два селища; 11) селище у с. Кошки; 12) Хланеевское и Антоновское селища; 13) у г. Куйбышева и сел Косяксы и Куралова городище и шесть селищ.

Все городища, за исключением Апастовского, лежащего низко среди болот и озер, расположены на возвышенных берегах рек, между оврагами или в крутых излучинах рек. Так же расположены и селища, за исключением немногих из них, например Чирки-Бибкеевские находятся на надлуговой террасе, у подошвы возвышенности, на которой стоят городища. Размеры их невелики, 13 городищ имеют площадь от 800 до 4000 м². Крупнейшими являются Чирки-Бибкеевское на Свияге (6400 м²), Измерское в Закамье (7 тыс. м²), Ташкирменское I (4 тыс. м²) в Предкамье. Самым крупным является открытое в 1950 г. и еще слабо изученное городище Большетарханское, бывшее, повидимому, целой системой укреплений, охватывавшей несколько селений. Здесь валы и рвы тянутся в несколько параллельных рядов на пространстве до 1,5 км, перегораживая сильно пересеченную оврагами местность, шириной до 1,2 км. За наружным валом идет широкая полоса (до 200 м), состоящая из примыкающих друг к другу больших ям (до 4 м), расположенных в шахматном порядке. Большетарханское укрепление резко отличается от остальных нам известных и выпадает из обычного понятия городища, представляя исключительный интерес для исследования.

Остальные буртасские городища имеют типичные для них укрепления из вала и рва. В зависимости от топографии местности валы бывают короче

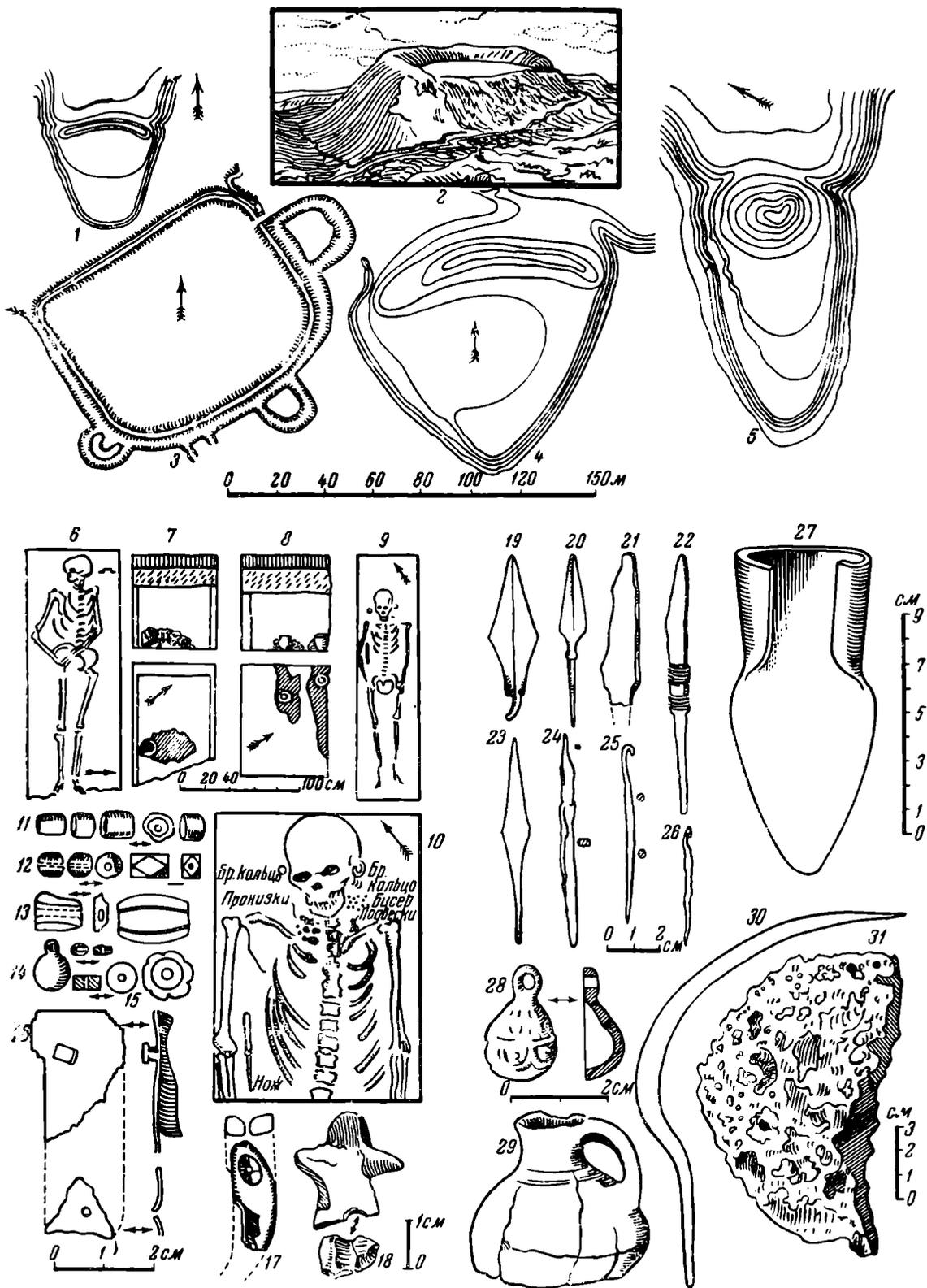

Рис. 20. Археологические материалы западных районов Татарской АССР:

Городища: 1 — Сокол II; 2 — Ташкирмен I; 3 — Измерское; 4 — Степановское; 5 — Чирки-Бибкеевское I; 6 — погребение Измерского могильника; 7, 8 — могилы с трупосожжением Рождественского II могильника; 9 — погребение № 8 Тетюшского могильника; 10 — деталь к нему. Бусы: 11 — известняковые; 12 — сердоляковые; 13 — пастовые; 14 — бронзовая подвеска и бисер; 15 — костяная; 16 — медная пластинка; 17 — подвеска из клыка; 18 — глиняная фигурка; 19, 20, 23 — железные наконечники стрел; 21, 22 — ножи; 24 — проколка; 25, 26 — язычки от пряжек; 27 — железный сошник; 28 — бронзовая пуговица; 29 — глиняный кувшин; 30 — серп; 31 — часть крицы (вес 520 г). Места находок: 1 — 14 — 22, 28, 30 — Тетюшский могильник; 15, 16 — Рождественский II могильник; 17, 25 — Именьковское I городище; 18, 19 — Тетюшское II городище; 20 — Куйбышевский могильник; 21, 31 — Б. Тарханское городище; 23 — Рождественское I-е селище; 24, 26, 27 — Ташкирменское I городище; 29 — Б. Тарханский могильник.

или длиннее. Узкие перемычки между природными крутыми обрывами замыкались обычно шишкообразным высоким валом и широким рвом. Особенно характерны в этом отношении городища Чирки-Бибкеевское I (рис. 20—5), Ташкирменское II, Именьковское I. Из 18 городищ такие укрепления имеют восемь. Наиболее величественны шишкообразные валы на Чирки-Бибкеевском I городище, где округлая насыпь имеет основание с диаметрами 35 и 40 м, высоту 7 м, и на Именьковском I городище с соответствующими размерами 36, 28 и 7 м. Рвы, окружающие их полукольцом, достигают ширины 20—30 м и глубины 5—7 м. Степановское (рис. 20—4), Чирки-Бибкеевское II, Таткарлангинское, Сокол II (рис. 20—1) имеют дугообразные валы длиной 95, 90, 64, 35 м, шириной 10—20, 15—20, 14, 3—4 м. На Б. Фроловском городище — два параллельных дугообразных вала с площадкой между ними шириной в 10—12 м; Красно-Каратаевское замыкается прямым широким валом (20 м) и прямым рвом, отделенным от вала площадкой в 10 м шириной.

Оригинально устроены укрепления Ташкирменского I городища (рис. 20—2), расположенного на верхней террасе р. Меши и отделенного от остальной площади оврагом и рвом. Глубокий ров и высокий вал идут полукольцом, образуя круглую площадку, укрепленную, таким образом, со всех сторон. Измерское городище (Девичий городок), расположенное на низком месте на краю Камской поймы, имеет особенно сильные и оригинальные укрепления, состоящие из рва и вала, охватывающих четырехугольную площадь (80 × 100 м). К городищу с трех сторон примыкают четыре асимметрично расположенные дополнительные сооружения, остатками которых служат рвы, образующие четырехугольники. Один из них размером 30 × 30 м, два 15 × 15 м и один 8 × 8 м (рис. 20—3). Культурный слой городищ, толщиной от 30 до 100 см, содержит много находок: керамику, раздробленные и обожженные кости домашних животных, рыб, части жилых помещений, очаги, глиняные обмазки от печей или стен жилищ, железные и медные шлаки, железные ножи, шилья и другие поделки, глиняные напояла и прочее. Некоторые городища, как, например, Ташкирмень I, образовались на месте длительно существовавших поселений. Только немногие из городищ могут быть причислены к разряду малообитаемых убежищ, как то: Измерское, Именьковское II, Ташкирменское II, оба Чирки-Бибкеевские, Б. Тарханское. Культурный слой их не превышает 30—40 см и беден находками.

Упомянутые выше многочисленные селища представляют открытый тип поселений, одновременных городищам и имеющих с ними единый культурный облик. Многие из них по размерам значительно превосходят городища, площадь их обычно превышает 5 тыс. м².

Переходя к обзору материалов культурного слоя городищ и селищ, мы прежде всего должны отметить единообразие их для всех памятников, конечно, с известными вариациями.

К е р а м и к а представлена следующими типами.

А. Крупные сосуды лепной техники, плоскодонные (рис. 21—2, 11—16). В тесте много шамота или дресвы (толченая галька, крупный песок). Поверхность стенок, особенно снаружи, неровная, бугристая, со следами сглаживания. Обжиг преобладает слабый, но черепок прочный, темносерый; реже поверхность приобретает желтоватый и красноватый оттенки; на некоторых городищах и селищах встречается красный обжиг, с полным прокалом во всю толщу, за исключением очень толстых днщ. Более силен обжиг нижних частей стенок, что указывает на костровый, а не печной способ обжига. Форма сосудов горшковидная, с невысокими прямыми или дугообразно расширяющимися кверху шейками, с расширяющимися стенками кверху и суживающимися конически вниз. Края венчиков срезаны горизонтально, реже закруглены, очень редко срезаны внутрь. Днища —

с закраинами, выступающими шире стенок, выполнены обычно зашипыванием. В более поздних вариантах встречаются днища без выступов и вообще сосуды более гладкие, не бугристые, но их мало. Размеры: диаметр по венчику 20—32 см, реже 12—18 см, наибольший диаметр тулова

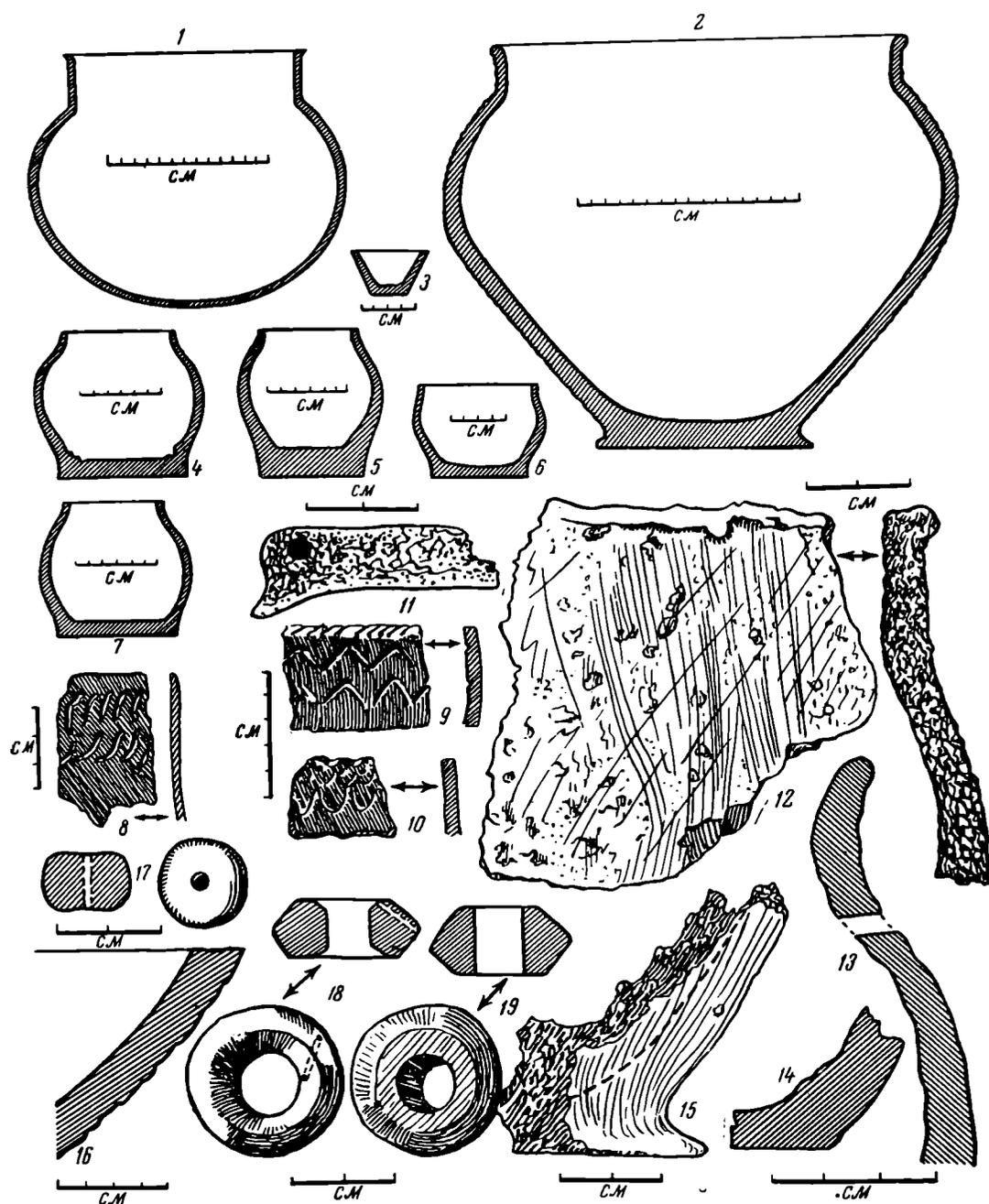

Рис. 21. Буртаская керамика:

1, 3—7 — сосуды типа Б; 2, 11—16 — сосуды типа А и их части; 8—10 — орнаментация шеек сосудов типа Б; 11 — профиль крышки; 17 — пронызка; 18—19 — пряслица. Места находок: 1 — Войкинское селище; 2, 9—15 — Ташкирменское I городище; 17 — Рождественское 2-е селище; 3, 18 — Именьковское I городище; 4—7 — Рождественский могильник; 8 — Серебрячихинское 1-е селище; 19 — Б. Тархановское городище

на 2—9 см больше, дно 8—12 см. Орнаментация отсутствует, лишь очень редко попадаются ямочные вдавления на плечиках. На черепках встречены сквозные отверстия в горловинах и в нижних частях сосудов, свидетельствующие о применении их в качестве сырников (рис. 21—13). Встречены также фрагменты крышек большого диаметра (рис. 21—11).

На Рождественском селище найден фрагмент большого глиняного блюда или чашки, диаметром 32 см, стенки (толщина 15—16 мм) суживаются на конус под углом 45° (рис. 21—16).

Такой же техники изготовления плоские блюда, тарелки в виде толстых глиняных круглых лепешек.

Б. Лепные круглодонные сосуды небольших размеров, реже плоскодонные. Тесто хорошо промешано, без шамота и дресвы. Поверхность сглажена. Обжиг невысокий. Цвет темносерый, черный, иногда желтоватый. По форме сосуды различны: шаровидные с прямой шейкой, резко переходящей к плечам; с плавной волнистой линией силуэта — «пузатые» баночки, чашечки. Края венчиков срезаны горизонтально, редко закруглены. Размеры: диаметр по венчику 16—20 см, реже 24—28 см; диаметр наибольшей выпуклости 22, 23, 31 см (рис. 21—1, 4—7).

Один миниатюрный сосудик усеченно-конической формы (Именьковское I городище) имеет высоту 4,2, диаметр венчика 5,6, доньшка 2,2, толщину стенок 0,3—0,5 см (рис. 21—3). Сосуды редко орнаментированы: на краях венчиков косые зарубки, на шейках резные зигзаги, ямки (рис. 21—8, 9, 10).

Интересен вопрос о соотношении между собой керамики групп А и Б. Во всех случаях без исключения керамика А численно преобладает. Половина селений дает или только керамику А, или 95—80% ее общего количества, треть селений 79—60%, а остальные 57—50%.

Тонкостенная гладкая посуда Б, повидимому, представляет более древний тип, так как встречается чаще в нижних горизонтах культурного слоя.

Таким образом, количественное соотношение двух групп керамики является датирующим моментом и должно учитываться при определении хронологии. Другой датирующий момент — степень обжига керамики типа А. В ряде случаев наблюдалось, что лучший обжиг (красноватый, красный) встречается в верхних горизонтах культурного слоя и, следовательно, более позднего времени.

В единичных, очень редких случаях наблюдались иные виды керамики. Это — пьяноборская, лепная, тонкостенная, с примесью в глине толченой раковины (или без примесей), часто с богатым веревочным и ямочным орнаментом. Полную аналогию такой керамике, составляющей 46,4% всех керамических находок Елховского городища, представляет керамика Чачлы-Кульского могильника¹, находящегося вблизи городища. По инвентарю могильник хорошо датируется V—VI вв. н. э., что определяет и дату Елховского городища. Пьяноборская керамика встречена в ничтожном количестве (0,6%) и на I Тетюшском селище.

Чрезвычайно редка керамика с псевдорогожным орнаментом: Елховское городище 8,4% и I Тетюшское селище 0,2%. Это единственные памятники из всей массы, где она обнаружена, при этом в нижних горизонтах.

Наконец, встречается болгарская гончарная желто-красная, коричневая, серая, лощеная, орнаментированная керамика неполного обжига. По облику она относится к домонгольскому периоду. Важно отметить, что находится она в верхних горизонтах культурного слоя, содержащего в нижних горизонтах керамику А и Б. Необходимо подчеркнуть, что смена одного вида керамики другим наблюдается в одном культурном слое, не разделенном на отдельные слои. Процесс вытеснения лепной керамики буртасского типа гончарной, ремесленной домонгольской болгарской шел непрерывно и длительное время. Это указывает на то, что буртасское население, более древнее, постепенно подвергалось воздействию пришедших в Среднее Поволжье в VII в. болгарских племен. Последние не уничтожили аборигенов, на землях которых они поселились, не изгнали их на другие места, а сожители-

¹ Н. К а л и н и н. Памятник пьяноборской культуры. ИОАИЭ, т. XXVI, вып. 1—2.

ствовали с ними, оказывая на них культурное влияние, подвергаясь в свою очередь влиянию аборигенов.

Эти явления отчетливо выступают в центральных частях Болгарского государства в Закамье — на городищах Болгарском¹, Балымерском, Билярском, Суварском и на селениях, нами обследованных в 1946 г. (Куйбышевское, Бураковское, Каратаевское городища и до 30 селищ по рр. Ахтаю и Бездне). На волжском правобережье такого же типа селения единичны: Янтиковское городище у с. Кирельского, одно селище у г. Сокол, одно селище на р. Свяге около Тат-Карланги и Тетюшское I городище, где верхний горизонт слоя датируется монетой XIV в. В подавляющем числе случаев на правобережье буртаские и болгарские селения стоят отдельно друг от друга (см. карту, рис. 17).

Здесь усматривается процесс завоевания буртасов болгарами, который происходил на несколько веков позже массового переселения болгар в Прикамье — не ранее X—XI вв. При этом раньше всего возникли болгарские города в юго-западных районах Татарии. В монгольский период возникают города и селения в северо-западных районах Татарии и южных районах Чувашской АССР. Древнейшими болгарскими городищами являются крупнейшие из них Хулашское и Богдашкинское в Б. Тарханском районе. Заметим, кстати, что Богдашкинское городище, по нашим обследованиям 1949—1950 гг., имеет больше оснований (по топографии, устройству укреплений, обширности — площадь его 1 км²) претендовать на имя «Ошель», которое обыкновенно приписывалось до сих пор Янтиковскому городищу. Путем завоеваний болгарское население проникло в X—XI вв. также на правый берег Камы, в пределы Лаишевского района, где около этого времени прекращают существование буртаские города (Ташкирмень, Именьково) и возникает большой болгарский город Кашан, а к востоку от него — небольшой городок Кашанский (см. карту, рис. 17).

Керамика далеко не единственный материал, характеризующий буртасскую культуру. Для этого могут служить следующие находки: 1) железные шлаки (особенно на Юматихе), куски криц (рис. 20—31), остатки кричного горна (Войкинское селище), железные наконечники стрел (рис. 20—19, 20, 23), шилья (рис. 20—24), ножи (рис. 20—21, 22), язычки от железных пряжек (рис. 20—25, 26), скобка и др.; 2) медные слитки и шлаки (Таткарлангинское городище), перегоревшая медная пластинка со штифтом в могиле с трупосожжением во II Рождественском могильнике (рис. 20—16); 3) грубые лепные с большими отверстиями, биконические или с дугообразным профилем глиняные напрясла (рис. 21—18, 19).

О развитии земледелия, притом уже в стадии начального применения пашущих орудий (для Среднего Поволжья начальная дата плужного земледелия — около VIII в. н. э.), свидетельствуют находки в Ташкирмени и в нижнем слое Янтиковского городища железных сошников (рис. 20—27), серпов (рис. 20—30) и обломков зернотерок. Весь облик многочисленных и часто обширных селищ с оседлым населением, почти всегда расположенных на хороших черноземных почвах, особенно по рр. Ахтаю, Бездне, Меше, Брысе, а также в Тетюшском районе на Волге и Буинском на Свяге, свидетельствует о довольно развитом земледелии у буртасов.

На развитие домашнего скотоводства указывают многочисленные остатки костей животных (лошадь, корова, овца, свинья); на охоту и рыболовство — находки костей медведя, бобра, рыбы.

¹ Раскопками под руководством А. П. Смирнова за последнее время установлены на территории Болгарского городища древние селища второй половины I тысячелетия н. э. на Коптеловом бугре, на Бабьем бугре и реликтовые явления в других местах.

О жилищах сведения скудны. На Степановском II селище раскопана часть землянки (2×3 м) с круглой очажной ямой, диаметром 85—100 см. Части жилых помещений обнаружены также на Именьковском I и Татарлангинском городищах, где вскрыт очаг, сложенный из нескрепленных кусков камня. Употребление для построек деревянных брусьев отмечено на Ташкирменском I городище. На Степановском и на городище Сокол I на верху валов прослежены систематически размещенные обгоревшие брусья, составлявшие часть крепостной стены.

Нами изучались следующие могильники: Куйбышевский, Измерский, Б. Тарханский (по одному погребению), два Рождественских (восемь погребений), Тетюшский (семь погребений). Б. Тарханский расположен на ровном месте вдали от рек, остальные же, как, очевидно, типично для данной культуры, на самых краях берегового уступа рр. Бездны, Ахтая, Меши и Волги.

В Куйбышевском, Измерском и Рождественском могильниках умершие хоронились в вытянутом положении на спине, головой на запад, ногами к реке (рис. 20—6). В могильных насыпях керамика А, Б, железный наконечник стрелы (рис. 20—20), возле костяков вещей нет, за исключением одного случая, когда у левого плеча обнаружена железная скоба. Четыре могилы в Рождественском могильнике дали трупосожжения: кучки пережженных костей, некоторые металлические вещи (рис. 20—7, 8, 16), костяную пронизку и поставленные рядом горшочки типа Б (рис. 21—4—7). Датируются могильники VII—VIII вв.

Тетюшский могильник более поздний. Ямы расположены под болгарским слоем, вырыты в слое, датируемом керамикой срубно-хвалынского типа и одним фрагментом с псевдорогожным орнаментом (первая половина I тысячелетия н. э.). В женских погребениях (рис. 20—9, 10) много вещей: горшочек, серп (рис. 20—30), нож с деревянной рукоятью (рис. 20—21); из бронзы: болгарская пуговица X—XI вв. (рис. 20—28), височные кольца, спирали, лежащие у черепа; пронизки глиняные, пастовые, сердоликовые, голубой бисер, раковины, бубенчики (рис. 20—11—14). Общий облик инвентаря — мордовский X—XI вв.

Особый вид погребения обнаружен в Б. Тарханах. Могильная яма 210×70 см вытянута с запада на восток. В западном конце глиняный кувшин салтовского типа (рис. 20—29)¹, вблизи него в середине могилы у южной стенки костяк в сидячем положении. На том же могильнике найдена бронзовая ажурная подвеска также салтовского типа. Тарханский могильник ярко свидетельствует о проникновении и обитании среди буртасов (а может быть, и в составе их племенного союза) более южных этнических элементов. Дата этого памятника — вторая половина VIII—IX вв.

Аналогий рассматриваемым городищам и селищам много. На западе — ряд городищ и селищ в Мордовии на среднем течении р. Суры, исследованных за последнее пятилетие П. Д. Степановым². Они носят общее название «ош-пандо» (морд.), что значит «город на горе». Среди таких городищ с шишкообразным или дугообразным валом и селищ известны следующие: Енгальчевские городища и селища, Карлейское селище, Ош-Пандо у с. Морга на речке Ош-лей, городища у селища Блюдо у с. Николаевки, Сейнинское городище и селище, Симкинское, Чиндяновское, Явлошское и др. Они аналогичны нашим по форме, размерам, по керамике А и Б, по расположению группами. На них найдены остатки деревянных жилищ, землянок, бревенчатой стены на валу, запасы пшеницы, ржи, про-

¹ Ближайшая аналогия — В. Салтов. См. Н. Я. Мерперт. О генезисе салтовской культуры. КСИИМК, вып. XXXVI, стр. 24, рис. 2—79, 78, 76.

² П. Д. Степанов. Памятники I тысячелетия н. э. в восточной части Мордовской АССР. КСИИМК, вып. XIX.

са и гороха в глиняных сосудах, зернотерки, серпы, биконические напярсла, железные ножи, наконечники стрел, железные скобки, шилья, костяные проколки, кости домашних животных, кости медведя, лося. У с. Никольского обнаружен также могильник, называемый бургасским, с положением трупов вытянуто на спине. П. Д. Степанов указывает много аналогий этим памятникам: Армеевские могильник, городища и селища, Кошибеевский, Борковский и Кузьминский и другие древнемордовские могильники. Он отмечает отсутствие на памятниках Восточной Мордовии «рогожной» керамики — явление, совершенно сходное с нашими памятниками. Независимо друг от друга П. Д. Степановым и мною эти памятники датируются второй половиной I тысячелетия н. э.

Сходные городища, селища, могильники расположены по р. Узе, в верховьях Мокши и Суры, на Самарской луке и в других частях Ульяновской и Куйбышевской областей¹.

Некоторые городища и селища в Чувашской АССР также сходны с рассмотренными нами, как, например, городище Каршлых, Ивановский могильник на низовьях Суры аналогичен Армеевскому на р. Узе в Пензенской области².

Таким образом, территория распространения данной культуры определяется обширной областью от Средней Оки на северо-западе, до Саратова на юге, от водораздела Дона и Цны на западе до меридиана Куйбышева (областного) на востоке.

Очерченная территория, по господствующему среди археологов мнению, определяется областью племен городецкой культуры. Однако это определение требует территориального и хронологического уточнения. Городецкой культуре посвятила свою диссертацию Н. В. Трубникова³. Ею совершенно верно, с нашей точки зрения, определены хронологические рамки этой культуры с VII в. до н. э. по IV—V вв. н. э., с делением на два этапа, гранью которых являются I—II зв. н. э. Наши памятники не входят в эти хронологические этапы, а являются позднейшими (V—XI вв.). Вот почему рассматриваемую нами культуру нельзя называть городецкой. Это — культура послегородецкая.

Территорию раннегородецкой и позднегородецкой культуры Н. В. Трубникова ограничивает неточно, указывая, что районы Свияги и Цивили включать в настоящее время в район распространения городецкой культуры можно только условно⁴.

Экспедициями П. П. Ефименко, П. Н. Третьякова в Чувашской АССР, П. Д. Степанова в Мордовии и Чувашии, нашими в западной половине Татарии собран большой археологический материал, который позволяет установить следующее: ни в Чувашии, ни в Восточной Мордовии (Средняя Сура), ни в Татарии не было памятников раннегородецкой культуры, характеризующейся керамикой с так называемым рогожным орнаментом, которая в Татарии почти не встречается⁵. То же явление отмечают для Средней Суры и Чувашии П. Д. Степанов и другие исследователи. Что касается позднегородецкой культуры (I—V вв. н. э.), то для нее характерно отсутствие рогожного орнамента и наличие темной тонкостенной гладкой посуды, или, по определению Н. В. Трубниковой, «лощеной посуды, черного и коричневого цвета». Эта посуда является

¹ В. В. Гольмстен. Бургасы. КСИИМК, вып. XIII, стр. 20. Муранский могильник, вновь исследованный в 1950 г., определяется А. Е. Алиховой как мордовский, А. П. Смирновым как бургасский.

² П. Н. Третьков. Указ. соч.

³ Н. В. Трубникова. Племена городецкой культуры. Автореферат диссертации. М., 1951.

⁴ Там же, стр. 16.

⁵ П. Н. Третьков в своей книге «Памятники древнейшей истории Чувашского Поволжья» говорит о находках текстильной керамики в Чувашии, стр. 51 и 52 (Ред.).

керамикой, относимой нами к типу Б; в наших памятниках она тоже отступает на последнее место и вытесняется более стандартной толсто-стенной с большим содержанием шамота и дресвы, грубой, но крепкой в обжиге посудой типа А.

Преимственность между городецкой и позднейшей культурой племен Среднего Поволжья — факт неоспоримый, однако с той оговоркой, что имелись локальные варианты этих культур. Для городецкой Н. В. Трубникова указывает пять локальных групп: Рязанскую, Саратовскую, Куйбышевскую, Пензенско-Тамбовскую и Муромскую. Тут нет ни Чувашской, ни Татарской группы, ни даже Мордовской. И это не случайно, так как племен городецкой культуры здесь до середины I тысячелетия не было. Преемники, потомки городецких племен, продвинулись на восток в середине I тысячелетия. В это время, с ростом производительных сил, с вторжением в Восточную Европу кочевников (гунны и др.), происходят вообще большие социально-экономические сдвиги и территориальные перемещения племен и их консолидация. Более определенно можно говорить об этнической карте Восточной Европы во второй половине I тысячелетия, когда стали известны племена, упомянутые поздней русской летописью.

М. Ю. СМИШКО

РАНЕСЛАВЯНСКАЯ КУЛЬТУРА ПОДНЕСТРОВЬЯ В СВЕТЕ НОВЫХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ДАННЫХ

Советская археологическая наука имеет значительные достижения в области изучения вопросов происхождения и древнейшей истории восточного славянства. Руководствуясь марксистско-ленинским учением о развитии общества, в частности указанием И. В. Сталина о характере процесса формирования современных наций¹, наши ученые определили ряд этнокультурных компонентов, из которых постепенно складывалось восточное славянство. Было установлено, что этот процесс происходил в основном на тех землях, на которых со временем выступили славянские племена, перечисленные в «Повести временных лет»; были сделаны первые попытки показать преемственную связь между культурами «полей погребений» и Киевской Руси. Но установленная общая схема происхождения и развития восточного славянства требует дальнейшей разработки, уточнений и дополнительного научного обоснования. Необходимо показать, как конкретно проходил этногенический процесс в разных районах восточнославянской территории, уточнить, какие именно древние племена, когда и в каких исторических условиях вошли в состав восточного славянства, как укреплялась его экономическая база и формировалась культурная общность.

Для решения этих вопросов большое значение имеет возможно полное изучение этнокультурных компонентов восточного славянства, особенно на этапе окончательного разложения родово-общинного строя и формирования племенных союзов, в среде которых начинает создаваться восточнославянское единство.

Археологические исследования показывают, что одним из таких компонентов являлись также племена Поднестровья, населявшие эту территорию с древнейших времен.

В настоящей работе сделана попытка дать краткую историю развития древнеславянских племен Поднестровья в первой половине I тысячелетия н. э. в свете археологических исследований последних лет.

В большинстве работ, посвященных вопросам истории населения эпохи «полей погребений» в пределах Верхнего Поднестровья, более полно выяснен только ранний этап развития культуры местных племен, представленный памятниками липицкого типа². Что касается позднейших этапов,

¹ См. И. В. Сталин. Соч., т. 2, стр. 293.

² М. Смишко. Доба полів поховань в західних областях УРСР. «Археологія», II, 1948, стр. 98 сл.

то исследователи ограничивались общими замечаниями, лишенными подчас достаточного обоснования. Такое положение создавало видимость оторванности липицкой культуры от предшествующего и последующего периодов развития населения Поднестровья, что создавало благоприятную почву для построения разных ошибочных концепций и даже умышленной фальсификации нашей древней истории. Так, польский археолог В. Антсевич создал концепцию, согласно которой Липицкий могильник будто бы является свидетельством вторжения в Поднестровье какого-то племени «понтийской группы, ассимилированной готами», продвигавшегося в «авангарде готской экспансии»¹. Согласно другой теории, созданной немецко-фашистским археологом К. Такенбергом, этот же могильник рассматривался как свидетельство кратковременного дако-гетского вторжения, которое было ликвидировано во II в. н. э. германскими вандалами.

Излишне говорить, что такие и им подобные концепции, созданные в духе фашистской коссиновской археологической «школы», имели целью доказать, что все новые культурные достижения были занесены на славянские земли только извне и в первую очередь германскими «культуртрегерами».

Против антинаучных теорий этого рода был выдвинут со стороны советских археологов тезис о развитии на месте поднестровских племен, в свете которого липицкая культура рассматривалась как один из этапов закономерного развития местных племен, перешедший в последующий этап без внешних вторжений². Новые археологические материалы представляют возможность более глубоко обосновать этот, в основном правильный тезис, уточнить и дополнить существующие до сих пор взгляды новыми данными и показать процесс развития приднестровской культуры «полей погребений» как части единой восточнославянской культуры. На основании изучения археологических материалов в развитии культуры «полей погребений» Поднестровья выделяются два этапа — ранний, или липицкий, и поздний, которые отражают исторические изменения, происшедшие здесь в первой половине I тысячелетия н. э. Кратко охарактеризуем каждый из них так, как они представляются сейчас в свете новых исследований.

Ранний, или липицкий, этап днестровской культуры «полей погребений» изучен довольно хорошо. Он представлен такими памятниками, как поселения в с. Залесцы (Дрогобычской обл.)³ и в с. Незвиско (Станиславской обл.)⁴, могильники в с. Верхняя Липица (Станиславской обл.) и в с. Гринев (Львовской обл.)⁵, а также другими погребениями, случайными находками римских монет, характерной посуды и металлических изделий.

Неукрепленные поселения располагались на южных или юго-западных склонах неглубоких оврагов, вблизи рек и ручьев. Жилища были однокомнатные, реже с небольшим тамбуром; сначала это были полуземлянки, овальные или полукруглые в плане, позже — прямоугольные наземные хаты-мазанки с двухскатной крышей. В жилищах были преимущественно открытые очаги, расположенные в центре на каменной вымостке или в мелких углублениях с низким глиняным карнизом. Кроме того, известны также круглые в плане сводчатые печи, сооруженные из глины на деревянном или каменном каркасе.

¹ W. Antoniłowicz. Archeologia Polski, стр. 174.

² М. Тиханова. Культура западных областей Украины в первые века н. э. МИА СССР, т. 6, 1941, стр. 271—276.

³ М. Смішко. Розвідувальні розкопки в Залісцях в 1947 р. Архив Інститута археології АН УРСР.

⁴ M. Smiszko. Osady kultury lipickiej. Lwów, 1934, стр. 2—11.

⁵ M. Smiszko. Kultury wczesnego okresu epoki cesarstwa rzymskiego. Lwów, 1932, стр. 55—64.

Покойников хоронили в бескурганых могильниках почти исключительно по обряду трупосожжения. Сосуд с остатками трупосожжения (урну) ставили в небольшую ямку и сверху покрывали каменной плиткой, миской, а иногда большим обломком сосуда. Вместе с пережженными костями в урнах найдены мелкие орудия и украшения. Эти предметы частично сжигались на костре вместе с покойником, а частично складывались в урны уже после трупосожжения.

В сельском хозяйстве преобладало земледелие, что засвидетельствовано стпечатками зерен (пшеницы или ячменя) в глиняной обмазке стен жилищ, а также находками больших пифосовидных сосудов, употребляемых для хранения зерна. В составе многочисленного остеологического материала, встреченного в культурных слоях поселений, преобладают кости домашних животных (лошади, крупного рогатого скота, свиньи), что свидетельствует о большой роли скотоводства в хозяйстве населения Поднепровья. Охота и рыболовство играли второстепенную роль.

Высокоразвитым было керамическое производство, в котором, наряду с древними приемами ручной лепки широко применялся гончарный круг. Лепная посуда изготовлялась из глиняного теста с примесью мелкого шамота, дресвы или мелкого песка. Шершавая поверхность таких сосудов часто украшалась валиками с задирами или косыми насечками, шишечками, круглыми углублениями и другими пластическими орнаментами. Ручным способом изготовлялась также посуда из отмученной глины с примесью мелкого песка. Поверхность сосудов часто сглаживалась и украшалась углубленным геометрическим орнаментом. Посуда, формованная на круге, делалась исключительно из чистой глины, иногда лишь с незначительной примесью мелкого песка, а сглаженная поверхность украшалась лощеными геометрическими узорами, горизонтальными рельефными ободками или ступенчатой профилировкой.

Посуда в большинстве случаев хорошо и равномерно обжигалась, надо полагать, в закрытых печах, типа обнаруженных на поселениях в Залесцах и Незвиске.

Характерной чертой этого этапа культурного развития является значительное разнообразие керамических изделий (рис. 22). Здесь много горшков, среди которых выделяются лепные удлиненные или биконических форм, а также круговые биконические горшки. Своеобразны большие сосуды для хранения зерна с характерными горизонтальными венчиками. Среди других сосудов можно назвать пухлобокие кувшины с массивной ручкой, маленькие чарочки и мисочки разных форм, изготовленные от зуки и на гончарном круге. Особого внимания заслуживают широкие чаши на высокой ножке и кувшинчики с двумя ручками, изготовленные в большинстве случаев на круге, а также лепные воронкообразные чашки с массивной ручкой. Последние сосуды вместе с пифосовидными горшками придают липицкому керамическому комплексу своеобразную окраску, так как они не свойственны другим группам памятников «полей погребений» на территории УССР¹. Кроме того, верхнеднепровская керамика раннего этапа имеет ряд особых признаков в отношении состава теста, формовки, способов обработки и украшения поверхности и др. При этом необходимо подчеркнуть необыкновенное сходство липицкой глиняной посуды с керамической продукцией синхронных комплексов южнoмoлдавской и валахской территорий².

Разнообразие мелких металлических изделий — железные топоры, стамески, ножи, ключи, проколки, кресала, поясные пряжки, бронзовые или

¹ Чаши на высокой ножке известны (но в значительно меньшем количестве) в керамических комплексах карпатских курганных погребений II—VI вв. н. э.

² R. et E. Vulpe. Les fouilles de Tinorul. «Dacia», I, стр. 194—207; с ии же. Les fouilles de Poiana. «Dacia», III—IV, 1927—1932, стр. 281—315.

железные фибулы ранних типов, браслеты, зеркальца из белого сплава и др.—свидетельствует о развитии кузнечном, бронзоволитейном и ювелирном ремеслах. Металлические изделия уступают подчас в качестве гончарным, однако имеют все признаки ремесленной продукции. Находки

Рис. 22. Керамика раннего этапа:

1 — лепная чашка из поселения в с. Залесцы; 2 — круговая чаша на высокой ножке из могильника в с. Гринево; 3 — круговой кувшинчик из поселения в с. Залесцах; 4 — круговой кувшин из могильника в Гринево; 5 — лепной сосуд из поселения в Залесцах; 6 — круговой сосуд из могильника у Верхней Липицы; 7 — лепной сосуд из могильника в Гринево; 8 — круговой сосуд из могильника в Верхней Липице

мелких стеклянных и пастовых бус, а также значительного количества слитков светлозеленого прозрачного стекла позволяют предполагать существование местного стекольного производства.

Имитации греческих монет Филиппа II, Александра Македонского и Лизимаха, которые чеканились в течение III в. до н. э., известные в пре-

делах распространения памятников липицкой культуры, свидетельствуют о древних традициях торговых связей с югом, на что указывают также находки импортных предметов кельтского образца, например серебряный культовый сосудик из Колоколина, серебряная головка быка с р. Сан, а также несколько привозных фибул средне- и позднеримского типов¹.

Начиная с I в. н. э. появляются в значительном количестве привозные предметы провинциального римского производства — бронзовые фибулы с эмалью, сосуды типа «терра-сигиллята», бронзовые культовые статуэтки, амулеты, стеклянные и металлические сосуды, глиняные амфоры. С конца II в. и в особенности в III в. н. э. увеличивается приток римских монет, чеканенных при императорах от Траяна (98—117) до Коммода (175—195). Значительное распространение этих монет в пределах Верхнего Поднестровья, встречаемых в кладах и в виде отдельных находок, дает основание предполагать, что они служили в то время платежным средством как при внешних, так и при внутриплеменных торговых сношениях.

Появление круговой керамики местного производства, а также значительного числа привозных вещей, в том числе римских монет, свидетельствует о зарождении ремесла и о выделении торговли, следовательно, о существовании у населения Поднестровья производственных отношений, характеризующих второе большое общественное разделение труда. В свете этих фактов липицкая культура представляется характерной для начала нового этапа в историческом развитии населения Поднестровья, который принято называть эпохой «полей погребений».

Согласно имеющимся материалам, начало этого этапа приходится приблизительно на I в. до н. э. Это определяется наличием в вещественном инвентаре липицких памятников ряда предметов, несомненно, относящихся к концу I тысячелетия до н. э.

Так, в погребении у с. Колоколин, наряду с круговой керамикой липицкого типа, найдены две фибулы: ранний вариант так называемой глазчатой фибулы (рис. 23 — 5) и типа «наугейм» (рис. 23 — 6), которые датируют этот памятник последним столетием до н. э.

Такая датировка начала липицкой культуры «полей погребений» подтверждается также некоторыми материалами из поселения в Залесцах. Речь идет о двух бронзовых булавах с головками, свернутыми в трубочку (рис. 23 — 1, 3), найденных в развале одного из жилищ², которые следует отнести ко времени не позже последнего столетия до н. э. Такие булавы известны по высоцким и скифским комплексам раннежелезного века³, а наличие их в памятниках корчеватского типа⁴ говорит об их бытовании до последних столетий до н. э. включительно. В том же жилище из Залесцев обнаружено бронзовое литое украшение в виде круглого щитика с прорезным стилизованным растительным орнаментом и тремя трапециевидными ушками на ободе (рис. 23 — 2). Точная аналогия этому предмету мне неизвестна. Учитывая латено-кельтский характер орнаментаций⁵ и некоторое сходство в размещении таких же ушек на кольцеобразных украшениях, встречающихся среди металлических изделий латенского периода на территории среднего Придунавья⁶, можно считать украшение из Залесцев изделием конца I тысячелетия до н. э.

¹ M. Smiszko. Stan i potrzeby badan nad okresem cesarstwa rzymskiego w poludniowo-wschodniej Polsce. «Wiadomosci archeologiczne», XIV, 1936, стр. 128—129.

² М. Смішко. Розвідувальні розкопки в Залісцях, стр. 12.

³ W. Antoniewicz. Archeologia Polski, стр. 121—123; T. Sulimirski. Kultura wysocka, стр. 133; он же. Scytowie na zachodnim Podolu, стр. 26, табл. V, 26.

⁴ Такие булавы известны мне из могильника у с. Корчеватое, а также из Зарубинца.

⁵ Образцы таких украшений см. J. Déchelet. Manuel d'archéologie préhistorique... II, стр. 1191, 1517, рис. 659.

⁶ Ср. Márton Lajos. A Korai La-Téne kultura magyarországon! «Archaeologia hungarica», XI, стр. 17, табл. III, 5.

Керамический инвентарь, обнаруженный в развале того же жилища, характеризуется преобладанием лепной керамики над круговой, а также фрагментами посуды киммеро-скифского времени¹: фрагмент большого

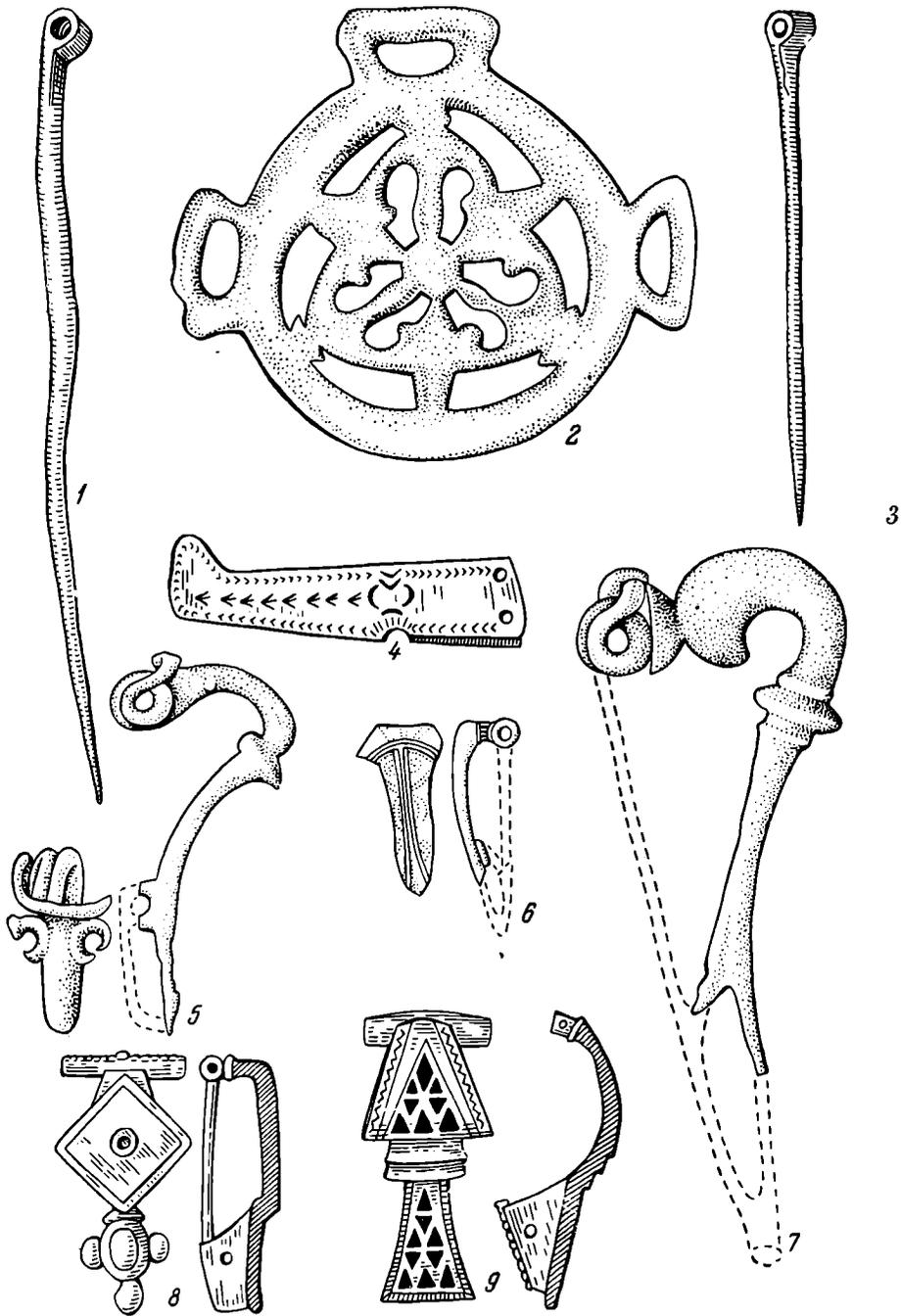

Рис. 23. Металлические изделия раннего этапа:

1, 2, 3, 4 — бронзовые изделия из поселения в Залесцах; 5, 6, 7 — бронзовые фибулы из погребения у с. Колоколин; 8, 9 — бронзовые фибулы с эмалью из могильника у Верхней Липицы

толстостенного сосуда с черной лощеной поверхностью и большой шишкой, фрагмент сосуда такого же типа, украшенного на выпуклости бочка мелкими косыми каннелюрами, несколько обломков венчиков с характер-

¹ М. Смішко. Указ. соч., стр. 11.

ной мягкой волнистой линией края, а также черепки горшков, украшенных под венчиками валиком с защипами и сквозными дырочками¹.

Такой же, если не более архаичный, облик имеет керамический инвентарь из поселения липицкого типа в с. Незвиско. Здесь, в нижнем слое вместе с остатками полууглубленных овальных и полукруглых жилищ, о которых упоминалось выше, встречен почти исключительно лепной керамический материал вместе с фрагментами сосудов, изготовленных в стиле местной позднескифской керамики². Наличие этих фрагментов в составе липицких комплексов свидетельствует, с одной стороны, о генетической связи культуры «полей погребений» Поднестровья с местной культурой предшествующего времени, а с другой — оно является в некоторой степени условным хронологическим критерием, свидетельствующим о том, что культура «полей погребений» в Поднестровье формировалась в то время, когда в производстве еще существовали приемы скифского времени.

В наших комплексах, довольно бедных абсолютно датированным материалом, особый интерес вызывает находка трех небольших фрагментов круговой расписной керамики на поселении в Новоселке-Костюкове. Эти фрагменты принадлежат несомненно привозным сосудам кельтской средне-европейской продукции конца так называемого латенского периода и датируются промежутком времени от середины II в. до н. э. и до начала нового летосчисления³.

Перечисленные данные свидетельствуют о том, что новый этап исторического развития местного населения, представленный культурой «полей погребений», начинается не позже I в. до н. э. Приблизительно с этого времени и до конца III в. н. э. здесь выступают памятники липицкого типа, представляющие ранний этап развития этой культуры в Поднестровье. Для него характерно наличие элементов позднекельтской культуры и тесные связи с племенами, обитавшими на территории Молдавии и Валахии, что подтверждается наличием сходных комплексов — липицкого в Верхнем Поднестровье и группы памятников типа Пояна на молдавско-валахской территории.

Близкое родство обеих культурных групп не вызывает сомнения, хотя пока мы не располагаем данными относительно их непосредственной территориальной связи. Дело в том, что распространение липицкой группы памятников ограничивалось до сих пор пределами Верхнего Поднестровья, а родственная ей молдавско-валахская группа, представленная такими поселениями, как Пояна, Крашани, Тиносуль, Зимницеа, Манастиреа и др., известна пока на правобережье Нижнего Дуная⁴. Обе группы выступали до сих пор изолированно, отделенные одна от другой значительной территорией Бессарабско-Молдавской возвышенности, где памятники «полей погребений» не были известны. Однако из этого факта нельзя делать каких-либо исторических выводов, ибо необходимо помнить, что эта территория до сих пор почти не исследована, чем и объясняется мнимый территориальный разрыв между липицкой и молдавско-валахской группами памятников «полей погребений». Однако непосредственная территориальная связь между ними должна существовать, об этом свидетельствует хотя бы необычайное сходство материальной культуры обеих групп древнего населения.

¹ Этот керамический комплекс хорошо представлен в Верхнем Поднестровье материалами из поселений киммеро-скифского времени в сс. Голиграды, Городница, Новоселка-Костюкова. Материалы хранятся в Львовском историческом музее.

² M. Smiszko. Osady kultury Lipickiej, стр. 11, примечание 21.

³ Ср. Schráníl. Die Vorgeschichte Föhlens u. Mährens, стр. 239, табл. XLIX; I. Nestor. Der Stand der Vorgeschichtsvorschung in Rumänien 22, Bericht der römisch-germanischen Kommission. 1932, стр. 167.

⁴ R. et E. Vulpe. Указ. работы; I. Nestor. Указ. соч., стр. 157 сл.; V. Păvan. Gettica, стр. 459 сл.

Экспедиционными работами 1948—1950 гг. обнаружен ряд новых памятников «полей погребений» в пределах Среднего Поднестровья. Только разведкой Днестровской экспедиции ИИМК АН СССР и АН УССР в 1950 г., работавшей под общим руководством Т. С. Пассек, обнаружено 11 поселений времен «полей погребений» в окрестностях сел Бабино, Бузовица, Грушевцы, Комарово, Макаровка, Наславча, Ленковцы, Перебикивцы и Рухотин. Для нас особенно важно то, что на основании изучения подъемного керамического материала этой разведки устанавливается несомненный липицкий характер поселений в сс. Комарове, Макаровке, Ленковцах (два пункта), Перебикивцах и Наславче. Кроме того, материалы из семи пунктов свидетельствуют о том, что эти поселения продолжали существовать в течение всей первой половины I тысячелетия н. э., что, в свою очередь, доказывает перерастание липицкой культуры в позднюю культуру «полей погребений». Таким образом, новые данные показывают, что распространение памятников «полей погребений» липицкого типа не ограничивается только территорией Верхнего Поднестровья и что юго-восточная граница их достигает по Днестру Могилева-Подольского (с. Наславча Атацкого района, Молдавской ССР).

Важно добавить, что Славяно-днестровской экспедицией ИИМК АН СССР в 1950 г. на участке от Могилева-Подольского на севере до Олонешти на юге было открыто 20 поселений по Днестру, которые дали керамический материал, характерный для раннего и позднего этапов «полей погребений»¹. На этом отрезке течения Днестра ранний этап «полей погребений» представлен памятниками, близкими к липицкому типу памятников Верхнего Поднестровья. Таким образом, все Поднестровье можно включить в территорию распространения своеобразной днестровской группы культуры «полей погребений», характерные признаки которой нами перечислены выше.

Благодаря исследованиям последних лет, значительно уменьшился территориальный разрыв, разделявший до сего времени липицкую и молдавско-валахскую группы «полей погребений». Все больше начинает вырисовываться группа памятников «полей погребений» на обширной территории всего Прикарпатья, от верховьев Днестра на северо-западе до днестровско-дунайской низменности на юге. В вещественном инвентаре этой группы памятников наблюдаются некоторые различия по сравнению с среднеднепровскими.

Молдавско-валахскую группу памятников румынские исследователи (В. Парван, И. Нестор, Р. Вульпе) приписывают дако-гетским племенам. Считая такое определение условно правильным, можно по сходству материальной культуры причислить носителей липицкой культуры к этой этнической группе. Такое определение подтверждается указанием Страбона (VII, 295), который, говоря о земле гетов, ограничивает ее на севере Карпатами, а на северо-востоке перемещает границы за Карпатские горы, в долину р. Днестра, где ему были известны племена тирегетов. Согласно этому, Поднестровье должно было входить в состав земель тирегетов. Для более точного определения племенной принадлежности носителей липицкой культуры в определяемых в настоящее время ее границах можно опереться на упоминание Птолемея (III, 5—21), в котором указывается, что одно из дакских племен — костобоки — занимает территорию также севернее Карпат, следовательно где-то в пределах Верхнего Поднестровья.

Во время римского владычества в Дакии, северные границы которой не доходили до Карпат, а восточные шли по р. Алюта (Олтул), дако-гетские племена, жившие за Карпатскими горами, не были покорены Римом и в исторических источниках того времени выступают под общим

¹ «Изв. АН СССР», серия истории и философии, т. VII, № 6, 1950, стр. 579.

названием «свободных даков». Среди них находим племена бессов, сабоков, анартофрактвов, костобоков, петопориановых даков и др.¹ Из этого следует, что «свободные даки» были конгломератом различных, по происхождению и по этническому составу, племен.

Зачисление того или иного племени в эти территориальные по своему характеру группировки ничего еще не говорит об их этнической принадлежности в современном понимании. «Свободные даки» и тирегеты должны пониматься примерно как скифы Геродота, как позднейшие сарматы и т. п. Надо полагать, что в их состав входили разные племена, в том числе также предки некоторых восточнославянских племен, временно объединявшиеся даками в племенные союзы для борьбы с Римской империей.

В то время, к которому относится липицкий этап «полей погребений» в Поднестровье, у племен, населявших римскую Дакию, происходили значительные социально-экономические преобразования и политические события. Источники говорят об окончательном разложении общинно-родовых отношений, о зарождении классов и государства. Свидетельствами Дио-Хризостомоса, Кассиуса-Дио, Петра-Патриция и др. подтверждается существование резкого социального расслоения. Широко развитая торговля базировалась на денежном обращении, что засвидетельствовано чеканкой собственной монеты.

С конца II в. до н. э. здесь формировались племенные союзы для борьбы с Римской империей и с враждебными племенами (бастарнами, боями)². Во главе этих союзов стояли местные князья, некоторых из них (Бурвиста, Котизо, Дикомес, Скорилла, Декабал) называют нам античные источники в период между I в. до н. э. и I в. н. э. С именами князей Бурвиста и Декабал связывается создание примитивных кратковременных дакских государственных образований. Племена Дакии ведут напряженную борьбу против римского господства. После упорной борьбы римлянам удалось в 107 г. н. э. покорить значительную часть дакских земель и включить их в состав Римской империи. Но борьба против римских поработителей не прекращалась и велась дальше, прежде всего силами «свободных даков». Кратковременные периоды затишья чередовались со все более растущими ударами со стороны дакских племен, пока в 271 г. римляне не были вынуждены оставить Дакию.

Продолжительное соседство так называемых «свободных даков», в том числе населения Поднестровья, с родственными племенами, жившими в условиях рабовладельческого строя, должно было отразиться на их дальнейшем социально-экономическом и культурном развитии. И действительно, археологические данные свидетельствуют о том, что во II—III вв. в Поднестровье развивается гончарное ремесло, зачатки которого прослеживаются начиная с конца I тысячелетия до н. э. В результате торговых связей в Поднестровье проникают многочисленные провинциальные римские изделия, которые обменивались на местные сельскохозяйственные продукты и, возможно, также на рабов, которыми оплачивались военные услуги. Предметы роскоши использовались для подкупа местной правящей верхушки, а некоторые римские изделия (например, вотивная ручка из Мышкова), очевидно, попадали в Поднестровье как трофеи в результате военных действий против империи. Среди привозных вещей значительное место занимают римские монеты, прилив которых усилился особенно во II в. н. э.³

¹ Paulys Wissowa. Real-Encyclopädie, IV, стр. 1952.

² Paulys Wissowa. Указ. соч., стр. 1950.

³ По уточненным данным, из общего количества 212 пунктов, в которых были найдены римские монеты в Верхнем Поднестровье, в 108 пунктах были найдены монеты, чеканенные во II в. н. э.

Приведенные факты иллюстрируют те изменения в производственных отношениях, обусловленные развитием местных производительных сил, которые произошли у племен Поднестровья на рубеже I тысячелетия н. э. и привели ко второму большому общественному разделению труда. Очевидно, в этих преобразованиях немалую роль сыграли связи местного населения с племенами, которые жили в более развитых условиях рабовладельческого строя Римской империи.

Верхняя граница раннего этапа «полей погребений» в Поднестровье определяется серединой III в. н. э. Приблизительно тогда же прекращается ввоз предметов римского происхождения и ослабевают непосредственные связи с югом, с придунайскими даками. В силу этого в значительной степени исчезает существовавшее до сего времени своеобразие культуры поднестровских племен, которая, благодаря своей гето-дакской и провинциально-римской окраске, отличалась от культуры других раннеславянских племен. Эти факты находятся в несомненной связи с политическими событиями, протекавшими на территории соседней римской Дакии. Именно, начиная с половины III в. н. э., во времена императоров Валериана и Галлиена, в Подунавье до крайних пределов обостряется борьба местных племен против Римской империи, приведшая к ликвидации римского владычества в Дакии.

Поздний этап развития днестровской культуры «полей погребений» исследован и изучен пока недостаточно. Правда, известны памятники, несомненно относящиеся к этому периоду, но их научная ценность уменьшается тем, что почти все они исследованы в крайне ограниченных, разведочных масштабах. К важнейшим относятся такие, как поселения в с. Голиграды и с. Новоселка-Костюкова Тарнопольской области¹, погребения в с. Городница², с. Псари Станиславской области³ и в Теревовле Тарнопольской области⁴. Особое место занимает поселение в с. Лука Врублевецкая Каменец-Подольской области, которое исследовалось в течение двух лет (1947—1948) экспедицией ИИМК АН СССР⁵. Для характеристики этого этапа можно использовать также данные разведки Днестровской экспедиции Львовского отдела Института археологии АН УССР в 1950 г. и материалы, случайно обнаруженные в ряде пунктов Поднестровья, например в сс. Жабинцы, Осовцы, Сороки⁶.

Изучение перечисленных памятников приводит к заключению, что поздний этап есть непосредственное продолжение развития культуры того же населения, которое оставило памятники типа Залесцы-Липица.

По сравнению с предыдущим периодом намечаются новые черты. Так, в отличие от липицких погребений с трупосожжением, появляются трупоположения (Городница, Псари, Романовое село), а материальная культура племен Поднестровья в значительной степени лишилась характерных черт, свойственных материальной культуре южных территорий. В жилищном строительстве устанавливается тип небольшого прямоугольного дома, часто с тамбуром. Вместо прежнего открытого очага или круглой сводчатой печи появляется глиняная или каменная прямоугольная печь, расположенная в одном из углов жилища.

¹ T. Sulimírski. Trzy chaty przedhistoryczne. Przyczynki do poznania epoki cesarstwa rzymskiego południowo-wschodniej Polski. Lwów, 1934, стр. 33—43.

² I. Kopernicki. Poszukiwania archeologiczne w Horodnicy nad Dniestrem. «Zbiór wiadomości do antropologii krajowej», II, 1878, стр. 55.

³ K. Nadaczek. Kultura dorzecza Dniestru w epoce cesarstwa rzymskiego. «Materiały antropol., archeol. i etnogr.», XII, 1912, стр. 28—30.

⁴ Там же, IV, 1900, стр. 92—98.

⁵ М. Тиханова. Розкопки верхніх горизонтів поселення в с. Лук-Врублевецька. «Археол. пам'ятники УРСР», I, 1949, стр. 177 сл.

⁶ По материалам Львовского и Тарнопольского музеев, а также Археологического музея Польской академии наук в Кракове.

В керамическом производстве полностью осваиваются гончарный круг и горн, что привело к полному исчезновению лепной посуды. Постепенно исчезают такие виды сосудов, как чаши на высокой ножке и небольшие кувшинчики с двумя ручками, очень характерные для липицких керамических комплексов. Ассортимент посуды теперь состоит из наиболее удобных в земледельческом быту форм: пухлобоких горшков, кувшинов с ручкой, мисок и больших сосудов для хранения зерна, характерной формы для днестровской гончарной посуды того времени. В гончарном производстве в состав отмученной глины начинают примешивать большое количество крупнозернистого или мелкого песка. Такой материал повышал качество посуды: увеличивал ее огнеупорность, непроницаемость и прочность. По формам сосудов и технике изготовления днестровская керамика того времени очень близка к керамике остальных районов восточного славянства.

Металлические изделия представлены мелкими предметами хозяйственно-бытового назначения: железными ножами, кресалами, стамесками, ключами, почти не отличающимися от таких же изделий предшествующего времени. Из костей животных изготавливались составные гребни с дугообразной спинкой и различные проколки. Развивается ювелирное дело, о чем свидетельствуют фибулы, изготовленные из серебра, бронзы и железа, и подвески, украшенные эмалью.

Первые эмалевые изделия появляются в Поднестровье еще во II в. н. э., о чем свидетельствуют две фибулы из погребений в Липице, несомненно провинциального римского производства. Украшения же позднейшего времени, например ажурная подвеска из Залесья (IV в. н. э.) и колты с примитивными эмалевыми зооморфными изображениями, найденные в Звынячи и Блищанке Тарнопольской области, которые можно отнести к VI—VII вв., имеют признаки местного производства. Можно предполагать, что эмалевое производство, зародившееся на землях Поднестровья под влиянием связи с кельто-римскими производственными центрами примерно в III в. н. э., продолжает развиваться здесь вплоть до времени Киевской Руси включительно. Мелкие украшения представлены в Поднестровье шаровидными и прямоугольными плоскими бусами из прозрачного стекла и непрозрачной пасты, а также характерными для всей раннеславянской территории кубооктаэдрическими стеклянными и сердоликовыми бусами.

Для датировки позднего периода культуры «полей погребений» в Поднестровье мы располагаем еще довольно скудными данными, однако они настолько характерны, что могут быть положены в основу определения этого этапа, как непосредственно предшествующего культуре Киевской Руси.

Одним из ранних памятников позднего этапа является погребение с труположением в с. Городница на Днестре. Здесь найдены: пухлобокий кувшинчик с ручкой, изготовленный из отмученной глины на круге (рис. 24 — 2), небольшой лепной горшок, стеклянная чарка с эмалевым ленточным орнаментом (рис. 24 — 1) и две одинаковой формы серебряные фибулы (рис. 24 — 5), имеющие двухсоставную конструкцию двойного пружинного аппарата с псевдозернью на стержне. Такие фибулы датируются не ранее второй половины III в. н. э.¹, следовательно, определяют время погребения в Городнице началом позднего этапа «полей погребений» в Поднестровье.

К этому периоду следует отнести также могильник с трупосожжениями, обнаруженный в Романовом селе Тарнопольской области. В составе погребального инвентаря малый кувшин, формы, очень напоминающей городницкую, сосуд с большими овальными углублениями, имитирующий римские стеклянные чаши, и пять небольших горшков с профилированными венчи-

¹ О. Альмгрен (Nordeuropäische Fibelformen, стр. 97—98) датирует такие фибулы, опираясь на факт находки этого типа в римских лагерях по Рейну, разрушенных в конце III в. н. э.

ками; все они изготовлены на круге из чистой глины с примесью песка. Бронзовая фибула позднего типа с подогнутой ножкой, а также упомянутые гсршки датируют могильник в Романовом селе временем не ранее IV в. н. э.

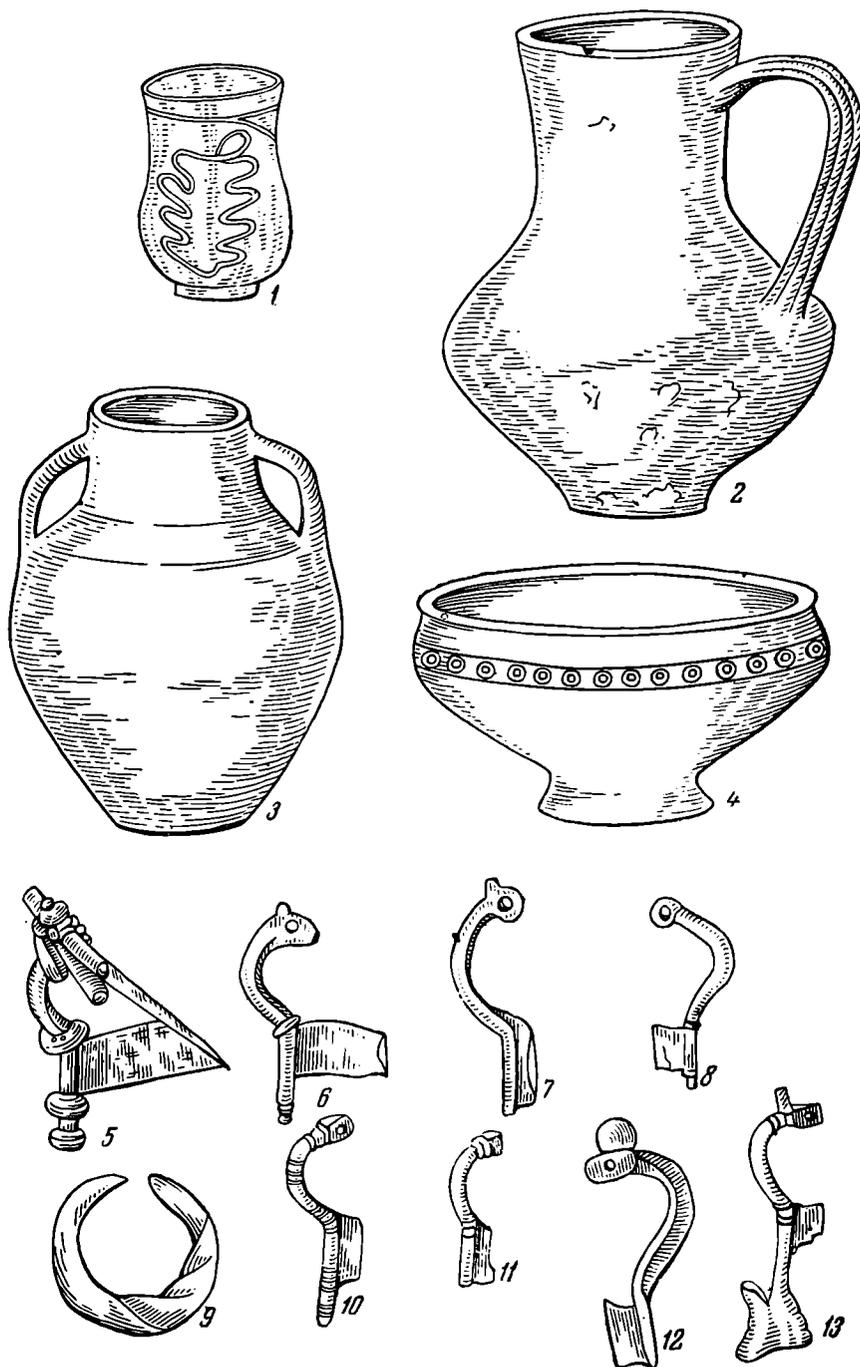

Рис. 24. Памятники позднего этапа:

1 — стеклянная чарка с эмалевым орнаментом из погребения в с. Городнице; 2 — круговой кувшин из погребения в Городнице; 3, 4 — круговые сосуды из погребений в с. Мышкове; 5 — серебряная фибула из погребения в Городнице; 6, 7, 8, 12 — бронзовые фибулы из поселения у Городницы; 10, 11, 13 — бронзовые фибулы из клада в Калининградской области; 9 — бронзовое кольцо из могильника в Мышкове

Керамика названных могильных памятников уже не имеет характерных признаков липицкой продукции; обнаруженные здесь фибулы также иного облика. Все это вместе с новым для Поднестровья погребальным ритуалом свидетельствует о тех изменениях, которые произошли в быте и культуре племен Поднестровья в конце III в. н. э.

Очень важен вопрос, до какого именно времени продолжает существовать культура «полей погребений» в Поднестровье. Разрешить его можно, изучив небольшие бронзовые фибулы особого типа, имеющие двухсоставную конструкцию пружинного аппарата, короткую изогнутую дужку, прямую ножку и, чаще всего, высокий держатель иглы. Такие фибулы есть среди материалов из погребений в Псарях, а также из поселений в Городнице на Днестре, Жабинцах и Луке Врублевецкой¹ (рис. 24 — 6, 7, 8, 12). Следовательно, подобного рода небольшие фибулы имели довольно широкое распространение в пределах днестровской культуры «полей погребений»; они известны также и вне ее пределов (Киев, Ольвия, юго-восточная Польша и Прибалтика).

Особое значение имеет для нас находка подобных фибул в составе клада из Калининградской области, так как последний поддается довольно точному хронологическому определению². В состав клада, очевидно, спрятанного странствующим ремесленником, входили фибулы разных типов, пряжки, римские монеты, бусы и другие мелкие предметы, в том числе небольшие бронзовые фибулы (рис. 24 — 10, 11, 13), которые почти точно повторяют днестровские формы. Одна из них (рис. 24 — 13) имеет выразительные признаки неоконченного изделия, исходя из чего можно считать этот тип фибул наиболее поздним элементом в составе указанного клада. Клад датируется римской золотой монетой Феодосия II, отчеканенной в 448 г. н. э. Монета сохранилась плохо: она сломана, сильно стерта, имеет ряд механических повреждений. Все это свидетельствует о том, что она попала в состав клада долгое время спустя после чеканки и была, очевидно, предназначена для переплавки. Таким образом, монета, как наиболее поздняя в составе этой находки, датирует клад, а вместе с ним и входящие в него фибулы, временем не ранее VI в. н. э.

Распространение фибул описанного типа в разных, удаленных друг от друга местах (Поднестровье — Восточная Прибалтика) следует объяснить существованием широких межплеменных торговых и культурных связей, которые усиливаются в условиях разложения первобытно-общинного строя. Можно предполагать, что благодаря этим связям распространяется также мода на подобные металлические изделия, в том числе небольшие литые фибулы с высоким держателем, которые несомненно изготовлялись местными мастерами в разных районах Поднестровья.

Исходя из наличия фибул этого типа в составе инвентаря упомянутых памятников (Городница, Жабинцы, Лука Врублевецкая, Псари), можно говорить о VI веке как о реальной дате существования культуры «полей погребений» в Поднестровье.

Является ли указанная дата пределом — вопрос, на который можно будет получить окончательный ответ только после дальнейших исследований. При рассмотрении этого вопроса важно обратить внимание на очень интересный по составу вещественного инвентаря могильник, открытый вблизи с. Мышков Тарнопольской области³. В состав могильника входили две группы погребений, разделенных небольшим оврагом нового эрозийного происхождения. Одну группу составляли четыре труположения в грунтовых ямах. Инвентарь этих погребений представляют три круговых сосуда: пухлобокий горшок, кувшин с двумя ручками (рис. 24 — 3) и миска, украшенная на плечиках вдавленными кружочками с точкой в середине (рис. 24 — 4); горшок был изготовлен из глиняного теста с примесью

¹ Э. А. Симонович. Поселение в Луке Врублевецкой и археологические памятники Подолии I тысячелетия н. э. Автореферат, стр. 2.

² F. E. Peiser. Der Depotfund von Frauenburg, I. Stzber. Altertumsgeg. Prussia, 1914, Bd. 23, I, стр. 58 сл., табл. 1.

³ G. Ossowski. O grobach nieciałopawych w Myszkowie. «Zbiór wiadomości do antropologii krajowej», XV, 1891, стр. 91—98.

песка, а кувшин и миска — из чистой светлосерой глины. Все три сосуда имеют признаки продукции, относящейся к позднему этапу «полей погребений». Совершенно иного характера металлические украшения, найденные в погребениях этой группы. Они представлены свернутым из двойной бронзовой проволоки разомкнутым кольцом с суженными концами (рис. 24 — 9), найденным в одном погребении с амфорообразным кувшином, и двумя бронзовыми трехбусинными височными кольцами так называемого киевского типа, обнаруженными в погребении без керамики.

Таким образом, в погребениях одной группы и даже в одном погребении (№ 3) найдены изделия, которые обычно относились к двум разным периодам — «полей погребений» и Киевской Руси.

Вторую группу составляли три погребения в дубовых колодах. В одном из них найдены две бронзовые трехбусинные серьги того же типа, что и в погребениях первой группы, отличавшиеся только техникой нанесения орнамента.

Рассмотрев инвентарь могильника, приходим к выводу, что он принадлежал жителям одного поселения, существовавшего в период между эпохами «полей погребений» и Киевской Руси, т. е. в VII—VIII вв. н. э.

Следовательно, нас не должно удивлять появление на одних и тех же поселениях предметов, характерных, с одной стороны, для «полей погребений» (например, малые бронзовые фибулы), а с другой — для культуры Киевской Руси (например, лунницы, серьги, кольца). Такие коллекции известны из поселений у с. Городница Станиславской области и с. Жабинцы Тернопольской области¹. Не должно удивлять и появление на одних и тех же поселениях Поднестровья керамических материалов типа поздних «полей погребений» и периода Киевской Руси². Сосуды этого времени близки друг другу по форме, технике изготовления и орнаментации. Это происходит не вследствие случайного смешения двух хронологически и культурно разных комплексов, но является доказательством (пока только намечаемым) органической, преемственной связи двух этапов культурно-исторического развития славянского населения Поднестровья в I тысячелетии н. э.

Развитие производительных сил и производственных отношений в Поднестровье привело уже в начале I тысячелетия н. э. к выделению ремесла и торговли. Археологические памятники свидетельствуют о постоянном совершенствовании изделий местного производства, о появлении новых, более удобных форм в керамическом производстве и металлургии. Имеется достаточно материалов, подтверждающих рост торговли и культурных связей с близкими и далекими соседями. В свете этих фактов весьма тенденциозно выглядит концепция некоторых зарубежных археологов, по мнению которых появление любой новой формы керамического или металлического изделия объясняется каким-то новым этническим вторжением.

К таким грубо тенденциозным концепциям относится взгляд, впервые высказанный немецким археологом К. Такенбергом, а позже развитый польским археологом И. Костржевским, о германской (гепидской) принадлежности памятников, в состав инвентаря которых входили арбалетные фибулы с кольцеобразными украшениями на дужке и высоким держателем иглы. На этом основании к числу так называемых гепидских памятников были отнесены Костржевским почти все известные ему древности позднего этапа «полей погребений» на территории западных областей УССР (Городница, Грицевцы, Жабинцы, Иванье-Золотое, Неслухов, Псари, Романовское

¹ Материалы, собранные на поселении в Городнице, находятся в фондах Львовского исторического музея, а на поселении в Жабинцах — в Археологическом музее Польской академии наук в Кракове.

² Из ряда таких пунктов могу назвать поселения у сс. Голиграды, Грицевцы, Лука Врублевская, Наславча, Новоселка-Костюкова, Рестев и др.

село, Теробовля, Увисла и др.). Таким образом, в Верхнем Поднестровье не оказалось места для местного славянского населения.

Тенденциозность упомянутой концепции особенно ярко видна на примере конкретных археологических данных из известного поселения вблизи с. Неслухов Львовской области, вещественный инвентарь которого ничем не отличается от инвентаря других раннеславянских памятников «полей погребений». Анализ этого материала позволяет сделать вывод о непрерывном существовании Неслуховского поселения до эпохи Киевской Руси включительно¹.

Формально-типологический метод, примененный Костржевским, привел его к грубой антиисторической фальсификации — к признанию германской этнической принадлежности несомненно славянских памятников на основании только формы фибул, без учета сопровождавших их других материалов, развития производительных сил местного населения и исторических условий, в которых развивалось раннее славянство.

Кратко резюмируя, приходим к следующим выводам:

1. В свете новых исследований все более четко обрисовывается непрерывное развитие культуры «полей погребений» в Поднестровье с I в. до н. э. по VI в. н. э. включительно. Намечается преемственная связь этой культуры с культурой Киевской Руси.

2. Историческим содержанием этого этапа развития культуры «полей погребений» является второе общественное разделение труда, засвидетельствованное развитием ремесла и торговли.

3. На раннем этапе бытования культуры «полей погребений» в Поднестровье прослеживается ее теснейшая связь с синхронной культурой населения южной Молдавии и Валахии.

4. Археологическими экспедициями последних лет обнаружен ряд новых поселений липицкого типа в Поднестровье вплоть до низовьев Днестра. Это свидетельствует о том, что территория распространения своеобразной днестровской культуры «полей погребений» охватывала все Поднестровье. Этот факт территориально сближает липицкую группу памятников с родственной ей и синхронной молдавско-валахской группой «полей погребений».

5. Поздний этап развития верхнеднестровской культуры «полей погребений» характеризуется усилением связей с раннеславянским населением Подолии, Среднего Поднепровья и Вольни, в результате чего в значительной степени нивелируется прежнее своеобразие материальной культуры верхнеднестровских племен.

6. Материалы, полученные экспедициями последних лет, подчеркивают правильность тезиса о перерастании липицкой культуры начала I тысячелетия н. э. в раннеславянскую культуру IV—VI вв. н. э.

Своеобразный характер днестровской культуры «полей погребений», особенно ярко выраженный на раннем (липицком) этапе ее развития, дает основание утверждать, что она принадлежала отдельной группе раннеславянских племен. На основании наличия родственных памятников «полей погребений», с одной стороны, в пределах Поднестровья, а с другой — на территории левобережной подунайской низменности, можно предполагать, что всю громадную территорию Восточного Прикарпатья занимали близкие, родственные племена.

Наличие на днестровских поселениях культуры «полей погребений» памятников, характерных для периода Киевской Руси, число которых с каждым годом увеличивается, а также намеченные генетические связи в материальной культуре свидетельствуют о перерастании культуры «полей погребений» в культуру Киевской Руси.

¹ М. Смішко. Звіт про дослідження селища «полів поховань» в Неслухові в 1946 р. «Археологічні пам'ятки УРСР», I, 1949, стр. 294.

На громадной территории, на которой намечается распространение днепровской культуры «полей погребений», наша летопись помещает племена тиверцев, которые «сѣдяху по Днестру, присѣдяху бо къ Дунаеви и бѣ множество ихъ, сѣдяху по Днестру оли до моря»¹. Сопоставляя слова летописи с данными археологических исследований, можно сделать вывод, что днепровская группа «полей погребений» принадлежала непосредственным предкам летописных тиверцев.

¹ М. Д. Приселков. Троицкая летопись. М.—Л., 1950, стр. 56.

Г. Б. ФЕДОРОВ

РАБОТА СЛАВЯНО-ДНЕСТРОВСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

Славяно-днестровская экспедиция, организованная ИИМК АН СССР совместно с Институтом истории, языка и литературы Молдавского филиала АН СССР, проводила в 1950 г. разведки на территории Молдавской ССР по правому берегу Днестра и в бассейнах двух его крупнейших правобережных притоков — Ботны и Реута¹.

Экспедиция открыла несколько десятков трипольских и скифских поселений, скифских и средневековых городищ и зарегистрировала свыше 200 скифских курганов.

Помимо съемки планов, фотографирования и сбора подъемного материала, на всех городищах и на большинстве селищ заложены контрольные шурфы, один из скифских курганов с трупосожжением полностью раскопан. Однако основной целью экспедиции являлись поиски и предварительное исследование славянских памятников в Поднестровье, на территории Молдавии, где эти памятники раньше не исследовались и, за небольшим исключением, о котором будет упомянуто ниже, не были обнаружены. Всего экспедицией открыто и подвергнуто предварительному исследованию 44 славянских памятника, из них 16 селищ эпохи «полей погребений», 22 древнерусских селища и шесть древнерусских городищ.

Керамика эпохи «полей погребений» в северной части Молдавии была обнаружена еще в 1947—1950 гг. разведками Трипольской экспедиции ИИМК АН СССР, работавшей под руководством Т. С. Пассек.

Научным сотрудником Кишиневского государственного музея Г. П. Сергеевым открыта весьма интересная керамика переходного к древнерусскому типу в долине р. Бык, среднего правого притока Днестра, у села Кобуска-Веке.

Большинство раннеславянских селищ так называемой эпохи «полей погребений», открытых и обследованных этой экспедицией, расположено на правом берегу Днестра и по его правым притокам, от местечка Атаки на севере до села Тудорова на юге.

Селища расположены обычно на склонах небольших лощин или балок, вблизи ручьев или ключей, иногда на надпойменной террасе или на самой пойме, обычно неподалеку от пахотной земли и лугов. Большой частью они расположены между двумя оврагами или балками, что как бы ограничивало территорию селища и служило ему некоторой естественной защитой.

¹ Руководители экспедиции Г. Б. Федоров и Р. Л. Розенфельдт. Принимали участие в ней Т. М. Смирнова, Ю. И. Киреев, А. Я. Розен; студенты-практиканты Кишиневского университета и Пединститута.

Селища довольно обширны и в отдельных случаях площадь их достигает трех гектаров. Шурфы, заложенные на территории селищ, показали, что толщина культурного слоя их в среднем 40—60 см и он довольно насыщен.

Расположение селищ свидетельствует о земледельческо-скотоводческом хозяйстве их обитателей, что подтверждается разнообразием форм керамики.

Керамика, обнаруженная на селищах эпохи «полей погребений», относится к липицкой и варианту черняховской культур. Она аналогична керамике этих же культур, плодотворно исследуемых М. Ю. Смишко, Е. В. Махно и др. в междуречье Днестра и Днестра. В соответствии с датировками, установленными в последние годы, липицкая керамика Поднестровья датируется последними веками до н. э. и первыми веками н. э., а черняховская поднестровская посуда — II—VI вв. н. э.

На пяти селищах керамика «полей погребений» подстилается скифской (Васиены, Славянка, Пепени, Гора Ойтузулуй, Слободзея), а на пяти других слой с керамикой «полей погребений» перекрыт слоем с древнерусской керамикой и переходными к ней формами (Крокмазы, Славянка, Сакаровка, Слободзея, Гырбово). На двух (Славянка, Слободзея) слой с керамикой «полей погребений» находится между слоями со скифской и с древнерусской керамикой.

Особенный интерес представляют три селища — Гырбово, Сакаровка и Кобуска-Веке, в культурном слое которых содержится керамика переходного типа от «полей погребений» к древнерусской, датируемая нами VII—IX вв.

На селище Гырбово между слоем с типичной для «полей погребений» серолощенной керамикой и слоем с обломками древнерусской посуды имеется прослойка, содержащая довольно грубые гончарные сосуды. Толщина стенок их 0,8—1,2 см. Обжиг довольно хороший, глина коричневаточерная с примесью дресвы. Поверхность плохо заглаженная, без всяких следов лощения, форма сосудов совершенно совпадает с формами серолощенных сосудов «полей погребений»: сильно отогнутый венчик со срезанным верхним краем в виде широкой горизонтальной площадки, биконическая форма тулова и т. д. Верхняя часть тулова покрыта древнерусским линейно-волнистым орнаментом. Орнамент, тесто сосуда и техника изготовления типичные для древнерусской керамики, вместе с тем форма сосудов сохраняет еще облик, характерный для «полей погребений».

Селище Сакаровка занимает площадь около трех гектаров. Культурный слой здесь мощностью 40—60 см. В нижней предматериковой прослойке содержатся фрагменты серолощенной и серой не лощеной керамики «полей погребений». Верхний слой содержит древнерусскую керамику с линейно-волнистым орнаментом. Между этими двумя прослойками обнаружена третья, в которой найдены фрагменты круговых тонкостенных сосудов хорошего обжига. Глина серого цвета. Тесто хорошо отмучено, без всяких примесей. Доньшки без поддонов. Сосуды четко профилированы, не лощеные, по тесту, обжигу, цвету и по технике изготовления весьма близки к керамике «полей погребений». Вместе с тем они покрыты линейно-волнистым орнаментом, который в точности совпадает с орнаментом древнерусской керамики из селища и городища у села Екимауцы.

Керамика из селищ Гырбово и Сакаровка является переходной от керамики «полей погребений» к древнерусской и датируется нами VII—VIII вв. Керамика же селища Кобуска-Веке датируется VIII—IX вв.

Таким образом, можно предполагать, что на территории Молдавии на правобережье Днестра раннеславянская культура эпохи «полей погребений» в течение VI—IX вв. постепенно переходит в культуру древнерусскую и генетически связана с ней и что носители ее — древнерусские племена — не случайные поздние пришельцы в Среднем и Нижнем Поднестровье, а

коренное исконное население, органически связанное с раннеславянским.

Вторая и третья категории славянских памятников, открытых экспедицией, относятся к более позднему времени. Это — древнерусские селища и городища, датируемые IX — началом XII вв.

Как известно, летописцы помещают на Днестре два древнерусских племени — уличей и тиверцев. Какому же из этих племен принадлежат открытые нами памятники? Б. А. Рыбаков недавно с исчерпывающей полнотой исследовал все письменные источники, касающиеся уличей, и убедительно показал, что они передвинулись из Поднепровья в Поднестровье лишь после взятия Пересечена в 940 г.

Древнерусские поселения IX — начала XII вв. на территории Молдавии органически связаны переходными формами VII—IX вв. с более ранними славянскими поселениями эпохи «полей погребений» и, следовательно, принадлежат не уличам, а коренному славянскому населению Поднестровья — тиверцам. Само племенное название — тиверцы — следует, повидимому, связывать с древним названием Днестра — Тирас, с тирагетами.

Мнения Барсова, Середонина и других специалистов по исторической географии о местоположении тиверцев и уличей оставались лишь догадками в силу полной археологической неисследованности района. В результате работ Славяно-днестровской экспедиции 1950 г. можно считать установленным, что тиверцы занимали обширную территорию по правобережью Днестра.

Летописные сведения о тиверцах и вообще о славянах Приднестровья скудны и отрывочны. Тем большее значение имеет изучение памятников материальной культуры.

Из 22 открытых экспедицией древнерусских селищ восемь расположено в пойме Днестра, остальные на его притоках, в том числе три в пойме Реута и 11 на мелких безымянных ручьях.

От селищ «полей погребений» древнерусские отличаются большими размерами (до 3—4 гектаров), часто более близким размещением вокруг городищ, которые как бы господствуют над ними. Например, в радиусе 5 км от городища Алчедар расположено девять селищ. Древнерусские селища расположены, как правило, на более возвышенном над уровнем реки или дна оврага месте (от 3 до 10 м), чем селища «полей погребений» (3—4 м).

На 13 селищах древнерусский слой подстилается предматериковой прослойкой, содержащей скифскую керамику (семь селищ в районе Пояны-Ля Сокола, Требужены, Солитра, Олонешты, Славянка, Слободзея, Пояна Городка II), и на восьми селищах поверх слоя с фрагментами древнерусской посуды имеется слой со средневековой молдавской поливной полихромной керамикой (семь селищ в районе Пояны-Ля Сокола и Олонешты).

Мощность культурного слоя на древнерусских селищах достигает 50—60 см, причем часто слой бывает сильно нарушен распашкой. В нем обнаружены зола, уголь, керамика, остатки керамического производства — керамический брак (Пояны-Ла Сокола) и металлургического — железный шлак, руда, сыродутный горн, тигель (Требужены), кости домашних животных, жернова, печина, большие глиняные сковороды и т. д.

На юге Молдавии в нижнем течении Днестра древнерусская керамика имеет очень архаическую форму, грубое тесто, плохой обжиг и датируется, видимо, не позднее IX — начала X вв. (Раскоецы). В центральной и северной частях Молдавии встречается древнерусская керамика ранних и более поздних форм, наиболее поздние из которых датируются XI — началом XII вв.

Наиболее развитые формы древнерусская керамика имеет в междуречье Днестра и Реута, где экспедицией обнаружены все шесть открытых пока древнерусских городищ. Древнерусская керамика селищ, находящихся вблизи городищ, в точности соответствует городищенской (например, Алчедар и Екимауцы). На степном юге Молдавии, в приморском районе, славянские поселения, видимо, существовали лишь до IX, может быть, до начала X в., а центром, или во всяком случае одним из центров древнерусской культуры в Молдавии, был лесостепной район междуречья Днестра и Реута.

Обычно древнерусские селища вытянуты вдоль реки или ручья. Ниже, как правило, находятся заливные луга, выше — пашня, а еще выше — лес. Территория селища ограничивалась двумя оврагами, балками или занимала мыс при слиянии двух рек. В районе селищ обычно имеется несколько родников или ключей.

Местоположение селищ и содержание культурного слоя позволяют говорить о том, что занятием жителей было земледелие, скотоводство, гончарное и частично железоделательное ремесло.

Все шесть древнерусских городищ, на которых вела работу экспедиция, а именно Пояна Городка, Алчедар, Екимауцы, Царевка, Лукашевка и Машкауцы относятся к тому же времени, что и древнерусские селища.

На двух древнерусских городищах (Алчедар и Екимауцы) в 1946 г. впервые побывал научный сотрудник Института истории, языка и литературы Молдавского филиала АН СССР Г. Д. Смирнов. В том же году старший научный сотрудник Института археологии АН УССР И. М. Самойловский заложил шурф, размером 3×4 м, в юго-восточной части вала Екимауцкого городища, где на глубине 0,75—0,93 м обнаружил отдельные конские и человеческие кости, фрагменты древнерусской керамики и перекрестие сабли. Этот комплекс И. М. Самойловский определил как ритуальное захоронение с конем. Однако шурф остался недообследованным.

В 1947 г. научные сотрудники ИИМК АН СССР П. И. Засурцев и Р. Л. Розенфельдт собрали подъемный материал с Алчедарского и Екимауцкого городищ и на последнем в южной его части заложили шурф, площадью 2×2 м, в котором была обнаружена древнерусская керамика. Такая же керамика найдена и в шурфах на древнерусском селище, расположенном на склоне лощины, противоположной городищу. Оба городища П. И. Засурцев датировал XI—XII вв.

Остальные четыре древнерусских городища впервые открыты Славяно-Днестровской экспедицией. Кроме того, на ряде скифских городищ найдены фрагменты древнерусской керамики. Однако они встречены в незначительном количестве, почему мы не решаемся отнести эти городища к древнерусским. Возможно, что это были скифские укрепленные поселения, которые позже более или менее длительное время были заселены славянами (например, городище у с. Городишти).

Все древнерусские городища, обследованные нами, находятся в средней лесостепной части Молдавии на мелких и мельчайших притоках Днестра.

Городище Машкауцы расположено на мысу высокого коренного берега Реута. Форма и положение остальных пяти древнерусских городищ, видимо, наиболее типичны для Молдавии. Они расположены на склонах пологих лощин, возле многочисленных ключей и родников, недалеко от леса. Городища овальной формы; размер их от 50×60 м (Царевка) до 200×180 м (Пояна Городка); на плато их находится обычно небольшой водоем, питаемый ключами. Толщина культурного слоя колеблется на разных городищах и в разных частях их от 40 до 180 см. Как правило, городища основывались на местах прежних трипольских или скифских поселений. Небольшая прослойка, содержащая трипольскую или скифскую керамику, обычно подстилает основной древнерусский слой. Кроме того, трипольская

и скифская керамика содержится в насыпи валов. При оплывании и распахке керамика в небольшом количестве попадает на поверхность плато или в верхний аморфный слой. Городища окружены кольцевыми земляными валами, высотой от 1 до 3,5 м, и рвами, глубиной до 2,5 м при ширине 5—7 м. Валы обложены по внутренней стороне камнями (Екимауцы) или обожженной глиной (Екимауцы, Пояна Городка).

Бытование городищ, судя по содержанию культурного слоя, относится к IX— началу XII вв.

Данные разведки не позволяют расчленить древнерусский слой на хронологические прослойки. Видимо, наиболее древними являются городища Машкауцы (IX—X вв.), Екимауцы и Царевка (основной слой IX—X, начала XI вв.); несколько более поздними являются Алчедар, Пояна Городка и Лукашевка (X— начало XII вв.). Городище Машкауцы, судя по расположению (на мысу коренного берега Реута), укреплениям (полукруглый вал с напольной стороны) и мощному подстилающему скифскому слою, вероятно, было первоначально скифским укреплением. Возможно, что скифским было некогда и городище Пояна Городка, позже перестроенное славянами. Приведем в качестве примера городище Екимауцы.

Оно расположено в 2 км севернее села Екимауцы, справа, при грунтовой дороге из Екимауц в г. Резину, на правом, южном склоне широкой и пологой ложины (наклон на север — северо-восток), которая переходит ниже в большой овраг, выходящий в 6 км к Днестру. К югу от городища, за валом, расположено трипольское поселение, обследованное в 1947 г. Т. С. Пассек¹. Городище, вероятно возведенное на части этого поселения, имеет овальную форму, вытянуто с запада на восток; размер его 70 × 86 м (рис. 25). До недавнего времени вся территория распаивалась; ныне она задернована. Кольцевой вал, особенно хорошо сохранившийся с юго-западной стороны, с северо-восточной сильно разрушен распахкой и подмыт ручьем, стекающим по склону из небольшого овального водоема, расположенного на плато. В настоящее время высота вала достигает 1,5 м, ширина у основания 6,7 м. Ров, опоясывающий вал, сильно заплыл, и ныне глубина его колеблется от 50 до 100 см при ширине 4—5 м. На том же склоне, где расположено городище, выше его, за валом, сделаны находки древнерусской керамики, а на противоположном северном склоне расположено древнерусское селище. В 2 км к северу находится другое древнерусское городище — Царевка.

На городище заложено два шурфа: шурф № 1, размером 4 × 4 м, в нижней северной части рядом с водоемом, в 10 м от его восточного берега; шурф № 2, площадью 4,5 × 6 м, у подножья вала в западной части городища. Наибольшей мощности (до 1,6 м) культурный слой достигает в северной низменной части городища, причем под древнерусским культурным слоем, мощностью от 0,4 до 1,5 м, имеется прослойка толщиной 5—10 см, содержащая трипольскую керамику. Древнерусский слой на городище насыщен углем, золой, керамикой, костями животных, металлическими, костяными и иными предметами. Часто встречаются необработанные известковые камни. Они же наряду с обожженной глиной видны в обнажениях вала.

В шурфе № 1 на глубине 20 см вместе с древнерусской керамикой с линейно-волнистым орнаментом найден серебряный диргем, четко определяющий нижний предел слоя (диргем Саманида Исмаила ибн Ахмеда,чеканенный в Самарканде в 291 г. хиджры, т. е. в 903—904 г. н. э.). Там же обнаружена круглая медная бляшка, возможно матрица, с изображением розетки на лицевой выпуклой стороне и гладкой оборотной стороной, железные черешковые листовидные и ромбовидные стрелы X—XI вв. Средняя

¹ Т. С. Пассек. Археологические разведки в Молдавии. КСИИМК, в. XXVI, 1949.

мощность культурного слоя в шурфе № 1—0,75 м. В шурфе № 2, в юго-западном и северо-восточном углах, культурный слой исчерпан на глубине 0,4—0,5 м, а с юго-востока на северо-запад углублялся, заполняя как бы полукруглую траншею, шириной от 2,5 до 4 м и глубиной до 1,5 м, идущую диагонально через весь шурф.

В первом пласте шурфа № 1 обнаружена преимущественно тонкостенная, хорошо профилированная и заглаженная керамика алчедарского типа, датируемая XI в. В последующих пластах характер керамики изменился: обжиг грубее, тесто несколько хуже отмучено, наряду с примесью шамота в нем попадает дресва. Керамика частично напоминает алчедарскую самого

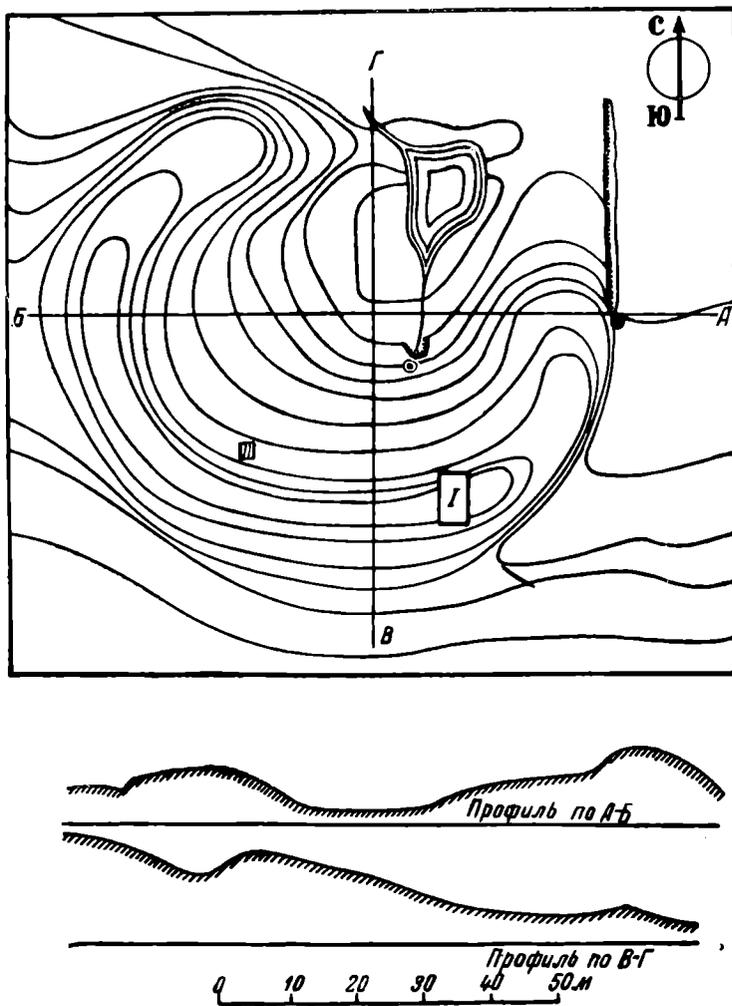

Рис. 25. План городища у с. Екимауцы

нижнего горизонта, но есть посуда более архаическая: толстостенная (до 1,3 см), довольно плохого обжига, коричневого, желтого и черного цвета, без поддонов. Помимо крупнозернистого песка в глине имеются минеральные золотистого цвета включения, придающие керамике, наряду с самыми разнообразными сочетаниями линейно-волнистого орнамента, нарядный вид, несмотря на некоторую грубость отделки. Блестящая поверхность сосудов напоминает керамику с Немировского городища на Украине. Венчики самой разнообразной формы от прямых, очень слабо выраженных до четко профилированных с различным углом отгиба и валиком снаружи. Иногда под венчиком по плечам или в верхней части тулова сосуды украшены широкой каймой точечного, вдавленного орнамента, а под ним — комбинацией линейно-волнистого, причем последний решительно преобладает.

Самые разнообразные сочетания прямых и волнистых линий, а иногда раздельно линейный или волнистый орнаменты покрывают плечи и верхнюю часть тулова сосуда или все тулово. На донышках имеются клейма в виде креста, круга, креста в круте и т. п.

Интересно, что на ряде сосудов из нижних пластов имеется орнамент, в точности совпадающий с орнаментацией сосудов переходных форм от керамики «полей погребений» (VII—VIII вв.) из селища Сакаровка. Форма весьма разнообразна. Профили у всех сосудов нижнего слоя очень простые, с отличительной чертой — мягкий, плавный переход от венчика к тулову. Наибольшая ширина приходится на часть сосуда, которая немногим выше середины тулова, в то время как у древнерусской керамики XII—XIII вв. наибольший диаметр в самой верхней части тулова под плечиками; кроме того, древнерусская керамика XII—XIII вв. никогда не имеет характерного для днестровской золотистого блеска.

Вероятно, основной слой Екимавцкого городища относится к IX—X вв. и лишь верхний — к XI в. В основном слое, на глубине 0,4—1,5 м, найдены, помимо керамики, кусок печины с отпечатком ткани, еще один диргем, представляющий собой подражание диргему Исмаила ибн Ахмеда 279—295 гг. хиджры (892—907 гг. н. э.), грубое подражание серебряному диргему, железные черешковые стрелы IX—X вв., напоминающие гнездовские, ножи, два бронзовых перстня с вставными стеклами, закрепленными в гнездах (глубина 5,5 мм) закраинами в виде розетки, обломки жерновов, два гладких височных кольца из серебряной проволоки с несомкнутыми концами, серьга с пятью напускными бусинами с зернью, из которых одна представляет собой подвеску, а четыре остальных жестко сидят на стержне кольца. Серьга имеет некоторое сходство с серьгой, обнаруженной Е. Н. Мельник при раскопке курганов на землях лучан на притоке Горыни р. Стубле, с серьгами IX—X вв., найденными Антоновичем при раскопке древлянских курганов Волинского Полесья, а также с блучинскими чешскими серьгами IX—X вв.¹ Екимавцкая керамика также похожа на чешскую IX—XI вв.

Кроме описанных предметов, встречены различные костяные проколки, глиняные пряслица, костяное яйцо, величиной с куриное, две серебряные бляшки — подвески для ожерелья со звездчатым орнаментом, сделанным великолепной зернью (глубина залегания 1,36 и 1,22 м). Эти бляшки очень напоминают найденные в гнездовском кладе 1868 г., датируемые IX—X вв. Кроме того, в культурном слое городища обнаружены железные предметы — ножи, крюк, дужка от ведра и др.; круглые стеклянные бусы прозрачного и синего стекла; сердоликовые бусы, шести- и четырнадцатигранные; медные пластинка и проволока. На глубине 1,10—1,20 м по всей площади шурфа, в слое суглинка с вкраплениями угля и золы, найдены обломки жерновов и печины, а также зерна ржи, пшеницы, гороха, проса, ячменя. Здесь же найдена одна из описанных зерновых подвесок и гладкое серебряное височное кольцо. На глубине 1,5—1,6 м суглинок переходит в материковую глину и лишь в северо-западном углу шурфа отмечена овальная яма, диаметром 1,2 м, глубиной 0,4—0,5 м, наполненная углем, слоем, керамикой, зернами пшеницы, ячменя, проса, гороха, ржи, семенами сорняков и обломками жерновов.

А. В. Кирьянов, исследовавший зерна Екимавцкого городища, пришел к выводу, что основную роль в сельском хозяйстве тиверцев играла рожь, мягкие сорта пшеницы, просо, горох и ячмень. На основании анализа

¹ Наибольшее сходство екимавцкая серьга имеет с серьгами из Киева, опубликованными недавно Л. А. Голубевой (МИА, № 11, 1949, Киевский некрополь, стр. 107, 108, 110) и датируемыми IX—X вв. Для Киева они не характерны, а находка в слое Екимавцкого городища позволяет отнести их именно к тиверцам. Такие же серьги имеются в Копаяевском кладе X—начала XI в. из Винницкой области.

зерна и семян сорняков А. В. Кирьянов установил, что землеобрабатывающие орудия тиверцев имели железные рабочие части, а система земледелия была переложной с краткосрочными перелогамн сначала проса или пшеницы, затем ячменя или гороха. Земледелие было плужным, и пахота производилась тяжелыми плугами.

В. И. Цалкин, исследовавший кости, найденные на Екиманском городище, отметил, что все они принадлежат домашним животным; из них 62% составляют кости лошади, 20% — коровы, 14% — свиньи и 3% — мелкого рогатого скота. Бросается в глаза необычайно высокий для славянского городища процент лошадиных костей, принадлежащих не низкорослым степным, а крупным породистым лошадям. Повидимому, тиверцы в IX—XII вв. широко использовали высокопородистых лошадей.

В целом следует отметить, что Екиманское тиверское городище IX—XII вв. — один из интереснейших памятников материальной культуры славян Поднестровья и оно должно быть возможно полнее исследовано.

Из находок на Алчедарском городище, расположенном в 8—10 км от Екиманца, особо отметим три шиферные овручские пряслица, указывающие на связь с Киевской землей. На связь с древнерусскими ремесленными центрами указывает также наличие поделок (зерненные подвески и сердоликовые бусы), похожих на изделия других древнерусских ремесленников, наряду со своеобразными чисто тиверскими формами некоторых украшений.

Насыщенность культурного слоя указывает на интенсивность жизни на городищах; высокое качество ювелирных и других ремесленных изделий свидетельствует о развитой материальной культуре. На городищах существовали ювелирное, оружейное, меднолитейное, гончарное, косторезное, керамическое, железоделательное и другие ремесла, что свидетельствует о довольно широкой их дифференциации, возможной лишь при классовом обществе. Это подтверждается и мощными укреплениями городищ и наличием вокруг тяготеющих к ним селищ. Однако относительно небольшие размеры городищ доказывают, что они принадлежали к довольно ранней ступени градостроительства и были главным образом военно-административными и ремесленными центрами. Значительно было развито у тиверцев и земледелие, что нашло свое отражение в использовании тяжелых плугов, большом количестве возделываемых культур, системе земледелия. Широко развитое скотоводство характеризуется наличием высокопородистых лошадей.

При изучении культурного слоя славянских поселений лесостепного района междуречья Днестра и Реута можно проследить непрерывную эволюцию материальной культуры от первых веков н. э. до начала XII в. Таким образом, может быть отброшена совершенно неверная, но довольно распространенная версия, что славяне в Поднестровье неизвестно откуда появились, а затем быстро и бесследно исчезли в IX—X вв. Устойчивая и развитая материальная культура славян Поднестровья, исследованная экспедицией, опровергает это мнение фактическим материалом; опровергается и другая, также неверная точка зрения, высказанная, пожалуй, наиболее ярко еще Ю. В. Готье: «Исчезновение улнчей и тиверцев как самостоятельных племен обычно ставят в связь с нашествием угров и печенегов и нет основания сомневаться в такой связи»¹.

Можно считать установленным, что по крайней мере до XI—начала XII вв. территория Молдавии была заселена русским населением, имевшим многочисленные села и ряд укрепленных городов. Дальнейшие судьбы древнерусского населения в Молдавии ни по археологическим, ни по письменным источникам неизвестны.

¹ Ю. В. Готье. Железный век Восточной Европы. М.—Л., 1930, стр. 224.

Можно только предполагать, что в результате распада Киевского государства и последующего нашествия татаро-монголов древнерусское население Поднестровья — юго-западный форпост восточного славянства — оказалось оторванным от основного ядра русских земель и впоследствии вошло в состав молдавского народа. Это исконное, древнерусское население Молдавии не исчезло бесследно. Оно оставило в истории края неизгладимый след, сыграло большую роль в формировании самого молдавского народа, в развитии его языка, культуры и государственности. Еще до XVI в. языком молдавских летописей, грамот и договоров, государственным языком Молдавии был русский язык. Извлечение из молдавских летописей вошло в Воскресенскую летопись, дошедшую до нас в списке XVI в. под названием «Сказание вкратце о Молдавских государях, отколе начася Молдавская земля»¹.

В современном молдавском языке, как доказано лингвистами, около 40% слов славянского происхождения, в том числе все слова, относящиеся к земледелию. Славянскими являются и издревле известные названия ряда населенных пунктов Молдавии, как, например, Славянка, Черепкеу, Городишти, Белгород и другие. Ряд древнерусских городов на территории Молдавии по Днестру и другим рекам упоминается в «Книге Большому чертежу», составленной около 1627 г., и в «Списке русских городов», помещенном в I Новгородской, Воскресенской и ряде других летописей. Интересно, что этот список русских городов, дошедший до нас в записи XV в., переключается с молдавской летописью Симеона Даскола, составленной в XVII в., но опирающейся во вводной части на более ранние источники XV в. Напомним, что среди указанного списка русских городов упомянут и город Сочава, теперешний Сучава, в верховьях Сучавы, правого притока Серета.

В вводной части летописи Даскол, описывая, как первый объединитель и господарь Молдавии Драгош вместе со своими охотниками в 1352 г. попал в Молдавию, сообщает следующее: «После того, как охотники убили тура, на обратной дороге они увидели прекрасные места. Идя потом в сторону, они подошли к месту, где сейчас находится Сучава. Там они вдруг почувствовали запах дыма, [шедший] со стороны воды и темного леса. Они спустились на запах к месту, где сейчас монастырь Ецкань. Там, на этом же месте, они нашли пасеку и старого сторожа, оберегавшего ульи. Родом он был русский и звали его Ецко. Охотникам, задавшим ему вопрос, кем является он и из которой он стороны, он ответил, что он русский, из Польши (напомним, что Радим и Вятко — легендарные главы радимичей и вятичей по летописной легенде назывались ляхами.— Г. Ф.). Они расспросили также и о местности и о том, какому хозяину местность подчинена. Ецко ответил, что местность является пустошью, что здесь властвуют звери и птицы, что место это простирается в долину до Дуная, а кверху — к Днестру, что граничит оно с Польшей и что местность имеет прекрасные природные богатства. Прослушав его рассказ, охотники устремились к Марамурешу и привели [часть] своих людей сюда, а других уговорили [на это]. Остановились они вначале у подножья гор, а затем распространились по долине вниз. Когда Ецко-пасечник разобрался в происходящем расселении марамурешцев, он сразу ушел в Польшу, привел множество русских и посадил их на реке Сучаве и Серете в сторону Ботошана [город в верховьях междуречья Прута и Серета.— Г. Ф.]. Таким образом, румыны [молдаване.— Г. Ф.] распространялись внизу [в южной части Молдавии.— Г. Ф.], а русские вверху»².

¹ ПСРЛ, VII, стр. 256—259.

² Letoriseţue Tarii Moldovei până la Atan Vodă întocnit de Grigorie. Ureche vortrecul si Simieon Dascalin. Edite comentata de ce Giurescu, ed. III, Craiova, стр. 10—11.

Интересно, что и русская и молдавская летописи называют Сучаву русским городом, да и весь рассказ молдавской летописи в высшей степени интересен. В этом рассказе об образовании молдавского государства местным аборигеном называется русский пасечник.

Таким образом, как археологические, так и письменные источники указывают на тесные и древние дружеские связи русского народа с молдавским и румынским народами.

Блестящее подтверждение в памятниках материальной культуры получили недавно указания русских летописей о существовании древних русских городов в Попрутье и Подунавье. В центральной правительственной газете Румынской Народной Демократической Республики «Романия либера» (№ 2010, 12 марта 1951 г.) опубликован правительственный указ о награждении государственной премией второй степени коллектива археологов за открытие славянского городища в области Галатц, в местечке Гарвен, и за раскопки части этого городища.

Таким образом, назревший вопрос об исследовании памятников материальной культуры славян на Днестре, Пруте и Дунае благодаря усилиям советских и румынских археологов стал на путь практического разрешения.

Д. А. АВДУСИН

ГНЕЗДОВСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ

Среди громадной курганной группы, расположенной в районе деревни Гнездово близ Смоленска, три кургана были особенно велики. Один из них раскопан В. И. Сизовым в 1885 г. Материал этих раскопок широко известен. Два другие, в Центральной и Ольшанской группах, были сильно повреждены и требовали немедленных раскопок.

Главной задачей работ 1950 г. и являлись раскопки этих курганов и некоторых других разрушающихся могильных насыпей. Второй, также очень важной задачей была топографическая съемка Гнездовской курганной группы, так как все изданные планы страдают схематизмом, число насыпей на них указано неточно.

Начатые в 1949 г. раскопки лесной группы курганов¹ требовали продолжения для более или менее полного выяснения характера этой части гнездовского курганного поля. Помимо раскопок больших курганов в Центральной и Ольшанской группах, для выяснения характера и специфики курганных групп в целом нужно было раскопать хотя бы несколько насыпей около больших курганов.

Таковы задачи, стоявшие в 1950 г. перед Гнездовской объединенной археологической экспедицией Смоленского областного краеведческого музея и Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова².

Гнездовское курганное поле делится на три основные группы, включающие почти все курганы, расположенные в районе деревни Гнездово. Наиболее крупная находится на левом берегу ручья Свинца в западной части Красноборского леса и названа В. И. Сизовым Лесной. В нее входит более половины гнездовских курганов (1659).

В 1950 г. в лесу было исследовано 33 кургана высотой 0,27—2,25 м при диаметре 5—15,5 м. Насыпи состояли из желтого сыпучего песка, который лишь в редких случаях имел сильную примесь гальки. В 13 курганах были трупосожжения, произведенные на месте сооружения насыпи; 10 содержали трупосожжения, произведенные на стороне; в трех курганах место, где совершалось трупосожжение, определить не было возможности из-за сильной разрушенности насыпи; семь курганов погребений не содержали

¹ Д. А. Авдусин. Раскопки в Гнездове. КСИИМК, вып. XXXVIII, 1951.

² Начальник экспедиции Д. А. Авдусин; научные сотрудники: М. Н. Кислов, А. Е. Минкин, Е. А. Шмидт, А. А. Ходченков, В. И. Кирилюк, Н. П. Шахрай, Г. А. Авдусина; студенты МГУ.

и были, видимо, мемориальными (кенотафами). Преобладающей разновидностью погребения было трупосожжение на горизонте, лишь в двух курганах остатки костра находились на подсыпке, причем один из них — кенотаф. В большинстве курганов Лесной группы жженные кости встречались непосредственно в кострище и лишь в 11 насыпях они были заключены в урны, как правило, стоявшие на кострище. В нескольких курганах под кострищем отмечены ямы, глубиной от 0,2 до 0,8 м, причем в двух найдены вещи.

На правом берегу ручья Свинца находится Центральная группа курганов. В основном она расположена на всхолмлении, идущем от Днепра на север через деревню Гнездово. Несомненно, что в древности она подходила к самому ручью Свинцу, так же как и Лесная, следовательно, эти две группы некогда сливались в одну.

Высшую точку упомянутого всхолмления занимал большой Центральный курган¹, на котором когда-то было кладбище и часовня, помешавшие раскопкам В. И. Сизова. Всего в Центральной группе 769 насыпей. Курганы свободны от деревьев. Насыпаны они из гравия с песком или из желтого песка.

Большой центральный курган около 5 м высоты при диаметре до 36 м. Верхние слои его насыпи заключали в себе свыше 30 поздних погребений. В кургане было 2 кострища. Оба, судя по характеру инвентаря, одновременны. Один костер был сожжен на уровне древней поверхности, другой — на подсыпке. Жар сильно прокалил почву под кострищами. Часть обоих кострищ срезана осыпью северной полой кургана, поэтому возможность залегания двух кострищ установлена по резкому различию глубины выходов угля еще при обследовании насыпи в 1949 г. Местными школьниками в одном из выходов, видимо верхнего кострища, найден арабский дирхем прекрасной сохранности. Жженные кости встречены в обоих кострищах. В обоих же было найдено по две маленьких урны. Под нижним была яма, в которой найден меч.

Из остальных пяти раскопанных курганов Центральной группы — два расположены в ее северной части, а три стояли у подножья большого. Эти 5 курганов имели высоту 0,9—1,75 м при диаметре 10—17 м. Четыре из них содержали трупосожжения, произведенные на месте сооружения насыпи, пятый был, видимо, мемориальный. Судя по вещам, в двух были похоронены женщины, два другие содержали парные захоронения. В трех курганах отмечены следы ям. Видимо, их пробовали раскапывать колодцем.

На расстоянии около 2 км вниз по Днепру от места впадения в него ручья Свинца, у устья р. Ольши расположена Ольшанская группа. В ее южной части находился огромный курган, около которого группировалось еще 142 кургана. Вся группа поросла кустарником. Насыпи состояли из глины.

Большой Ольшанский курган², высотой 6,7 м при диаметре до 37 м, в свое время привлек внимание В. И. Сизова, который пробовал его раскапывать подбоем, но бросил, так как, по мнению исследователя, он содержал не одно, а несколько трупосожжений, т. е. был сопковидным и для него неинтересным. Эта сопковидность в наши дни придала кургану особый интерес, так как ни в Гнездове, ни вообще в окрестностях Смоленска «сопки» не найдены.

При работах в насыпи отмечены следы сизовского подбоя, а в центре — следы узкой ямы, доходившей до кострища и относившейся, видимо, еще к дореволюционным раскопкам, не зарегистрированным в археологи-

¹ В полевых дневниках он назван Центральным курганом № 2.

² В дневниках он назван Ольшанским курганом № 1.

ческой литературе¹. В кургане было два кострища. Одно находилось на подсыпке и содержало остатки богатого инвентаря, почти уничтоженного сильным жаром погребального костра; насыпь под костром была обожжена и тверда, как кирпич. Второе кострище лежало на горизонте и представляло собой результат сожжения травы и тонких прутьев преимущественно хвойных деревьев. Оно образовалось, видимо, вследствие выжигания растительности на площадке, предназначенной для сооружения кургана.

Кроме большого, в Ольшанской группе раскопано еще три кургана, высотой 1,05—1,45 м, диаметром 10—14 м. Один из них содержал на горизонте трупосожжение мужчины, второй имел мемориальный характер; третий погребения не содержал и являлся насыпью неизвестного назначения, возведенной над довольно мощным кострищем, под которым находилась яма с золой и углем и попадались черные лощеные черепки XVI—XVII вв. Территория, окружавшая курган, а частично и та, на которой он был сооружен, покрыта кирпичной крошкой, залегавшей под дерном. Здесь встречались и целые кирпичи (размером 30 × 15 × 7,5 см), причем на одном из них, лежавшем под курганом, найдена польская монета 1549 г.

Наличие двух кострищ в каждом из раскопанных больших курганов навело на мысль о возможности второго кострища в кургане, раскопанном в 1885 г. В. И. Сизовым. При обследовании остатков стен землянок, врезаемых в этот курган, на горизонте отмечена зольная полоса, которая может оказаться кострищем.

Раскопки дали много вещей.

Орудия труда представлены напильником с однорядной насечкой, пробойником, двумя маленькими клиньями (зубила?) и половинкой пружинных ножниц. Подобные предметы довольно часты в инвентаре дружинных курганов, в том числе и гнездовских. В Лесной и Ольшанской группах найдены одинаковые костяные проколки, толстые концы их украшены стилизованными оскаленными мордами животных (драконов?); два пряслица из сланца, одно глиняное битрапецеидное и несколько швейных иголок.

Обнаружено медное складное коромысло весов и 11 весовых гирек бочковидной формы и четырнадцатигранных.

В большом Центральном кургане найден меч с сильно проржавевшим лезвием, согнутым, видимо, до того, как меч попал в курган. Умышленная порча при погребении воина его оружия, особенно меча, неоднократно отмечена в литературе. Рукоять меча сохранилась прекрасно, она украшена узором (рис. 26—1). Лезвие было до 5,5 см шириной, имело дол и слегка закругленный конец. Длина лезвия 75 см, общая длина меча 92 см. У рукояти прямое перекрестие, а набалдашник состоит из прямой части, на которой укреплен трехчастная головка. По типологическим признакам меч датируется X в. Остатков ножен не обнаружено. В другом же кургане, где не было меча, встречен наконечник ножен обычного типа.

Все три топора, найденные в 1950 г., несомненно боевые. О боевом назначении свидетельствует молотовидный обух одного из них и клевец другого. Топоры малы и легки и не могли быть рабочими. Два топора (рис. 27—1, 3) южного типа, частого в Салтове. Среди немногочисленных топоров, ранее найденных в Гнездове, только один подобного типа². Третий топор типично русский, с выкружкой под широким лезвием (рис. 27—2). В передней части лезвия отверстие.

Наконечников стрел найдено 16, все они железные. Восемь имеют господствовавшую на Руси ромбовидную форму, типичную для Гнездова (рис. 27—4), но один ромбовидный наконечник с несколько необычным

¹ По словам одного местного жителя, этот колодец образовался в результате раскопок Клетновой и Тенишевой.

² В. И. Сизов. Гнездовский могильник. МАР, 28, СПб., 1902, рис. 25.

1

0 1 2 3 4 см

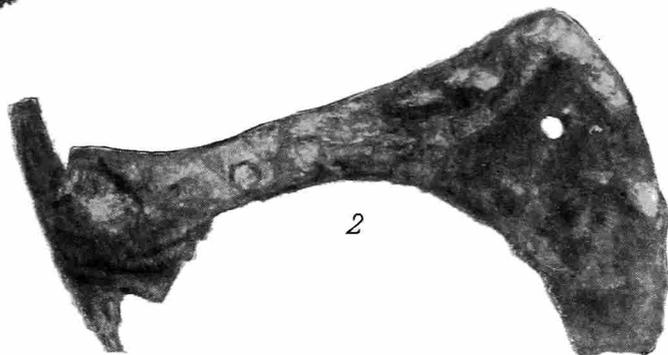
2

0 1 2 3 4 см

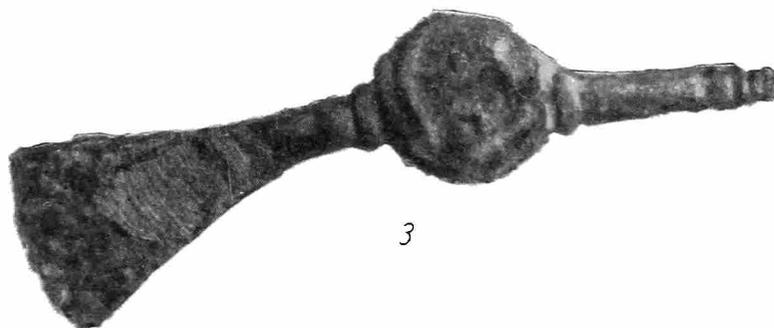
Рис. 26. Вещи из Гнездовских курганов:
1 — рукоять меча; 2 — скоба для подвешивания меча

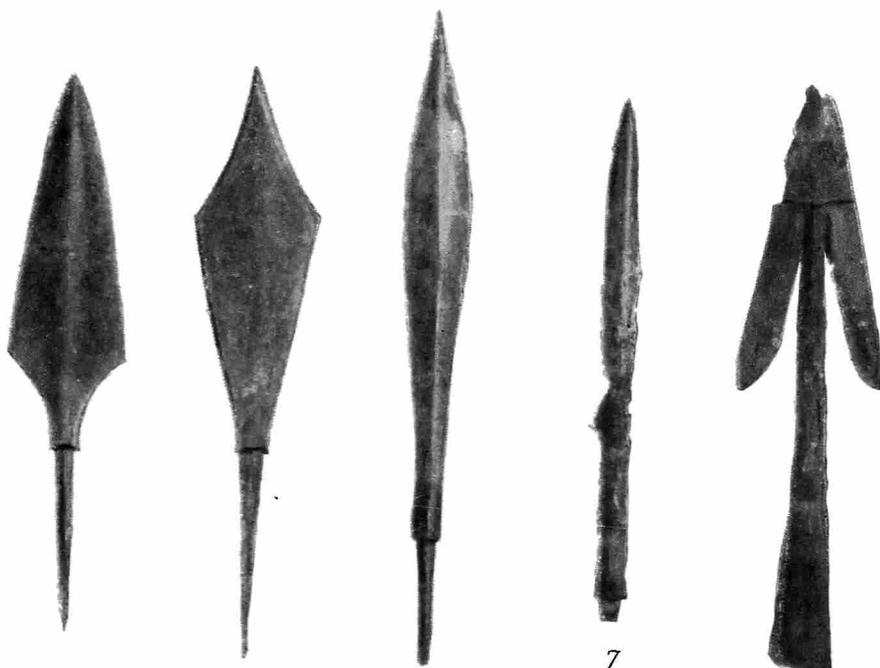
1

2

3

4

5

6

7

8

Рис. 27. Вещи из Гнездовских курганов:
1—3 — топоры; 4—8 — наконечники стрел

срезом передней части, приближается к сибирским типам (рис. 27—5). Три наконечника — пирамидальные трехгранные (рис. 27—7), один из них с ясно видными желобками по граням. Его верхняя часть напоминает скифские стрелы, но отличается материалом и черешком. Другой наконечник принадлежит к довольно частому в Гнездове типу: он пирамидальный, четырехгранный. Трехгранные и четырехгранные наконечники имеют длинный стержень, заканчивающийся черешком. Они считаются «бронбойными», так как подобная стрела легче могла проникнуть сквозь колечки кольчуги. Ланцетовидных наконечников только три (рис. 27—6), и все они найдены в одном кургане, где, кроме них, других находок не было. Последний наконечник с двумя шипами втульчатый (рис. 27—8), в отличие от предыдущих черешковых. Вопрос о назначении подобных стрел до сих пор не разрешен: одни считают их боевыми, другие — охотничьими.

В одном из курганов найден обрывок кольчужного плетения, состоящего из тонких колечек, сделанных из железной проволоки. Весьма малое сечение проволоки вряд ли допускает истолкование этого обрывка как части кольчуги, хотя характер плетения типично кольчужный: в каждое кольцо вставлено четыре соседних. Кроме того, необходимо отметить, что эта находка сделана в кургане, где инвентарь типично женский.

В кургане № 47 Лесной группы¹ найдена скоба в виде изогнувшегося дракона, голова которого изображена на одном конце скобы. У дракона круглые уши, осклаенная пасть, небольшие выпуклые глаза. Дракона как бы заглатывает другой, совершенно такой же, голова которого изображена у трапециевидного окончания скобы. На этом трапециевидном окончании рельефно изображен третий дракон, крылатый; его голова обращена в сторону, противоположную той, в которую обращены головы первых двух. Изображение третьего дракона окаймлено горошчатым орнаментом по краям трапеции. На оборотной стороне трапециевидного окончания находится пластинка, служившая для прикрепления к скобе ремня. Подобная скоба, но железная и со змеиной головкой, издана В. И. Сизовым², причем автор считает, что она употреблялась для ношения меча.

Среди вещей, найденных в 1950 г., многочисленны украшения, мужские и женские.

В уже упоминавшемся кургане № 47 Лесной группы найдена железная привеска в виде меча, длиной около 3 см (рис. 28—3). Перекрестие у рукояти прямое, набалдашник треугольный с круглым отверстием, куда вставлено серебряное ушко. Имеет ли это изображение вотивный характер, решить трудно.

Весьма интересен набор серебряных пластинок, найденных в том же кургане. Одна из них имеет ступенчатую форму с Т-образным вырезом посередине (рис. 29—2). Другая — ромбовидная с зубчатыми краями (рис. 29—1). По длинной оси пластинка продолжена в одну сторону узкой полоской. По краю — заклепки, раздваивающиеся на обороте. Очень близкая аналогия первой пластинке найдена в большом Гнездовском кургане, раскопанном В. И. Сизовым в 1885 г.³, который считал изданную им пластинку оковкой женского головного венчика; Б. А. Рыбаков находит ее оковкой турьего рога⁴. Последнее мнение вероятнее, так как вторая наша пластинка по своему характеру весьма напоминает бляхи на турьих рогах из Черной могилы⁵.

Необходимо отметить золотую плетенку, найденную в большом Ольшанском кургане (рис. 28—5). Она сплетена из очень тонкой, круглой

¹ Нумерация курганов, раскопанных в 1949 и 1950 гг., для Лесной группы общая.

² В. И. Сизов. Указ. соч., стр. 56, табл. VII, рис. 3.

³ Там же, табл. IV, рис. 5.

⁴ Б. А. Рыбаков. Древности Чернигова. МИА, 11, 1949, стр. 46.

⁵ Там же, рис. 18.

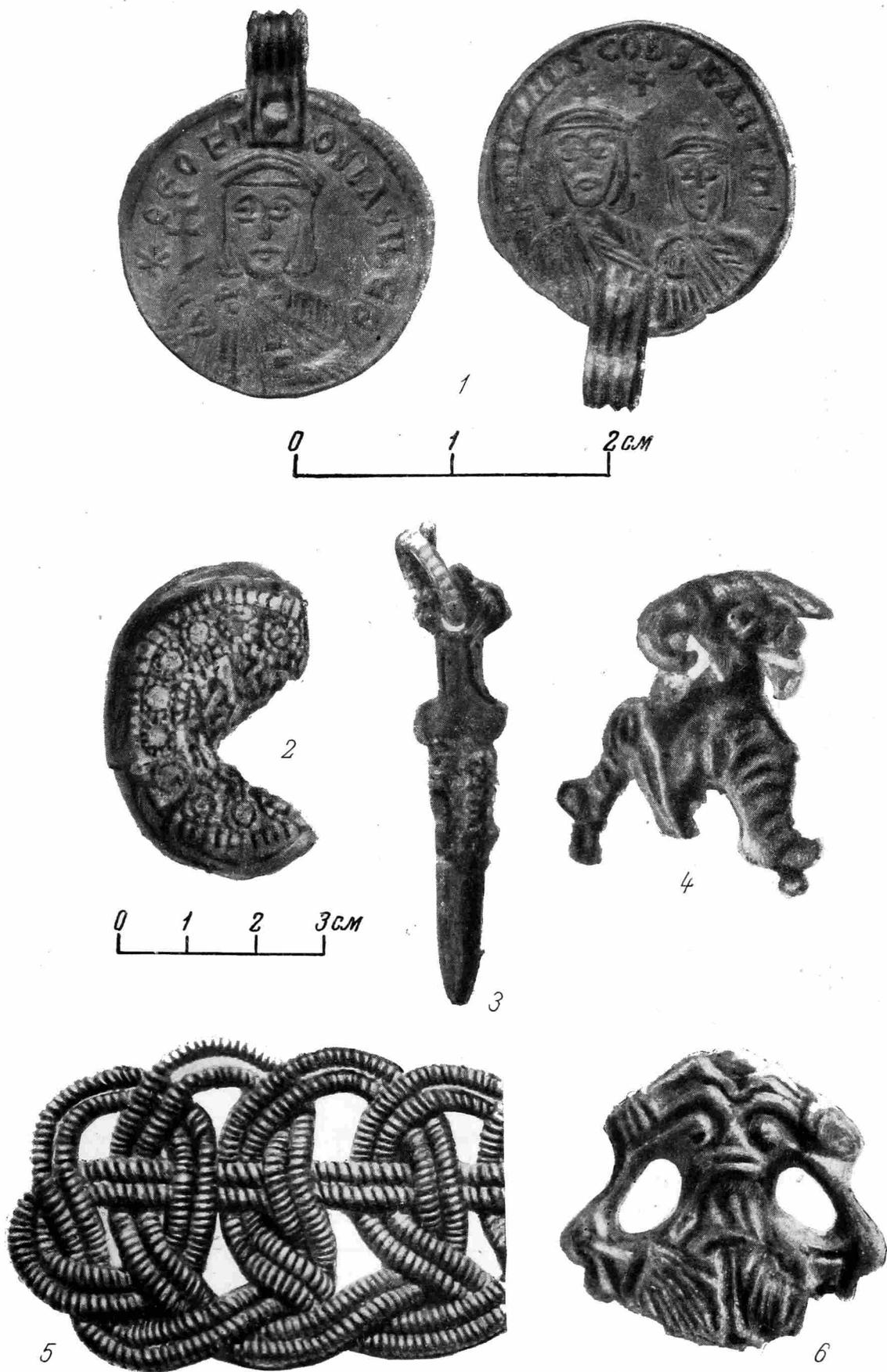

Рис. 28. Вещи из Гнездовских курганов:

1 — золотая византийская монета императора Феофила (829—842); 2 — костяная поделка; 3 — железная привеска в виде меча; 4 — медная фигурка козла; 5 — золотая плетевка; 6 — медная бляшка

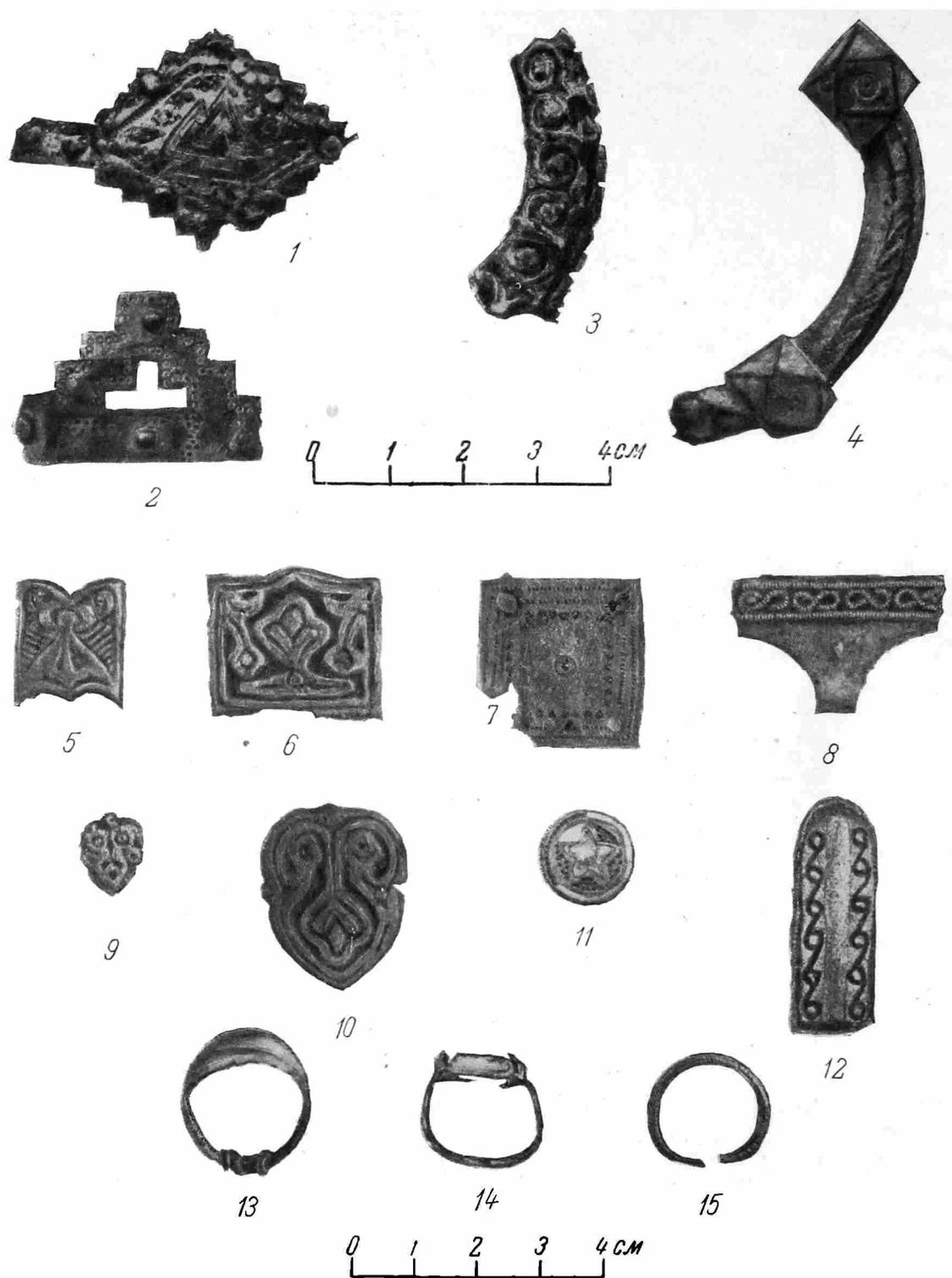

Рис. 29. Вещи из Гнездовских курганов:

1, 2 — серебряные оковки; 3 — обломок серебряного предмета; 4 — обломок медной фибулы; 5—12 — бляшки и наконечник пояса; 13—15 — перстни

в сечении золотой нити, свитой спиралью и сложенной вдвое. Плетение похоже на ряд как бы вставленных друг в друга колец, подобно тому, как вяжется двойной морской узел. В этом же кургане найдено много золотых ниток. В большом Центральном кургане также найдена золотая плетенка, но способ плетения иной — спиральный. В том же кургане найдены и золотые нити. Сизовым издан третий вариант золотого плетения из раскопок Сергеева¹. Это плетение Сизов считает украшением петлиц, но его толкование, видимо, нужно расширить. Подобные золотые плетенки, вероятно, кусочки золотого шитья одежды погребенных.

В кургане № 47 найдена привеска, сделанная из золотой византийской монеты (рис. 28 — 1). На одной стороне монеты погрудное изображение императора Феофила (829—842 гг.), с другой — отца Феофила Михаила и сына Феофила Константина. Ушко привески также золотое. Византийские монеты в Гнездове сравнительно редки, их известно, кроме этой, всего три.

Весьма интересна находка в одном из курганов Центральной группы, расположенном рядом с большим курганом, шипа от фибулы в виде фигурки козла (рис. 28 — 4). На ногах козла маленькие заклепочки для прикрепления фигурки к фибуле или кольцу, подобному изданному В. И. Сизовым². Роль барана или козла в погребальном обряде славян отмечена Б. А. Рыбаковым³. Интересно, что в Гнездове существует легенда, будто в одном из Гнездовских курганов зарыт золотой баран.

Нужно отметить и найденную в Центральном кургане маленькую бляшку, представляющую собой погрудное изображение плачущего человека, рвущего на себе длинные волосы (рис. 28 — 6). Бляшка, видимо, изображает плакальщика.

Впервые довольно широко представлены перстни, ранее встречавшиеся лишь в обломках. Один из перстней, найденных в 1950 г., медный, пластинчатый, с широкой серединой и завязанными концами (рис. 29 — 13). Аналогичный ему найден в Гнездове при раскопках Сергеева⁴; такие перстни вообще широко распространены. Два других перстня сделаны из узких прямоугольных биллоновых пластинок, орнаментированных насечками и согнутых в кольцо. Концы одного перстня спаяны, другого не замкнуть (рис. 29 — 15). Интересен четвертый перстень, сделанный из узкой медной пластинки, на концах ее имеются расширения, между которыми вставлен кусочек бесцветного стекла (рис. 29 — 14). Под стекло подложен кусочек, видимо, некогда цветной подкладки, обуглившейся в огне. Подобный издан Спицыным среди вещей из Владимирских курганов⁵.

Поясные бляшки представлены несколькими типами. Бляшки первого типа круглые с изображенной в центре пятиконечной звездой, между лучами которой находился ряд углублений, сделанных круглым пробойником. По ободку бляшки идет круг из таких же углублений. В. И. Сизов считал, что углубления сделаны для нанесения черни⁶, но у ряда бляшек, найденных в 1950 г., в углублениях сохранились остатки вбитого в них серебра (рис. 29 — 11).

Бляшки второго типа имеют в общем прямоугольную форму с одним треугольным вырезом с одной стороны и с двумя полукруглыми вырезами с противоположной. На бляшке изображена стилизованная пчела (рис. 29 — 5). Аналогичные, кроме Гнездова, известны во Владимирских и Приладожских курганах.

¹ В. И. Сизов. Указ. соч., рис. 63.

² Там же, рис. 27.

³ Б. А. Рыбаков. Указ. соч., стр. 41—42.

⁴ А. А. Спицын. Гнездовские курганы в раскопках С. И. Сергеева. ИАК, вып. 15, 1905, рис. 30.

⁵ А. А. Спицын. Владимирские курганы. ИАК, вып. 15, рис. 340.

⁶ В. И. Сизов. Указ. соч., стр. 44, табл. III, рис. 39—40.

Бляшки третьего типа прямоугольные; на одной из длинных сторон имеется небольшой треугольный выступ. Посередине и в двух верхних углах изображены пальметки (рис. 29 — 6).

Четвертый тип представлен бляшками, имеющими в общем сердцевидную форму; на одной из них схематически изображено человеческое лицо (рис. 29 — 9).

Бляшки пятого типа тоже сердцевидные; узор на них можно толковать как сильно стилизованное изображение человеческого лица, хотя возможно, что это просто растительный орнамент (рис. 29 — 10).

Все описанные выше бляшки литые, медные, имеют на обороте шпеньки для прикрепления к ремню. Такие же шпеньки имеет наконечник пояса прямоугольной формы с одной закругленной стороной (рис. 29 — 12).

Наконец, бляшки последнего типа отличаются от предыдущих способом прикрепления к ремню и характером орнамента. Это тонкие квадратные медные пластинки, на которых имеется ряд квадратов; контуры двух внешних нанесены пунктиром, стороны внутреннего — треугольным пунсоном с кружком посередине. В центре бляшки два концентрических кружка. По углам — круглые отверстия, в которые вставлены медные заклепки (рис. 29 — 7). Возможно, что бляшки последнего типа украшали лошадиную сбрую.

Любопытна также обоймица, видимо, прикреплявшаяся к поясу и служившая для привешивания к нему различных предметов. Обоймица представляет собой H-образную медную пластинку, сложенную пополам. Внешняя широкая часть ее украшена сканным (?) узором в виде двух параллельных линий, между которыми имеются эсвидные завитки (рис. 29 — 8).

В кургане № 47 найден массивный серебряный позолоченный обломок конца какой-то браслетовидной вещи (рис. 29 — 3). На этом изделии интересен рельефный орнамент из трилистников, часто встречающийся на предметах, происходящих из других русских курганов. Он, например, украшает оковку турьих рогов из Черной могилы.

Упомяну обломок незамкнутой подковообразной фибулы (рис. 29 — 4), любопытной тем, что, кроме гранчатой головки на ее конце, она имеет такую же четырнадцатигранную головку на самом своем теле, чем напоминает одну из гривен гнездовского клада 1868 г.

В Гнездовских и других дружинных курганах часты находки хрустальных и сердоликовых бус, имеющих форму четырнадцатигранника. Такие бусы встречены в 1950 г. наряду с восьмигранными призматическими, восьмигранными бипирамидальными и шарообразными, изготовленными из тех же материалов, наряду со стеклянными многоярусными пронизками и стеклянными зонными и ребристыми бусами. На одной зонной красной бусине, изготовленной из сургучеобразной массы, имеется изображение маленького белого четырехлепесткового цветка.

Костяные изделия представлены упомянутыми проколками, односторонними гребнями с накладными спинками, костяными игральными кубиками с отметками очков, игральными полусферическими шашками со сверлиной на плоской стороне, а также обломком изделия, напоминающего чашечку (рис. 28 — 2). Этот обломок имеет форму шарового пояса. На его плоской внешней стороне имеется резной орнамент, состоящий из двух концентрических кругов, выполненных точками. Между кругами помещены многолепестковые розетки, а в центре — плетеный узор. Назначение этой вещи не ясно. Может быть, это какой-нибудь набалдашник.

В кургане № 47, наиболее богатом находками, несмотря на его небольшие размеры, найдено 276 железных заклепок и 95 железных гвоздей, представляющих собой, видимо, остатки сожженной ладьи. Если это так, то это третий случай захоронения в ладье, встреченный в Гнездове.

Перечислить все находки нет возможности. Из оставшихся укажу лишь на так называемый древолазный шип, между загнутыми концами которого был зажат кусок дерева. Эта находка заставляет более критически относиться к распространенному среди археологов мнению, что подобные шипы прикреплялись к обуви. Возможно, что нужно вернуться к мнению А. А. Спицына, считавшего их принадлежностью какой-то оковки¹.

Среди найденных вещей многие являются датирующими. К ним в первую очередь относятся монеты². В одном из курганов найдена половинка саманидского диргема, чеканенного при Насре II ибн-Ахмеди в 932—940-х годах н. э. в городе Маадене (?). В другом — маленький обломок диргема, который определить не удалось. Меч из большого центрального кургана датируется X в. По стилю этим же веком датируется упомянутая скоба с драконами, фигурки козла и плачущего человечка, костяные проколки; к X в. относится также бытование восьмигранных призматических сердоликовых бус, гранчатоконечных фибул и некоторых других вещей. Ни одного кургана моложе или старше X в. выявить не удалось, что вполне согласуется с результатами прежних хронологических исследований Гнездова, ибо курганы IX и XI вв. в Гнездове очень редки, более ранних не встречено вовсе, и лишь упомянутая выше насыпь в Ольшанской группе, раскопанная нами, датируется по монете 1549 г. XVI веком, но она не имеет отношения к Гнездовским дружинным курганам.

Дружинный характер Гнездовских курганов еще раз подчеркивается сравнительно многочисленными предметами вооружения. Нужно отметить, что, как и в предыдущем году, в Гнездове не обнаружено ни одного погребения скандинавов. Как уже доказано, скандинавский элемент в русской дружине был незначителен.

Наряду с очень богатыми курганами (№ 47, большой Центральный, Ольшанский № 3 и др.) встречены курганы, почти не содержащие инвентаря. Резко выраженная имущественная дифференциация характерна для Гнездова.

По ряду однотипных вещей (бляшки, оружие, проколки, бусы) наметились связи всех трех курганных групп, что свидетельствует об их одновременности и одинаковом этническом составе погребенных.

В заключение отмечу, что Ольшанское городище вряд ли связано с Гнездовскими курганами вообще и с Ольшанскими в частности. Как отметил приезжавший на раскопки М. Н. Тихомиров, городище укреплено плохо, валы низки и существуют не везде, тогда как городище стоит на самом берегу Днепра и в бурную дружинную эпоху представляло объект легкой добычи, ибо не могло противостоять серьезному нападению. Раскопки, произведенные еще до Великой Отечественной войны, вскрыли на этом городище жилища ремесленников XVI в., что вполне согласуется с данными, полученными в результате раскопок Ольшанского кургана № 2, не имевшего погребального характера, но свидетельствующего о существовавшем в этом месте в XVI—XVII вв. производстве кирпича³. Сведения о более ранних слоях на этом городище недостоверны. Вопрос о характере этого городища может быть окончательно решен только после новых раскопок.

Все вещи и материалы экспедиции сданы в Смоленский областной краеведческий музей.

¹ А. А. Спицын. Гнездовские курганы в раскопках С. И. Сергеева, стр. 15.

² Определение монет произведено С. А. и В. Л. Янинными, за что приношу им свою благодарность.

³ А. Н. Лявданский. Материалы для археологической карты Смоленской губернии. «Тр. смоленских гос. музеев», вып. 1, 1924, стр. 144.

А. Л. МОНГАЙТ

ТОПОГРАФИЯ СТАРОЙ РЯЗАНИ

1950 год был пятым годом работ Старо-Рязанской экспедиции ИИМК АН СССР¹. В связи с тем, что заканчивался намеченный в пятилетнем плане цикл исследований, задачей экспедиции была широкая разведка для выяснения топографии древнего города. Разведка проводилась путем закладки раскопов на наименее исследованных участках городища, преимущественно на южном городище. Всего было заложено 15 раскопов, размером 36—290 м². Во всех случаях, когда поисковый раскоп в 36 м² давал насыщенный культурный слой или древние сооружения, он расширялся до размеров, включающих целиком сооружения или дающих полную характеристику культурного слоя.

В результате пятилетних исследований удалось установить топографию Старой Рязани и представить в общих чертах историю развития города.

Старорязанское городище (рис. 30), в настоящее время представляющее собой распаханное поле, с южной и восточной сторон обнесено валом и глубоким рвом. Северная сторона городища упирается в овраг, по дну которого протекает ручей Серебрянка, впадающий в Оку. Южная сторона городища частично примыкает к правому берегу Черной речки, а западная омывается Окой. Вал отделяет от поля территорию древнего города, по площади равную 48 гектарам, в плане близкую к четырехугольнику.

Кроме восточной и южной сторон наружного вала, сохранился в настоящее время еще внутренний вал, пересекающий городище с северо-востока на юго-запад, тянущийся от наружного вала к берегу Оки и отрезающий от городища небольшой участок площадью около 7,6 гектара (в дальнейшем эту часть будем называть северным городищем). Длина этого вала 235 м.

В северной части городища находится холм, отделенный от общего массива оврагом, размытым на месте рва, ограждавшего некогда находившееся здесь городище городищевой культуры. Это городище, современное Троицко-Пеленицкому и Шатрищенскому, относится к первой половине I тысячелетия н. э. Вероятно, древнейшее славянское поселение, возникшее в X в. н. э. на северном мысу и занявшее место Городецкого городища, вскоре выросло за пределы его и распространилось на всю территорию, отделенную теперь внутренним валом. Во всяком случае наиболее древние

¹ Состав экспедиции 1950 г.: начальник А. Л. Монгайт, зам. нач. Б. А. Колчин; научные сотрудники А. В. Никитин, Т. Н. Никольская, А. Ф. Медведев.

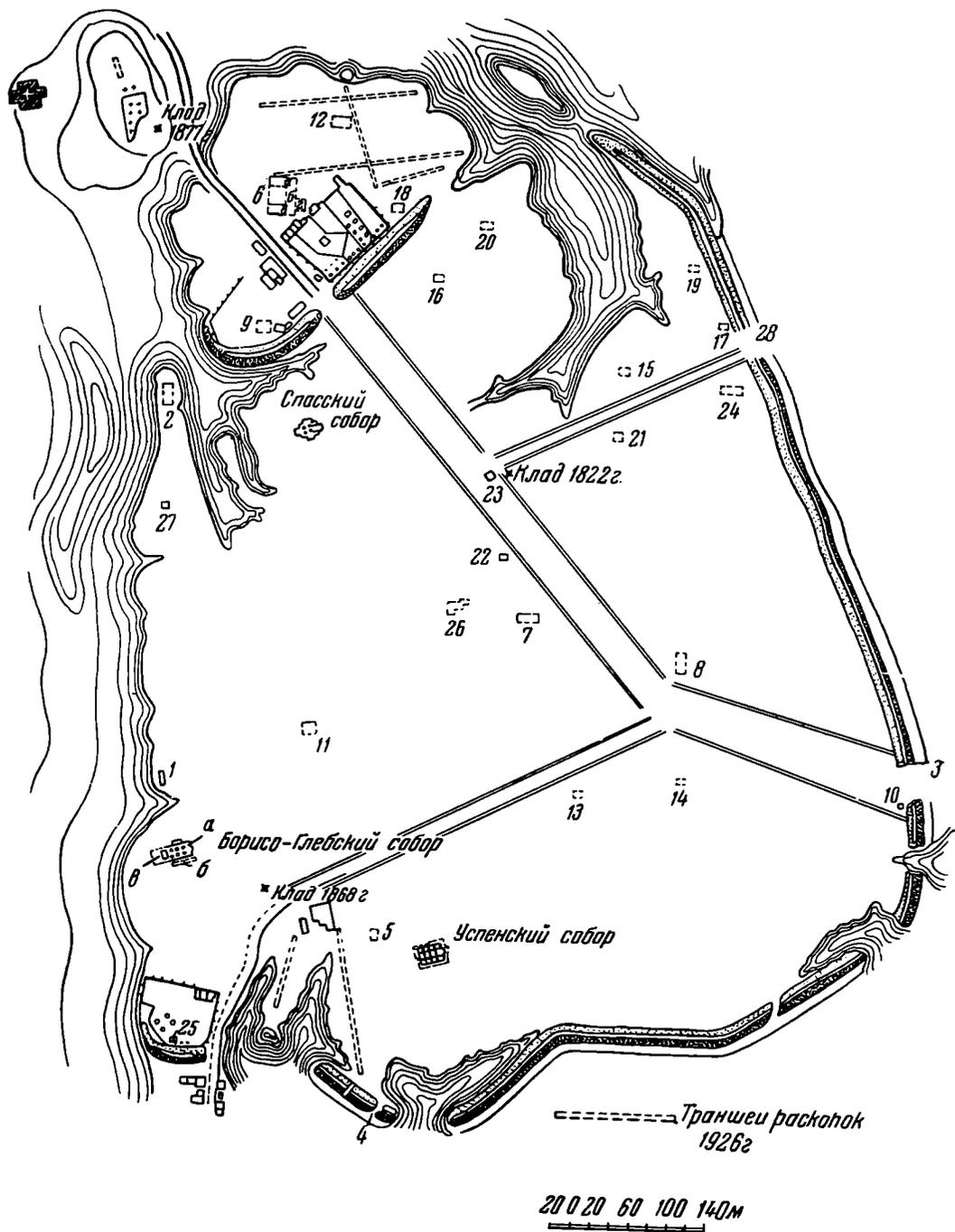

Рис. 30. План городища Старой Рязани с указанием мест раскопок. Борисо-Глебский собор: а — раскопки 1836 г.; б — раскопки 1926 г.; в — раскопки 1948 г. Спасский собор — раскопки 1888 г. Успенский собор — раскопки 1949 г.

1 — раскоп 1945 г. № 1; 2 — раскоп 1945 г. № 2; 3 — разрез вала у Новых Пронских ворот 1945 г.; 4 — разрез вала 1945 г.; 5 — раскоп 1946 г. № 1; 6 — раскоп 1946 г. № 2; а — раскоп 1948 г. 2А; раскоп 1948 г., 2 б-в — раскоп 1948 г., 2 Б; з — раскоп 1949 г. 2 Г; 7 — раскоп 1946 г. № 3; 8 — раскоп 1946 г. № 4; 9 — раскоп 1946 г. № 5; 10 — шурф 1946 г.; 11 — раскоп 1949 г. № 1; 12 — раскоп 1949 г. № 2; 13 — раскоп 1950 г. № 1; 14 — раскоп 1950 г. № 2; 15 — раскоп 1950 г. № 3; 16 — раскоп 1950 г. № 4; 17 — раскоп 1950 г. № 5; 18 — раскоп 1950 г. № 6; 19 — раскоп 1950 г. № 7; Б 20 — раскоп 1950 г. № 8; 21 — раскоп 1950 г. № 9; 22 — раскоп 1950 г. № 10; 23 — раскоп 1950 г. № 11; 24 — раскоп 1950 г. № 12; 25 — раскоп 1950 г. № 13; 26 — раскоп 1950 г. № 14; 27 — раскоп 1950 г. № 15; 28 — разрез вала у Исадских ворот 1950 г.

типы славянской керамики и ряд предметов (наконечник ножен меча, костяная копоушка, подобная найденной на Сарском городище, и др.), встреченных в нижнем слое северного городища, позволяют отнести его к X в. Как выяснено раскопками 1950 г., подстилающий внутренний вал культурный слой относится к X в.

На северном городище при раскопках ряда лет найдены многочисленные мастерские и жилища. Большинство жилищ принадлежало ремесленникам. В XII—XIII вв. северное городище было основным ремесленным районом Старой Рязани. Вместе с тем здесь найден подвал XI в., вероятно связанный с княжеским жилищем. В нем обнаружен обломок амфоры с надписью, свидетельствующей о принадлежности сосуда князю. Рядом найдены остатки керамического и металлургического горнов. Княжеское жилище рядом с мастерскими трудно себе представить. Очевидно, в XIII в. (к этому времени относятся керамический и металлургический горны) его уже здесь не было. При раскопках 1950 г. на северном городище вскрыто жилище XI — начала XII вв. (раскоп № 6). Оно вплотную примыкало к внутреннему валу в его северо-восточной части, и в XII—XIII вв. оплывшая насыпь вала перекрыла частично жилище, вскрытое раскопками. Оно было большим наземным с глинобитной печью. На север от него расположен амбар, в котором найдены зерна ржи, а на запад — ямы какой-то хозяйственной постройки и одна зерновая яма.

На территории жилища и усадьбы сделан ряд находок, позволяющих отнести его владельца к господствующему классу феодалов. Таковы находки боевого топора, многочисленных наконечников стрел, серебряного зерненого пятилучевого колта, серебряных трапециевидных и прямоугольных пластин, очевидно украшений парадного колчана (рис. 31). Самые размеры усадьбы, очень большой сравнительно с рядовой старорязанской, свидетельствуют о принадлежности ее владельца к зажиточному слою.

Богатые жилища северного городища относятся к XI — началу XII вв., ремесленные мастерские и строения полуземляночного типа — к XII—XIII вв. Очевидно, в течение этого времени изменилась социальная топография северного городища. В большинстве изученных древнерусских городов схема развития города строится следующим образом. Древнейший небольшой хорошо укрепленный участок территории города становится ядром его развития. Это кремль — княжеская резиденция, административный и религиозный центр. За его стенами возникает посад, который в позднейшее время также обносится стеной. Посад населен ремесленниками, купцами и всякими «черным людом». Так возникает деление города на аристократический вышгород (кремль обычно расположен на возвышенном и труднодоступном месте) и демократический подол. Исключений из этой схемы немного. Не возникло такое деление, например, в Новгороде, где не было сильной княжеской власти и где жилища бояр не концентрировались вокруг княжеской резиденции в кремле, а были разбросаны в разных кварталах города. Правда, Новгородский кремль (детинец) стал резиденцией другого крупного феодала — архиепископа. Но это не привело к концентрации аристократии в стенах кремля. Значительная часть кремля была заселена ремесленниками, сначала с архиепископского подворья, потом и другими.

Если бы развитие Старой Рязани следовало изложенной выше схеме, то северное городище должно было бы быть кремлем. Однако в XII в. оно было основным ремесленным районом города. Южное же городище, которое могло развиваться первоначально как торгово-ремесленный посад, в XII в. оказывается населенным не только ремесленниками, но и представителями более зажиточных слоев населения, о чем можно судить по наличию здесь богатых жилищ с кирпичными печами. Кроме того, на южном городище находились все три открытых раскопками каменных храма.

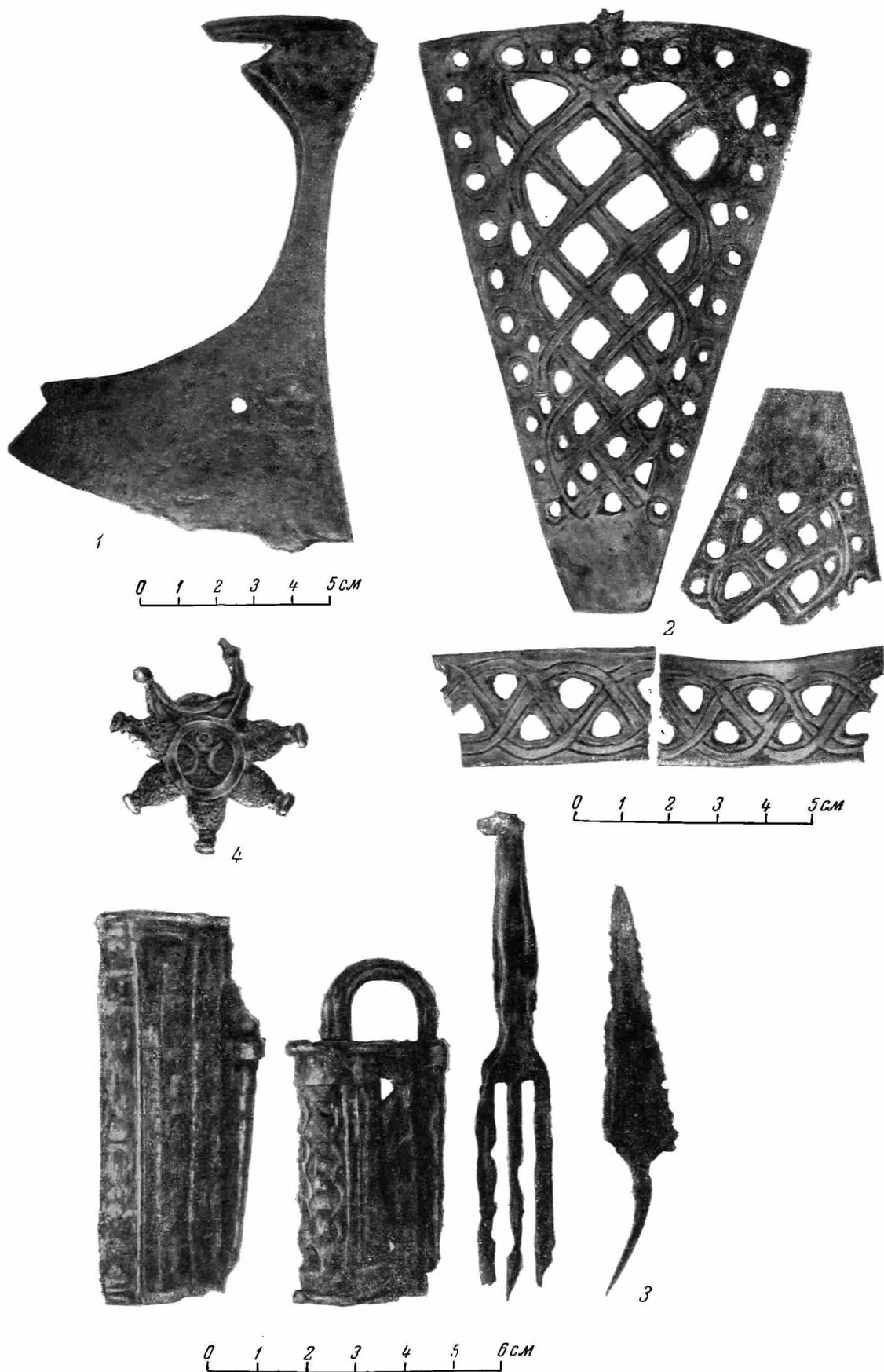

Рис. 31. Вещи из жилища (раскоп № 6):

1 — боевой топор; 2 — серебряные накладки от кобчана; 3 — замки, ключ и стрела; 4 — серебряный пятилучевый колт

На южном городище найдены все (за исключением одного) богатые клады серебряных и золотых вещей.

Учитывая все это, можно представить историю развития Старой Рязани следующим образом. Северное городище было первоначальным поселением, а когда город вырос за его пределы, оно оставалось тесно заселенным кремлем. Так было в XI в. Но в XII в. были сооружены грандиозные валы, защитившие весь посад и, очевидно, сначала охватившие даже незаселенные участки, которые были также включены в городскую черту. Князь, бояре, представители высших слоев общества выселились на южное городище, где заняли особые кварталы (например, набережную). За внутренним валом остались княжеские ремесленники; здесь продолжали строиться мастерские, и в XII в. северное городище, раньше бывшее княжеской резиденцией, превратилось в основной ремесленный район Старой Рязани. Весьма вероятно, что произошло это не стихийно, а в результате специального регулирования властей. Возможно, что при этом имели в виду изоляцию ремесленного района от остального города и помещение его за внутренним валом. Альберти писал, что одним из важнейших принципов градостроительства должно быть стремление к изоляции ремесленных кварталов, вынесение их за черту города, так как от них бывают вонь, копать и опасность пожара. Этот принцип является идеалом, общим для всех времен. Но не только уродство капиталистического общества порождает города, где предприятия расположены попеременно с жилищами. В эпоху феодализма рассуждение Альберти было идеалом, тоже редко соблюдаемым. Не был он строго соблюден и в Старой Рязани. На южном городище оставались ремесленные мастерские, на северном — оставались жилые дома, не принадлежащие ремесленникам.

В Старой Рязани, подобно Новгороду, не возникло деления города на аристократическую и демократическую части. Не потому ли это произошло, что здесь, как и в Новгороде, не было сильной княжеской власти и княжеская резиденция поэтому не стала притягательным центром для всех феодалов. Однако ошибочно было бы думать, что жилища ремесленников и феодальной знати строились рядом. В Новгороде известны боярские улицы, например Прусская. Вероятно, в Рязани также отдельные кварталы были заселены феодальной знатью. Предположительно такой квартал находился на набережной.

В 1950 г. открыт второй ремесленный район Старой Рязани на южном городище вблизи вала у Исадских ворот. Здесь раскопаны четыре полуземлянки (раскопы № 3 и 5) первой половины XIII в., очевидно погибшие в 1237 г. Полуземлянка в раскопе № 3 принадлежала ремесленнику, занятому обработкой черного металла. Рядом с жилищем вскрыта яма, служившая подпольем в расположенном вблизи жилища рабочем помещении. В этой яме найдено много железного шлака, криц, молоток, зубило. В раскопе № 5 землянка Б была жилищем ремесленника, обрабатывавшего цветной металл. Рядом с ней расположена землянка В, служившая, очевидно, рабочим помещением. В землянке Б в северо-восточном углу находилась глинобитная печь, в землянке В печи нет. Здесь найдены слитки олова и многочисленные обрезки тонких листов меди, медные мелкие изделия, медная стружка. Особенно интересна находка в обеих полуземлянках, жилой и рабочей, узких и тонких медных полосок, служивших для изготовления мордовских наконечников. В землянке жил ремесленник, занимавшийся холодной обработкой меди и работавший на очень отдаленный рынок.

В полуземлянке А (раскоп № 3) найден клад серебряных ювелирных изделий. Клад был спрятан владельцем в глинобитную печь, очевидно, в страшные декабрьские дни 1237 г. Клад состоял из двух больших серебряных зеренных шестилучевых колтов, шести трехбусинных височных колец,

медной позолоченной и украшенной перегородчатой эмалью булавки (рис. 32), круглой иконки-подвески с изображением богоматери-оранты (изображение выполнено чернью, по краям ободок из зерни), трех больших и восьми малых полых серебряных бус, украшенных зернью и сканью, трех каменных и одного деревянного нательных крестиков, оправленных в серебро (рис. 33).

Вследствие многолетней пахоты на участке, где расположено жилище А, печь жилища оказалась почти на поверхности земли. В 1937 г. плуг задел западную часть печи, разрушил ее и выбросил на поверхность часть вещей из клада, спрятанного в печи. Два предмета были найдены крестьянкой села Старая Рязань и проданы в Исторический музей в Москве. Это шестилучевой колт и серебряная цепь (рис. 34).

Вряд ли владелец столь богатого клада жил в маленьком полуземляночном жилище у самого вала. Ни устройство, ни размеры жилища, ни остальной его инвентарь не свидетельствуют о привилегированном положении и богатстве хозяина. Это рядовое жилище рязанского ремесленника. Нахождение здесь клада связано с какими-то сложными сплетениями обстоятельств в дни монгольского нашествия: возможно, что богатый владелец серебряных ювелирных изделий поручил их спрятать вдали от своего дома.

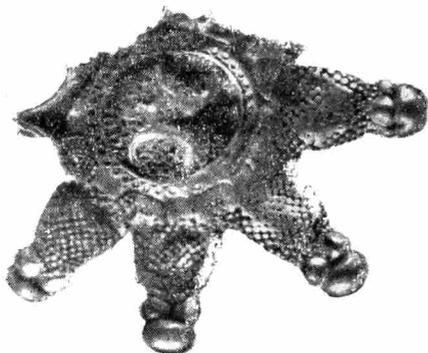
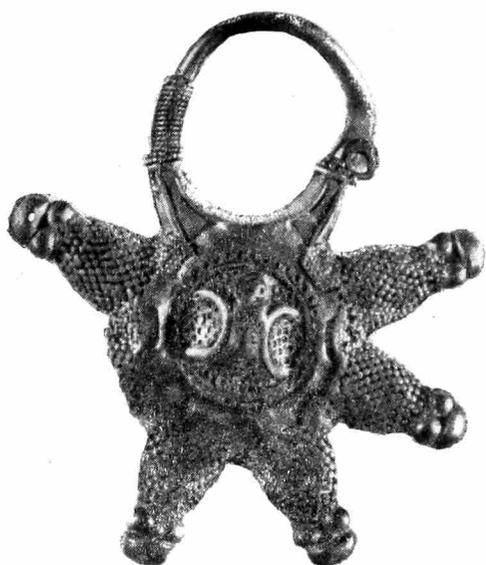
Раскопки в центральной части южного городища вблизи современной дороги, ведущей на Исады и на Пронск, показали, что эта дорога шла по городищу в том же направлении еще в глубокой древности.

Центральная и юго-восточная части южного городища были заселены менее тесно, чем другие районы. Возможно, что здесь располагались сады и огороды, занимавшие значительную часть территории города. При раскопках 1946 и 1948 гг. обнаружен тонкий культурный слой, а в нем очень мало печей: подпольных ям не найдено вовсе.

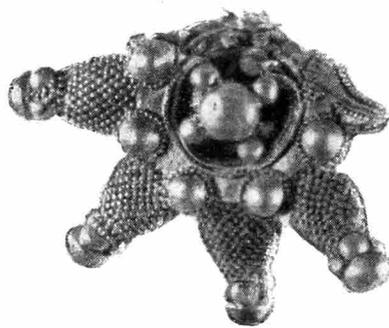
Жилище хорошей сохранности, расположенное в центральной части городища, нами вскрыто в 1950 г. (раскоп № 14). Это довольно большая землянка (4,0 × 3,0 м), рядом с которой были расположены две зерновые ямы (рис. 35). Одна из них обмазана глиной, которая потом была обожжена. В облицовке второй применены плитчатые кирпичи, поставленные на ребро. Землянка прямоугольная со столбами по углам. В столбах сделаны пазы, в которые впущены доски, облицовывавшие стены. Вдоль западной и восточной стен сохранились обгоревшие сосновые лаги и на них обуглившиеся доски — остатки деревянного пола землянки. Пол был настлан на глубине 1,8 м от современной ему поверхности. Подполье под ним продолжалось до глубины 3,6 м. В северо-западном углу землянки находилась глинобитная печь, сооруженная при помощи обмазки глиной каркаса из переплетенных прутьев. Этот способ открыт в Старой Рязани впервые. Ранее изученные печи были сбиты из сухой глины на каркасе из досок.

Печь поставлена на материке, для чего в северо-западной части землянки был оставлен специальный материковый выступ, на котором умещался под печи. На выступе сохранились остатки лаг, не обгоревших, как все остальные лаги и доски в этой землянке, а сгнивших, так как они лежали под печью. Печь имела длину около 1,0 м, высоту около 1,1 м при толщине стен до 25 см. Свод был в виде короба (полуцилиндра) и имел сзади закругленный валик, идущий по краю свода. В глину, из которой вылеплена печь, подмешивалась солома. После того как печь была смазана глиной, свод ее был накрыт сверху какой-то грубой тканью, оставившей отпечатки на глине. Очевидно, эта ткань предохраняла печь от растрескивания при просушке.

Печь и остатки пола свалились в подполье после разрушения жилища. По керамике и другим находкам жилище датируется первой половиной

1а

1б

2

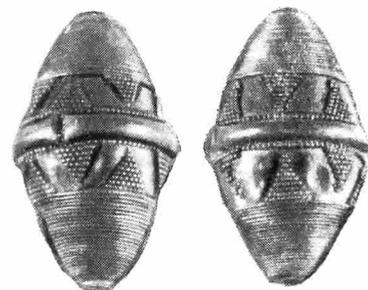
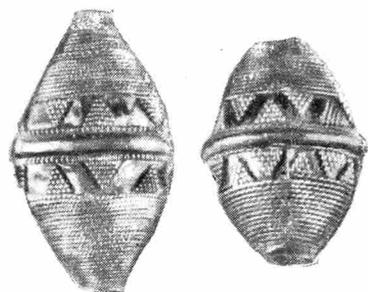
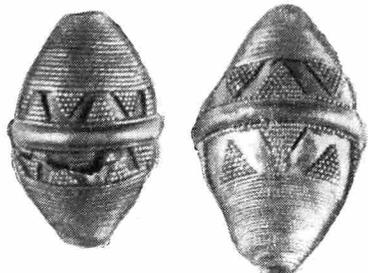
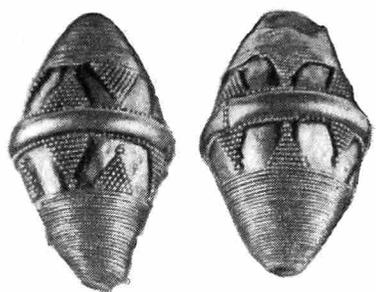

3

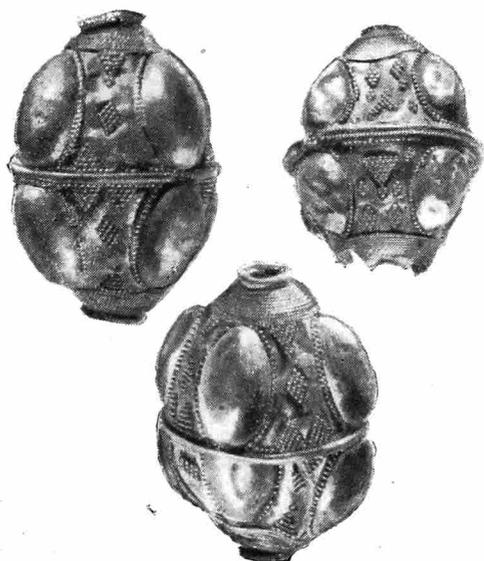
Рис. 32. Вещи из клада 1950 г. (землянка А, раскоп № 5):
1 — колты: а) лицевая сторона, б) оборотная; 2 — трехбусинные височные кольца; 3 — булавка с перегородчатой эмалью

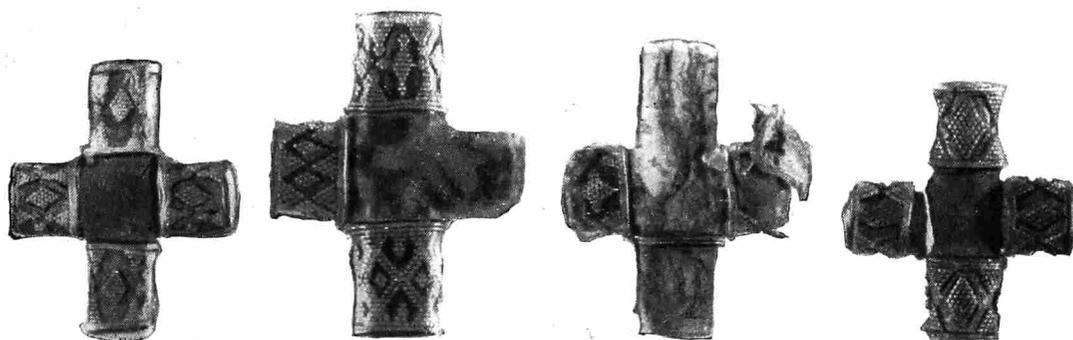
1

2

3

4

Рис. 33. Вещи из клада 1950 г.:
1 — серебряная иконка-подвеска; 2 и 3 — бусы; 4 — кресты

Рис. 34. Колл и цепь из клада, найденного в 1937 г.

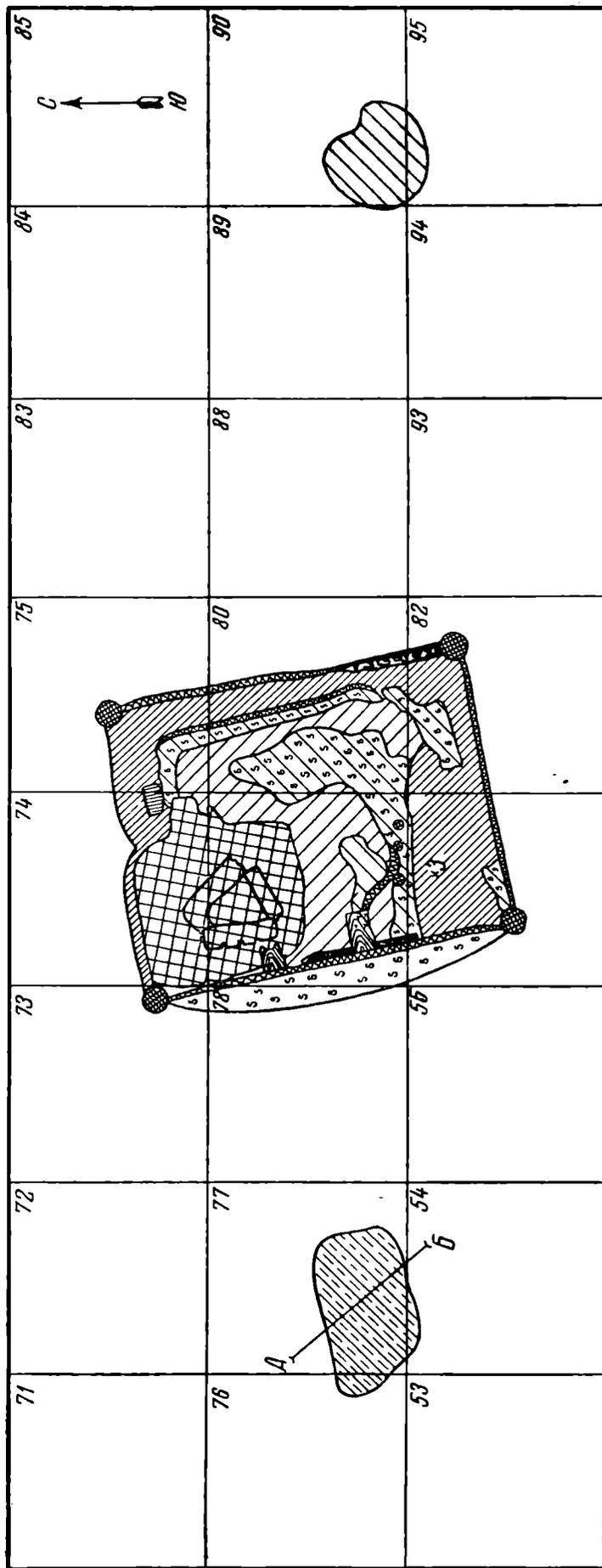

Рис. 35. План землянки в раскопе № 14, на глубине 2 м от современной поверхности, и зерновые ямы

1 — черная пластичная земля с угольками; 2 — темнокоричневая рыхлая земля с битым кирпичом и углем; 3 — красная обожженная глина; 4 — развал глинобитной печи; 5 — темножелтая земля с глиной; 6 — темносерая рыхлая земля; 7 — угольные прослойки; зола, уголь; 8 — сиегложелтая глина нематериковая; 9 — обугленные бревна; 10 — обугленные доски; 11 — следы столбов

XIII в. Оно, очевидно, погибло от пожара, возможно в дни Батыева нашествия.

На южном городище открыты три каменных храма Старой Рязани. Это упоминаемые в летописи Спасский, Борисо-Глебский и Успенский соборы. Вокруг храмов, как обычно, располагались современные им кладбища. Спасский собор (раскопки 1888 г.) был построен вблизи, а может быть, на месте языческого святилища. Здесь был найден бронзовый

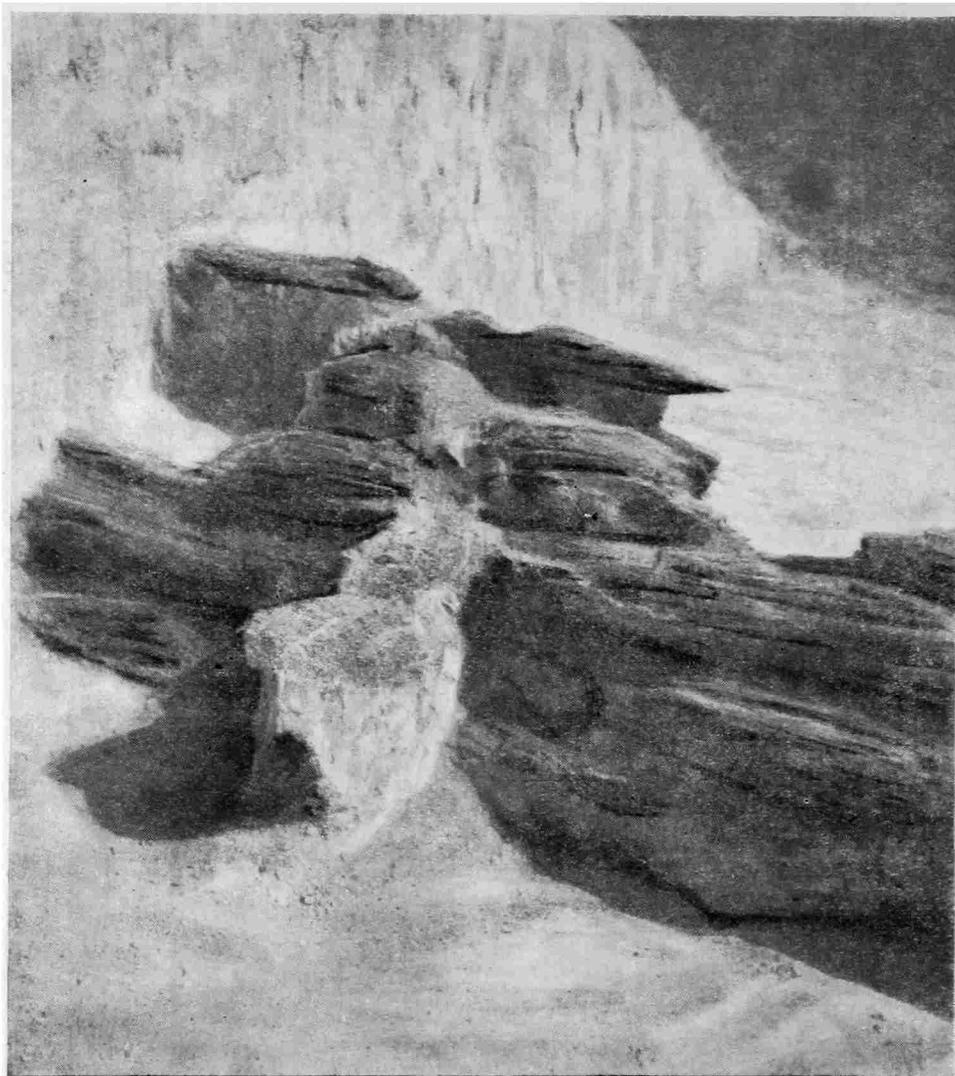

Рис. 36. Остатки городен на валу у Исадских ворот

идол, прикрепленный к деревянному столбу, у основания которого остались следы жертвоприношений. Борисо-Глебский собор, очевидно, являлся главным храмом, в нем сделаны специальные притворы со склепами для княжеского погребения. У западного притвора вскрыто погребение в колоде, обернутой лубом (1948 г.). Большое кладбище XII в. и позднейшего времени вскрыто у западной стены Успенского собора (1946 и 1949 гг.). Вообще кладбища в Старой Рязани очень многочисленны. К сожалению, в большинстве случаев они не датированы, так как христианский обряд погребения без вещей не дает основы для датировок. В отдельных случаях все же удастся установить дату. Так, на северном городище в раскопе № 2 (1946, 1948 гг.) было вскрыто большое кладбище с погребениями лиц, погибших в 1237 г. Кладбище домонгольского времени найдено в южной части городища в 1950 г. (раскоп № 2). Кладбища часто меняли

свое местоположение. Многие перекрывают культурный слой, другие находятся над остатками жилищ.

Раскопки показали, что вся территория Старой Рязани была в XII—XIII вв. заселена — жилища подходили вплотную к валам, были на набережной, у дорог. Город был очень большим и густо заселенным. Лишь в центральной и юго-восточной частях располагались сады и огороды.

Отдельные находки XIV в. показывают, что жизнь в Старой Рязани продолжалась и после батыева погрома, но, очевидно, менее интенсивная. Жилища и вещи этого времени очень редки.

Для установления конструкции внешнего вала в 1950 г. сделана зачистка профиля у Исадских ворот и получен, таким образом, полный разрез вала. Выяснено, что было пять строительных периодов в насыпке валов и устройстве на них деревянных конструкций. На вершине вала заложен раскоп, в котором подробно изучены остатки городен (рис. 36). Раскопки подтвердили выводы о конструкции городен, сделанные в 1945 г.¹

В результате работ 1945—1950 гг. получено довольно подробное представление о топографии Старой Рязани. Конечно, нельзя считать раскопки здесь окончательно законченными. Раскопана лишь небольшая часть городища; продолжение работ будет приносить все новые и новые интересные материалы. Но для основных выводов уже получено достаточно данных. Благодаря тому, что вся площадь Старой Рязани открыта для раскопок, мы знаем ее топографию, может быть, подробнее, чем других древнерусских городов.

¹ А. Л. Монгайт. Древнерусские деревянные укрепления по раскопкам в Старой Рязани. КСИИМК, вып. XVII, 1947.

М. Г. РАБИНОВИЧ

РАСКОПКИ В МОСКВЕ В 1950 ГОДУ

Постановлением Всесоюзного археологического совещания в 1945 г. намечены широкие раскопки на территории Москвы, которая до тех пор специально не исследовалась. В 1946 г. эти работы были начаты. Они велись Институтом истории материальной культуры Академии Наук СССР совместно с Музеем истории и реконструкции Москвы в течение ряда лет.

Наши работы в 1950 г. были продолжением раскопок 1949 г., начатых в Зарядье. До этого времени мы имели множество свидетельств о возможности существования в Москве домонгольского культурного слоя. Еще в XIX в. в числе случайных находок были арабские диргемы IX в., обнаруженные на месте современного строительства Дворца Советов, на территории Кремля — височные кольца и другие украшения вятичей. Но только раскопки большой площади позволили получить необходимые данные о Московском посаде и определить основные его черты.

Работы 1950 г. явились в какой-то мере итоговыми за пятилетие. Именно в этом году был достаточно полно изучен культурный слой, относящийся к начальному периоду истории столицы. Зарядье — один из наиболее интересных в археологическом отношении районов Москвы. Строительство здесь высотного здания дало возможность широко поставить археологические исследования, причем раскопки сочетались с археологическими наблюдениями за земляными работами, производимыми строительством. Раскопками вскрыто в общей сложности около 1000 м² — для Москвы впервые такая значительная площадь.

Оказалось, что в подошве культурного слоя имеется горизонт, который может быть датирован концом X — началом XI вв. На значительной площади открыты древнейшие сооружения и найдено много древней керамики, до сих пор не известной для территории Москвы. Среди сосудов есть близкие к баночным, но уже гончарные, которые датируются концом X в. по аналогиям с сосудами из Гнездовского могильника. Сопоставление этой керамики с находками диргемов позволяет говорить о существовании Московского посада уже в этот период. Удалось установить и конфигурацию посада, шедшего узкой полосой вдоль реки, причем открыты не только районы с древнейшим культурным слоем, но и районы, заселенные позже.

В древнейших горизонтах культурного слоя обнаружены ямы со шлаком и крицами — остатки древнего металлургического производства. Сыродутный процесс имел здесь некоторые особенности, которые до сих пор

не удалось уточнить. Наряду с обыкновенными крицами, обнаруженными во многих древнерусских городах, мы находим здесь шлак, слитый в жидком состоянии в глиняные горшки (рис. 37—1). Стало быть, температура, которая достигалась в сыродутном горне, была не меньше 1300°. При каких условиях можно сливать таким образом шлак в гончарную посуду, еще не ясно. Перед нами бесспорно древнейший в Москве комплекс, относящийся к началу XI в., связанный с металлургическим производством, с получением железа из руды. На посаде было и литейное производство. Отливались, в частности, ювелирные изделия. Об этом свидетельствует литейная формочка, найденная в раскопе V (рис. 37—2). Сопоставив эту находку с открытой в 1949 г. в раскопе I мастерской литейщика-ювелира XIV в.¹, можно установить, что литейно-ювелирное производство бытовало здесь, по крайней мере, три столетия.

В XII в. относится первая в Зарядье кожевенно-сапожная мастерская. В ней найдены остатки заготовок для сапог и различного рода воинских принадлежностей, как, например, ножен от сабель и кинжалов. Сапожник был одновременно и кожевником (рядом с его избой обнаружены остатки отделенной от шкур шерсти).

Среди находок из древнейшего горизонта необходимо отметить торговую пломбу, которая в древности была привешена к тюку какого-то товара; на ней имеется герб — посох и перчатка — и надпись, которую прочитывать пока не удалось. Она сделана с одной стороны пломбы латинским шрифтом, с другой — готическим (рис. 37—3). Посох и перчатка говорят о принадлежности герба какому-то католическому епископу. Пока наиболее близким является герб одного из епископов Кельна, скончавшегося в XI в. Но есть и другие близкие гербы, например городов Майна, Хура, Эйхштедта и др. Во всяком случае пломба происходит из торгового города западной Германии и датируется концом XI в., что говорит о торговых связях с Германией уже в ту отдаленную эпоху. Следовательно, можно считать, что в Москве уже в X—XI вв. был ремесленный посад, где было развито металлургическое, литейно-ювелирное и кожевенно-сапожное производство, и что город уже имел обширные торговые связи. Если в западном направлении торговые связи Московского посада простирались до западной Германии, то можно думать, что на востоке и юго-востоке они доходили до Средней Азии (Мервы) и Армении, где чеканены упомянутые выше диргеми.

Важное место среди подсобных занятий жителей посада занимало рыболовство. Здесь найдены разнообразные грузила для сетей (керамические и каменные), покрытые иногда орнаментом, поплавки, блесна и т. п. (рис. 38). Разнообразие рыболовных принадлежностей свидетельствует о ловле не только удочкой, но и сетями, что весьма ярко характеризует одну из сторон быта Московского посада. Некоторые материалы свидетельствуют о земледелии как подсобном занятии жителей посада. Правда, найденные в Зарядье зерна могли быть привезены из другого места, но находки тут же сельскохозяйственных орудий (например, серпа) достаточно убедительно говорят и о местном земледелии.

По определению А. В. Кирьянова, зерна XIV в. происходят со старопашотных почв, с полей, где давно велось паровое зерновое хозяйство, двухпольное или трехпольное. Возделывались зерновые культуры — пшеница яровая, рожь, овес, просо; бобовые — горох, чечевица; технические — лен, конопля. Из садовых культур найдена слива.

В 1237 г. Москва была разгромлена монголами, но скоро восстановилась на прежнем месте. Послемонгольский слой характеризуется находками так называемой ордынской керамики. Это — поливная посуда

¹ М. Г. Рабинович. Раскопки в Москве в Китайгороде. КСИИМК, вып. XXXVIII, 1951, стр. 52.

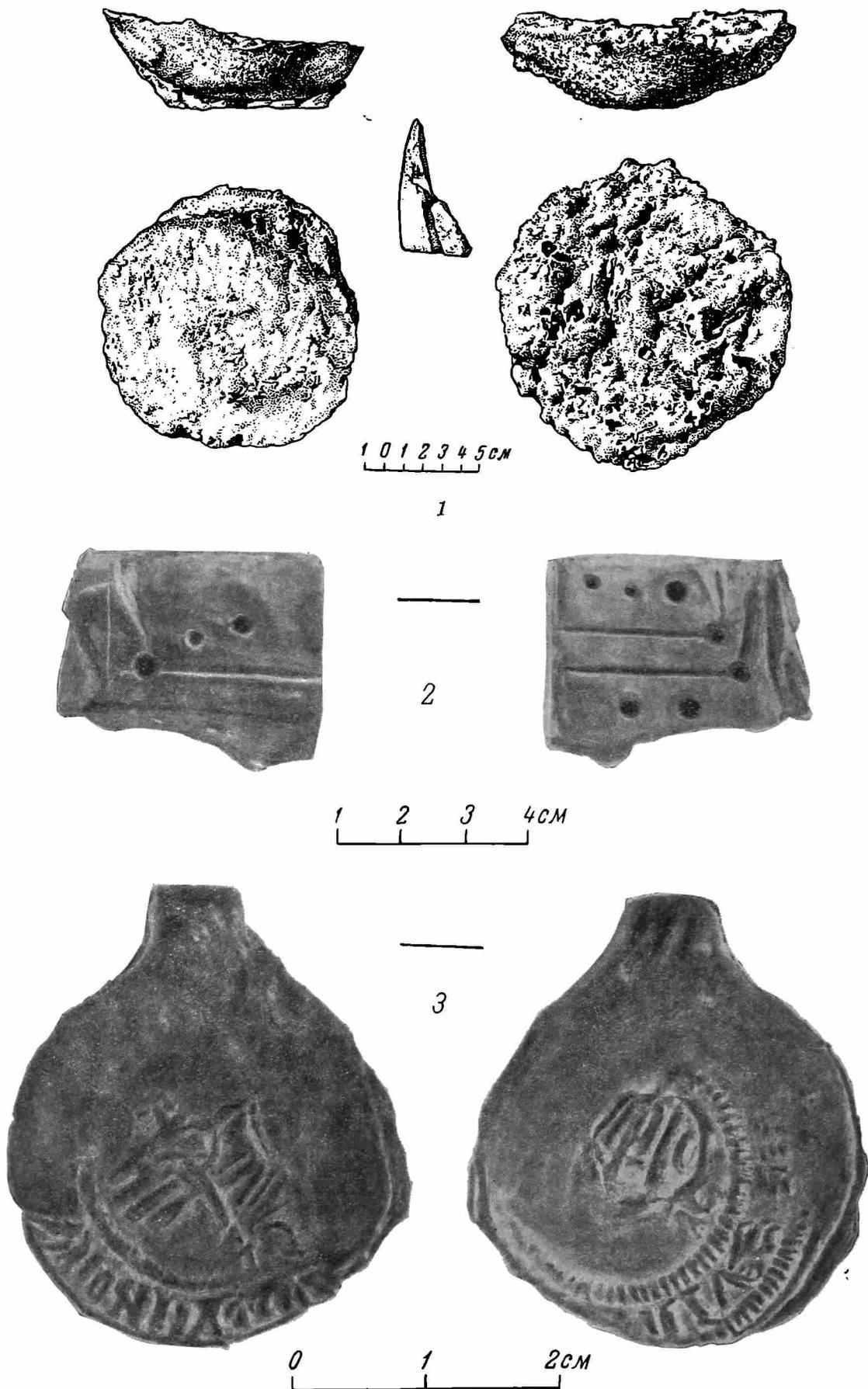

Рис. 37. Вещи из раскопок в Зарядье:

1 — крицы и шлак в горшках; 2 — каменная литейная форма; 3 — свинцовая товарная плomba (с лицевой и оборотной сторон)

с чрезвычайно затейливой росписью, большей частью чаши типа пиал, вероятно среднеазиатского происхождения.

К XV в. относится чрезвычайно интересный комплекс, открытый еще в 1949 г. и подробно исследованный в 1950 г. в раскопах IV и V. Это два ряда частоколов с колодцем между ними, идущих перпендикулярно к реке Москве, как раз по направлению, указанному в летописном известии 1468 г. о большом пожаре в Москве — «от Николы Мокрого до Богоявления». В 1949 г. мы думали, что это, может быть, часть укреплений самого посада, того самого рва, который упоминается в летописи. Но дальнейшие раскопки вскрыли сооружение на большей площади; оказалось, что рва здесь не было, а по обе стороны частоколов находились две большие

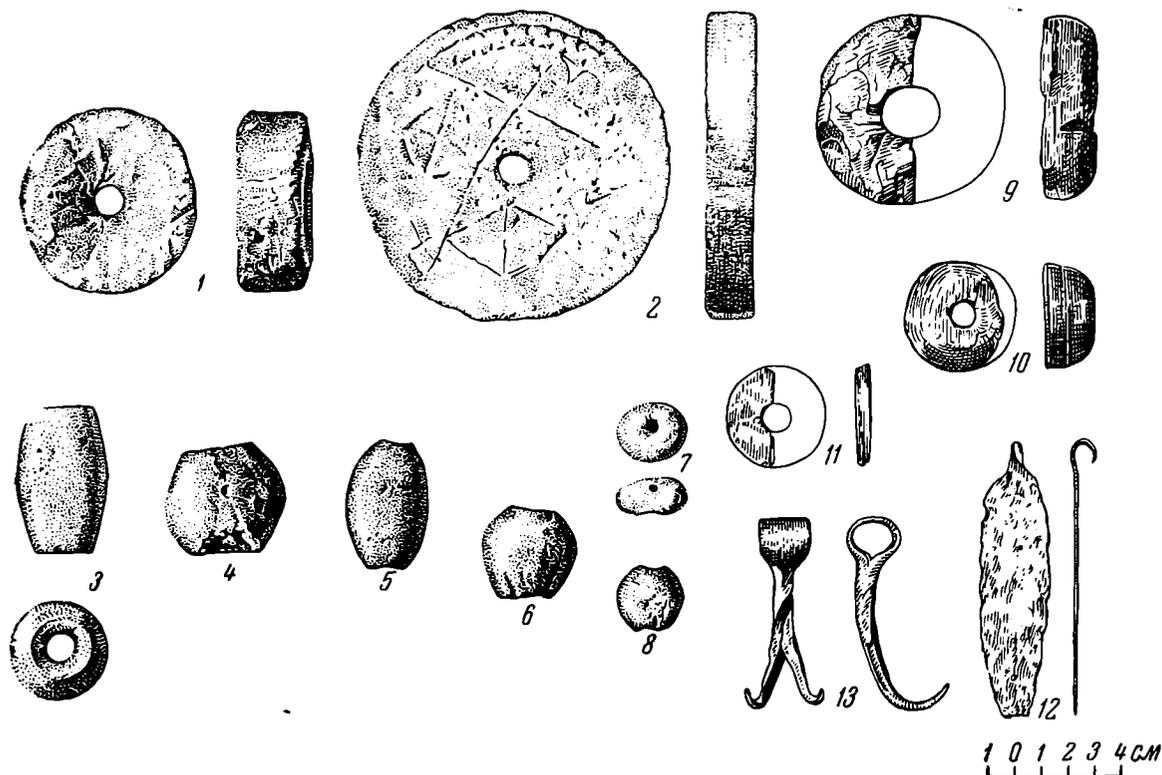

Рис. 38. Рыболовный инвентарь из Зарядья:

1 — 2 — грузила белокаменные; 3 — 8 — грузила керамические; 9 — 11 — поллавки; 12 — блесна; 13 — крючок для копчения

усадьбы, обе были огорожены тыном; на нейтральной земле располагался колодец.

По сторонам этих заборов оказались с одной стороны сгоревший в XV в. дом с печью и деревянным полом, с другой — большой комплекс построек, который попал в раскоп лишь северной стороной. Сам дом, очевидно, находился южнее, раскопками же вскрыта баня с накатом пола из жердей и большой печью в углу. Обе усадьбы раскопаны частично. Судя по находкам, это уже не дома ремесленников, а усадьбы более зажиточных людей — купцов, а может быть, даже богатых феодалов.

Среди находок в бане выделяется костяная овальная печать, шириной 1 см, длиной 1,5 см. На этой чрезвычайно ограниченной площади искусный резчик изобразил воина со щитом и копьем и сделал надпись: «печать Ивана Карови»¹. Печать относится к XV в., ко времени, когда ремесленное население в этом районе Москвы сменилось более зажиточным.

¹ Печать опубликована в вып. XLI КСИИМК, рис. 15.

Сведения об этом нам дают письменные источники. К концу XV в. относится духовная грамота князя Ивана Юрьевича Патрикеева, из которой видно, что исследуемый район Зарядья раньше принадлежал ему, но был

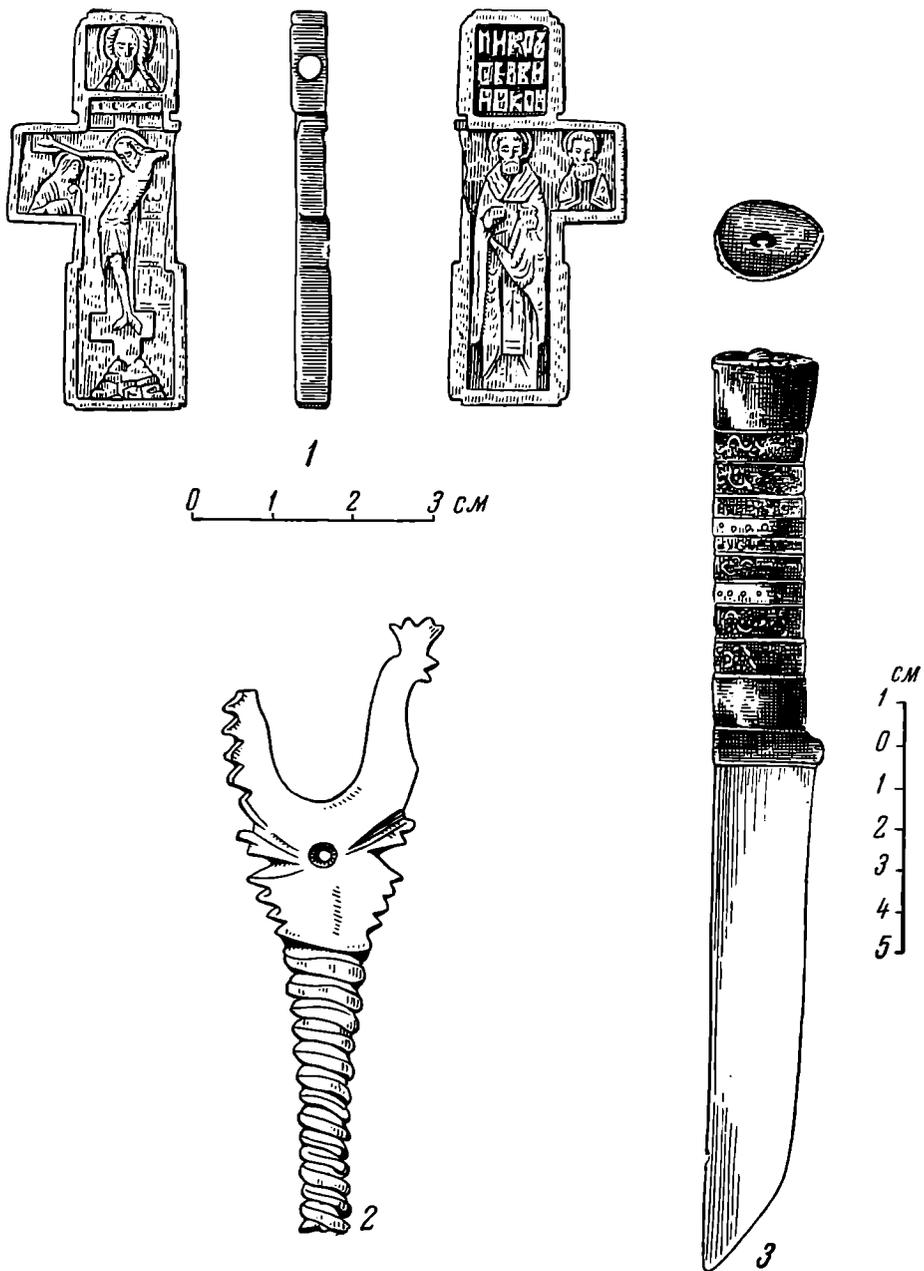

Рис. 39. Вещи из раскопок в Зарядье:

1 — костяной крест; 2 — костяная шпилька с петухом; 3 — нож

взят великим князем, взамен чего Патрикеев получил ряд владений в других районах Москвы¹. На земле, взятой у Патрикеева, великий князь, возможно, поселил служилых людей, появившихся тогда в большом количестве в Москве в связи с объединением вокруг нее большинства русских земель.

¹ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. М.—Л., 1950, № 86.

Чрезвычайно интересна найденная в Зарядье костяная утварь. К XV в. относится нательный крест, происходящий, очевидно, из мастерских Троицко-Сергиевской лавры (рис. 39—1). На лицевой стороне — распятие, по сторонам которого изображены богородица и Иван Богослов, на обороте — Николай, Сергей и Никон Радонежские. Интересна также тщательно отделанная в виде петушка шпилька от прялки. Всего таких шпилек найдено три; из них одна — в Новгороде, две — в Москве, и все они почти точно повторяют подобную форму (рис. 39—2).

В раскопе IV найден нож с затейливой наборной рукояткой, состоящей из костяных пластин и узора из медной проволоки (рис. 39—3).

К XV в. относятся открытые нами дренажные сооружения, отводившие воду от Великой улицы частью к югу, частью к северу. На одном из участков открыты три системы, отводившие воду от Великой улицы в ров: канавы, направленные к северо-востоку, деревянные трубы, покрытые берестой, и трубы, не покрытые ею, ориентированные на север. Все дренажные трубы сделаны так же, как трубы открытой несколько лет назад новгородской водоотводной системы¹ XII в., принятой за водопровод. Техника изготовления труб простая: дерево раскалывалось вдоль на две половинки и выдалбливалось; половинки складывались по шву; колена труб обматывались берестой.

При наблюдении за земляными работами на строительстве нам удалось исследовать основание Китайской стены и выяснить детали конструкции этого лучшего русского фортификационного сооружения первой половины XVI в. Оказалось, что фундамент стены опирается на каркас из бревен, лежащий на бутовой подушке, под которой в грунт забиты сваи (рис. 40—2). Все основание стены было врыто почти на 1 м в культурный слой.

Рядом со стеной, близ современного Москворецкого моста, нам удалось открыть чрезвычайно любопытное сооружение — дубовые ряжи рва, который существовал здесь еще до Алевизова (рис. 40—1). Ров древнее Китайской стены и относится к концу XV в. Это, очевидно, часть древнейших укреплений посада. К первой половине XVI в. относится постройка, принадлежащая исследованной нами большой боярской усадьбе с каменными палатами, с крыльцом на двух столбах. Здание находилось в глубине двора, а на улицу выходили две хозяйственные постройки с глухими стенами. Одна из построек представляет значительный интерес. Это — прекрасно оборудованный ледник с выложенным кирпичом полом. Вода, образующаяся от таяния льда, отводилась специальной трубой в особый колодезь (рис. 41).

Можно считать, что главным результатом проведенной работы является открытие Московского ремесленного посада домонгольского периода.

В своем приветствии Москве в день ее 800-летия И. В. Сталин писал: «Историческая заслуга Москвы состоит в том, что она была и остается основой и инициатором создания централизованного государства на Руси»². Чрезвычайно важны те экономические предпосылки, которые позволили Москве сыграть ту роль, на которую указывает товарищ Сталин.

Еще недавно в исторической науке велись споры: была ли Москва в XII в., при Юрии Долгоруком, городом или только княжеской усадьбой? М. Н. Тихомиров в своей работе «Древняя Москва» сумел найти ряд доказательств, что Москва уже в то время была городом. Теперь же, когда здесь открыты следы древнего ремесленного производства, собраны образцы древнейшей керамики, найдены доказательства развития торговых

¹ А. Ф. Медведев. Водоотводные сооружения древнего Новгорода. КСИИМК, вып. XL.

² «Правда», 7 сентября 1947 г.

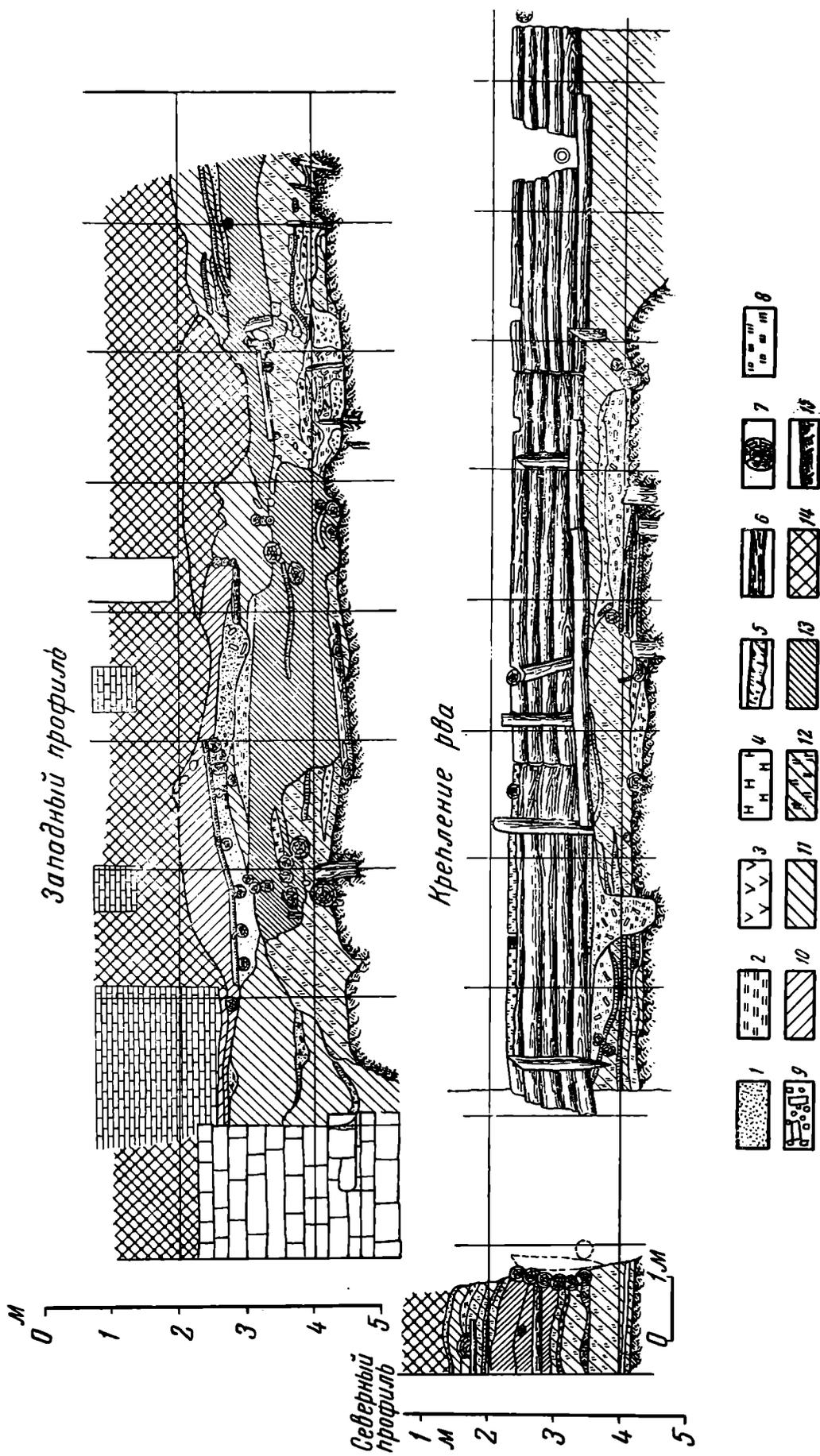

Рис. 40. Основание стены Китайгорода и древнейший ров посада. 1 — траншея 1 у стены Китайгорода

Условные обозначения: 1 — песок; 2 — глина; 3 — уголь; 4 — навоз; 5 — береста; 6 — бревна; 7 — торцы; 8 — щепа; 9 — прослойка из битого кирпича и раствора известки; 10 — серовато-черная земля, густо насыщенная песком, кирпичами, углем, костями, керамикой; 11 — серая земля с примесью песка, кирпича, щепы; 12 — плотная коричневая земля с вкраплениями щепы; 13 — черная земля с примесью песка, глины, угля, кирпича; 14 — перекоп; 15 — материк

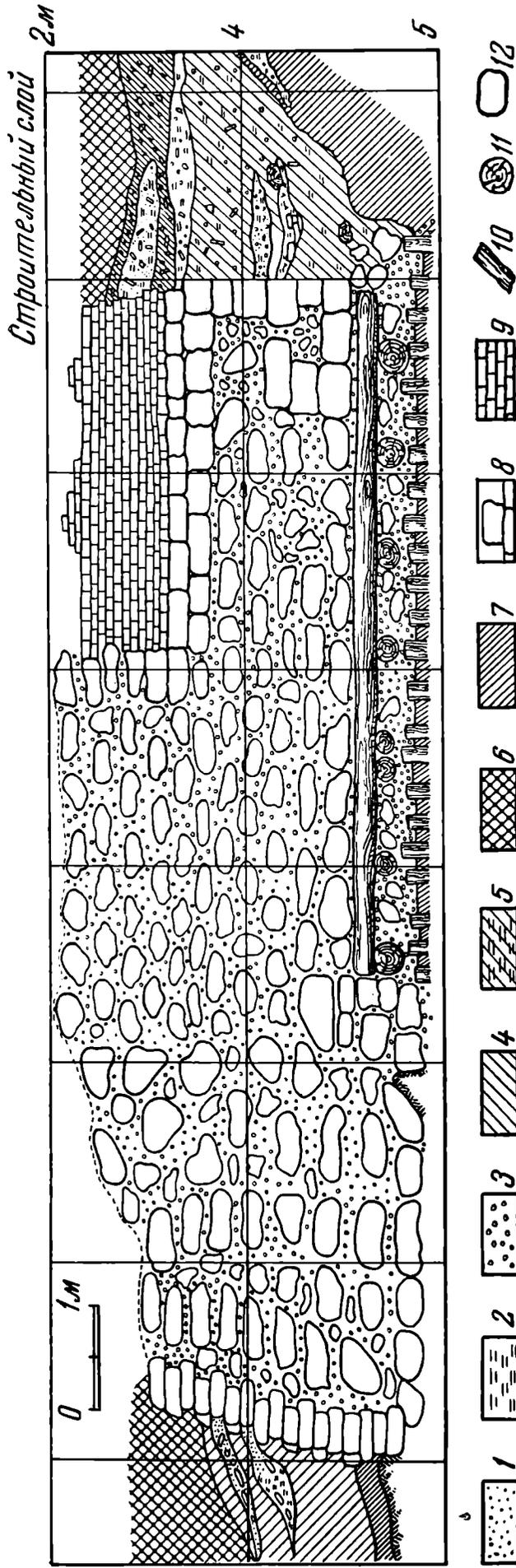

Рис. 40. Основание стены Китайгорода. 2 — западный разрез в траншее у башни Захаб.

Условные обозначения: 1 — песок; 2 — глина; 3 — известняк; 4 — слой черной земли, насыщенной костями и щепой; 5 — слой сероватой земли, насыщенной глиной; 6 — перекоп; 7 — интенсивно-черная земля; 8 — кладка белого камня; 9 — кладка кирпича; 10 — брешня; 11 — торец; 12 — бутовый камень.

связей уже в XI—XII вв., можно сказать с уверенностью, что Москва была не только княжеской усадьбой, а значительным по тому времени городом, который быстро восстановился после монгольского разгрома, выдержал борьбу с таким серьезным соперником, как Тверь, и сумел выйти

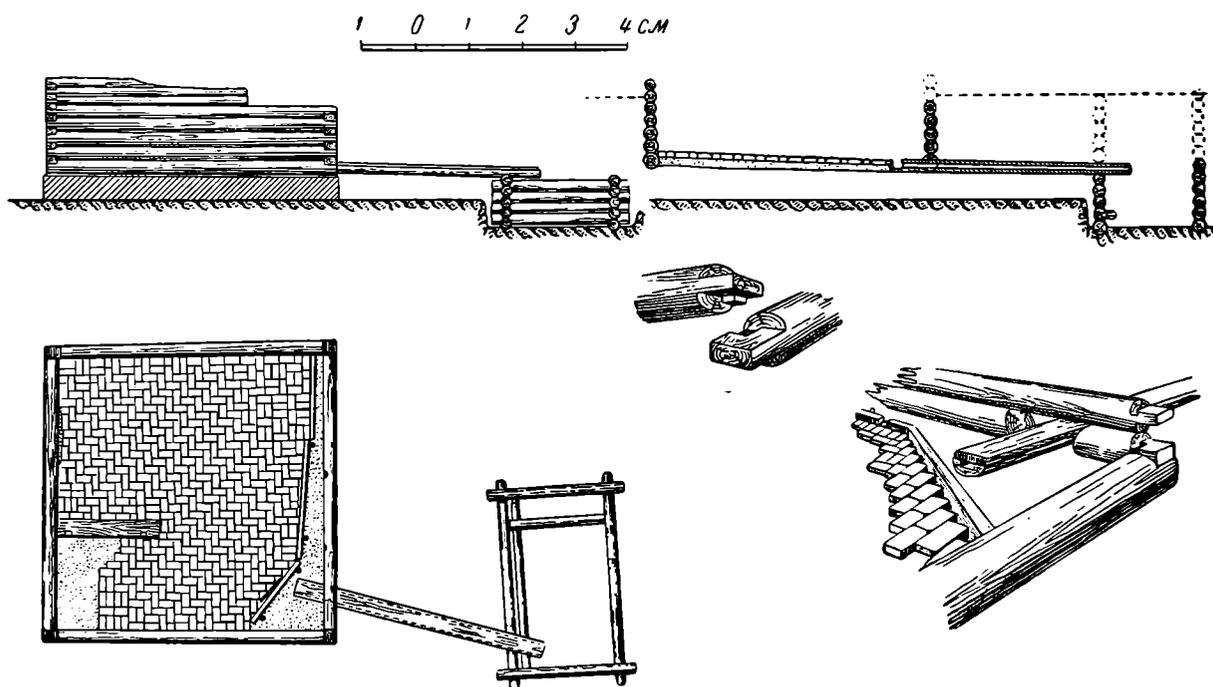

Рис. 41. Конструкция ледника

победителем в борьбе с татарами только потому, что у него была сильная экономическая основа — ремесленный и торговый посад.

Такой вывод можно сделать уже сейчас, до окончания обработки материалов раскопок.

В. Р. ТАРАСЕНКО

РАСКОПКИ МИНСКОГО ЗАМЧИЦА В 1950 ГОДУ

Основной целью археологических работ 1950 г. на Минском Замчище являлось продолжение раскопок храма, обнаруженного в 1949 г.¹ Раскоп 1950 г., напоминавший в плане букву Г, примыкал северной и восточной сторонами к раскопам предшествующих лет. Площадь, вскрытая в 1950 г., равнялась 250 м², из них полностью, до материка, исследовано 150 м². В слоях XVII—XVIII вв. обнаружено кладбище, в котором выявлено десять погребений.

Около половины площади раскопа, особенно в западной части, на глубине 2,00—2,25 м занято слоем древней мостовой, замощенной мелким камнем. Поскольку выше ее в культурном слое в большом количестве встречались вещи XVII в. (покрытые зеленой глазурью печные изразцы с типичным для того времени орнаментом, обломки сосудов, покрытых такой же глазурью, наконец, медный солид — монета, чеканенная в середине XVII в. при польском короле Яне Казимире), можно думать, что каменная мостовая была сооружена в XVI в.

Относительно слабая насыщенность культурными остатками напластований, которые можно было бы датировать XIV и XV вв., видимо, объясняется тем, что в течение этих двух столетий укрепленный центр города (замок) и городской рынок находились на Троицкой горе и лишь с XVI в. центр города вновь перенесен был в устье Немиги. Тогда же, повидимому, весь этот район города получил название «Старого рынка», а холм, на котором был построен замок, получил название «Замчища».

Уже непосредственно под каменной мостовой XVI в. начали попадаться в большом количестве стеклянные браслеты и шиферные пряслица, которые можно датировать XIII в., во всяком случае не позже начала XIV в., если допустить, что вещи, передаваясь по наследству, могли сохраниться по прекращении их производства в результате татаро-монгольского нашествия. В древнейших слоях Минского Замчища найдено 15 каменных пряслиц, из которых 14 красношиферных овручского типа и одно — из серого известняка. На двух шиферных пряслицах имелись нарезки, повидимому знаки собственности. Стеклянных браслетов оказалось 97 экземпляров.

В домонгольских слоях Замчища, начиная с глубины 2,75 м от современной поверхности, стали выявляться очертания деревянных настилов

¹ В. Р. Тарасенко. Раскопки Минского Замчища. КСИМК, вып. XXXV, 1950.

мостовых и срубных построек, расположенных в несколько ярусов друг над другом. Всего на площади 150 м² обнаружено четыре деревянных настила, причем второй и третий сверху, как выяснилось в процессе раскопок, составляют единую конструкцию и, таким образом, второй настил представляет собой, очевидно, результат ремонта одного из участков третьей мостовой.

Мостовая, простиравшаяся с севера на юг и занимавшая западную часть раскопа, принадлежала главной улице Замчища. Продолжение этой улицы, выходящей, очевидно, на южной стороне за пределы Замчища, прослеживалось в раскопах 1948 и 1949 гг. От этой улицы в северо-восточном направлении ответвлялся также замощенный, но более узкий переулок. Два жилых дома и кожевенная мастерская, выявленные в 1948 г., располагались по сторонам переулка. В раскопе 1950 г. также обнаружено ответвление от главной улицы в СВВ направлении. Это второй переулок, почти параллельный первому, уходит в восточную стенку раскопа 1950 г. К северу от него, в той части раскопа, которая на северо-востоке соприкасалась с площадью, вскрытой в 1948 г., выявлены остатки двух построек: хлева (ближе к мостовой) и, вероятно, южная часть кожевенной мастерской (на самом краю раскопа). На этом участке раскопа найдена основная масса фрагментов гладких и витых стеклянных браслетов и большинство шиферных пряслиц.

Поверхность деревянной мостовой не была строго горизонтальной, и уровни поверхности улиц и переулков города в различных пунктах сильно отличаются друг от друга. Так, например, переулок, идущий в раскопе 1950 г. с ССВ на ЮЗЗ, имеет уровень мостовой в СВВ конце 2,75—2,85 м, а в месте соединения с главной улицей 3,05—3,15 м, т. е. явный уклон к ЮЗЗ, тогда как главная улица имеет уклон к югу.

К югу от переулка, шедшего с СВВ на ЮЗЗ к главной улице, были обнаружены следы двух длинных срубов, разделенных внутри на три отдельных помещения. Меньший внутренний сруб (от которого сохранились лишь два-три нижних венца), более древний, погиб от пожара. Оба сруба, расположенные вдоль мостовой переулка, бревна которой в одном месте также сохраняют следы пожара, вскрыты не полностью, так как южная часть зданий уходит в стенку раскопа. Во всяком случае, можно сказать, что второй, большой сруб, стены которого охватывают сгоревший меньший, относится к более позднему времени и что ни тот, ни другой не были ни жилыми, ни хозяйственными постройками, так как в них нет ни малейших следов печей, а бытовые предметы ограничиваются всего одним пряслицем и тремя черепками глиняных сосудов. Трудно также предположить, чтобы это были остатки городских стен, потому что они стоят слишком близко к центру Замчища и далеко от края холма. Описанные остатки сооружений, вероятно, принадлежат двум деревянным церквям-часовням, построенным последовательно.

После снятия настила переулка, обнаруженного в 1950 г., оказалось, что под ним сохранились остатки еще одного настила. Эта нижняя мостовая, связанная с четвертым настилом главной улицы и сохранившаяся хуже верхней, обрывалась на полпути. К востоку от конца настила обнаружены расположенные в одну линию два досчатых сосновых гроба с костяками. Если признать длинные срубы в южной части раскопа остатками церквей-часовен, то можно допустить связь погребений с древнейшим внутренним обгоревшим срубом. Связывать их с внешним срубом невозможно, так как последний одновременен с настилом-мостовой, перекрывающей погребения сверху.

Сохранность погребений средняя. Уцелели гробы, крышки и боковые стенки которых оказались обернутыми большими кусками бересты. Сохранились черепа, крупные кости скелетов, а также мягкая кожаная обувь с

кожаными же шнурами-завязками, кожаные ожерелья с крестами, сплетенными из кожаных шнурков, остатки нижней, льняной, и верхней, шерстяной одежды.

Основным объектом исследования была алтарная часть храма, частично вскрытого в 1949 г.

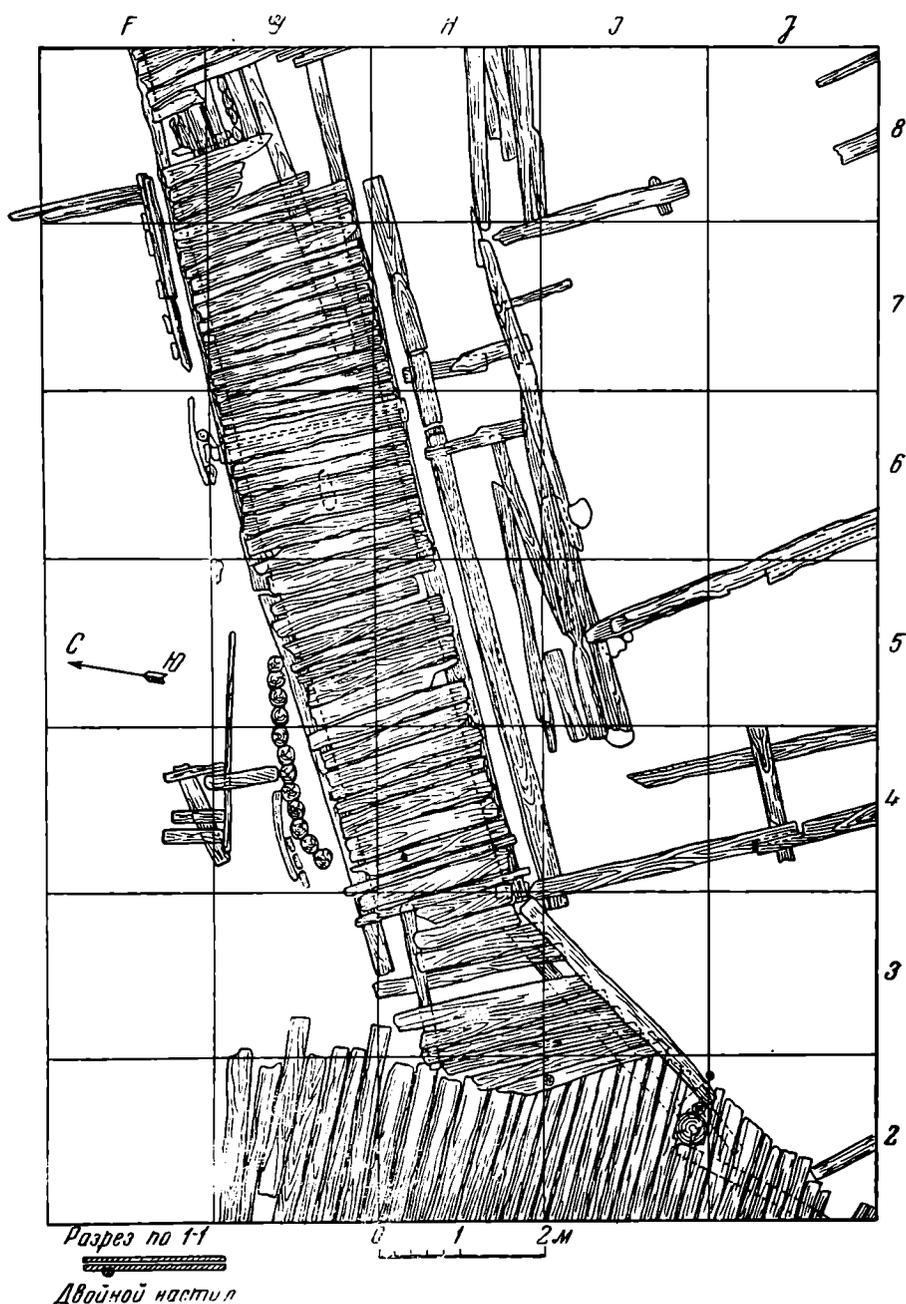

Рис. 42. Бревенчатая мостовая над остатками каменного храма

Продолжение фундамента и сохранившейся части стен храма постепенно выявлялось вслед за разборкой и снятием деревянных конструкций (мостовых и срубных построек) более позднего времени (рис. 42).

Храм оказался трехнефным (трехабсидным). Центральное алтарное полукружие (абсида) несколько выдвинуто по сравнению с двумя боковыми абсидами (рис. 43). Северный неф с двумя находившимися в нем погребениями был частично исследован в 1949 г. Ширина храма 9 м, длина пока не может быть точно установлена, поскольку западная половина здания еще не раскопана. Однако можно предположить, что она достигает

20—25 м. Размеры здания, а равно и капитальный характер кладки его стен, достигающих толщины 1,5—1,6 м,— свидетельство того, что вскрыта городская церковь средних размеров.

При расчистке внутренней части центральной абсиды храма, как раз посреди ее, была обнаружена зарытая вертикально в землю тщательно отесанная прямоугольная каменная плита, достигающая 0,5 м длины. В то же время внутри алтарной абсиды сохранились лежавшие «клеткой» четыре бревна, два из которых, ориентированные с востока на запад, почти вплотную примыкали к северной и южной каменным стенам абсиды, а два других,

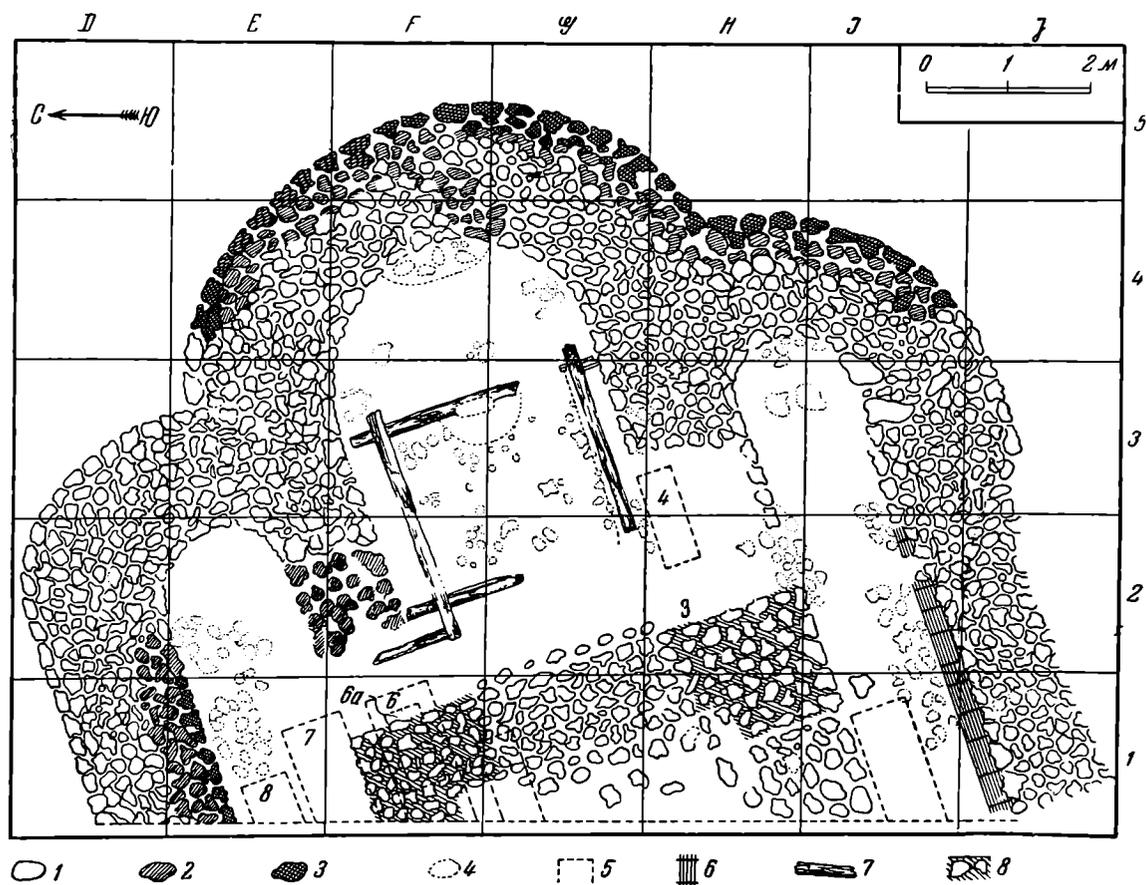

Рис. 43. План расположения остатков стен храма

1— камни первого ряда сверху; 2— камни второго ряда; 3— камни третьего и последующих рядов; 4— камни развала; 5— очертания гробов; 6— облицовка из плиток известняка; 7— бревна основания пола; 8— площадь, являющаяся основанием столбов, внутри которой камни скреплены известью

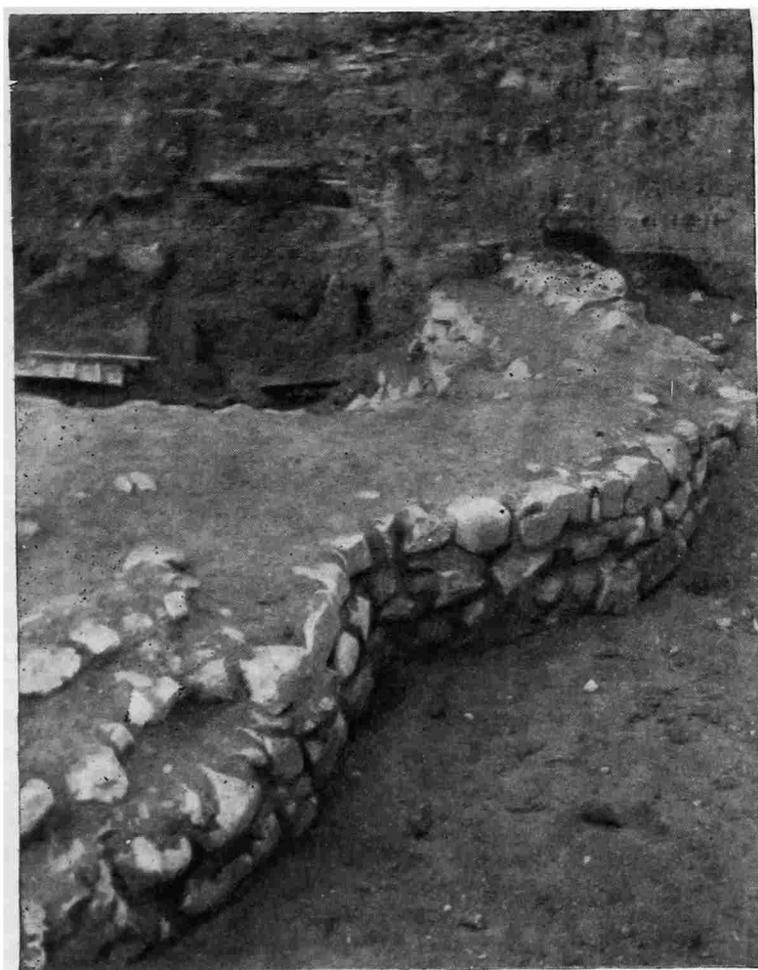
расположенных под прямым углом к первым, упирались своими концами в эти стены. Очевидно, перед нами бревна, на которые были положены доски пола, возвышавшегося в алтаре примерно на 0,5 м над полом остальной части храма, где обнаружены остатки таких же бревен. Поднятие алтарной части на две-три ступени обычно в православных храмах.

Интересно отметить, что каменная плита примерно на четверть своей высоты выступала выше пола алтаря, что объясняется обычаем помещать при закладке православных храмов под престолом алтаря так называемый «камень заложения».

Найдена сохранившаяся в двух пунктах внутренней поверхности южной храмовой стены облицовка, состоящая из обтесанных плиток известняка, которым придана форма кирпичей (рис. 44—1). Мастерская по изготовлению плиток была открыта к северу от храма, рядом с ямой для гашения извести, еще в 1948 г. Применение извести при кладке храмовой стены

1

2

Рис. 44. Остатки храма Минского Замчища

1 — облицовка стен с внутренней стороны храма известняковыми плитами;
2 — кладка фундамента северного нефа (вид с востока)

было установлено ещё в 1949 г.; назначение же плиток выяснилось лишь теперь. На расстоянии около 1,5 м к западу от концов стен алтарного полукружия обнаружены две прямоугольные площадки, состоящие из плотно соединенных известью камней,—видимо, основания столбов, поддерживавших своды храма.

Оригинальной особенностью в архитектуре и строительных приемах открытого на Минском Замчище храма, кроме внутренней облицовки стен известняковыми плитками и заметного выдвигания среднего алтарного полукружия, является то, что стены его были сложены исключительно из гранитных, слегка подтесанных камней на известковом растворе (рис. 44—2), а не из плоских кирпичей, или плинф, примененных при строительстве ряда каменных храмов древней Руси.

Кроме двух погребений, открытых в 1949 г. в пределах северного бокового нефа, в 1950 г. внутри храма обнаружено еще шесть погребений; три из них оказались детскими. Выяснилось, что все шесть погребений являются несомненно впущенными и не имеют прямой связи с храмом, как, вероятно, и оба погребения из раскопок 1949 г.

Погребения совершены уже после разрушения храма и должны быть отнесены к XII в., поскольку они перекрыты сверху самой ранней из существовавших на Замчище настилов мостовых, которую можно датировать концом XII или началом XIII в.

Анализ культурных напластований, примыкавших к стенам, показал, что до сооружения храма на Минском Замчище существовало лишь небольшое поселение, не носившее еще ярко выраженного городского характера и, быть может, являвшееся лишь укрепленной боярской усадьбой. Культурный слой этот лежит на глубине 5,20—5,32 м. Фундамент храма прорезает его, доходя до глубины 6,75 м. Выше уровня 5,20 м обеих сторон стен храма ясно прослеживается слой желтого материкового песка, выброшенного при рытье рва под фундамент. Тонкий культурный слой (12 см толщины), в котором сохранились следы первого поселения на Замчище, может быть отнесен к XI в. Он является верхней частью древнейшего почвенного слоя Замчища и лежит непосредственно на материке. Сразу же над ним залегает поверхность, на которой был воздвигнут каменный храм, ибо верхняя граница фундамента и начало стен лежат на той же глубине 5,20 м, что дает основание относить время сооружения храма к самому началу XII в.

В летописных источниках нет сведений о каменном храме в Минске. Это может объясняться лишь тем, что либо храм остался недостроенным, либо просуществовал очень недолго. Первое из этих предположений опровергается наличием внутри храма следов пола и облицовки стены известняковыми плитками, что не могло бы иметь места, если бы храм не был достроен. Но что функционировал он очень недолго, доказывается наличием внутри него ряда погребений, также относящихся к XII в., но совершенных уже после разрушения здания.

Сопоставляя археологические данные со свидетельством летописи о первом минском князе Глебе Всеславиче, получившем стол после смерти отца, полоцкого князя Всеслава Брючиславича, в 1101 г., о свержении и захвате его в плен киевским великим князем Владимиром Мономахом в 1119 г., приходится признать, что наиболее вероятным строителем минского храма является князь Глеб.

По летописным данным, после пленения в 1119 г. князя Глеба и вплоть до водворения в 1146 г. на минское княжение сына Глеба, Ростислава, город управлялся непосредственно киевским великим князем, вероятно, при помощи наместников. Разрушение минского храма могло произойти при поражении и пленении Глеба Всеславича в 1119 г. и, возможно, должно было подчеркнуть утрату Минском его положения стольного княжеского города.

Новую планировку, прокладку первых деревянных мостовых, перекрывших сверху территорию храма, повидимому, следует связывать с водворением в Минске Ростислава Глебовича в 1146 г. Если согласиться с такой датировкой, которой не противоречат и археологические данные, то необходимо признать, что в период с 1119 по 1146 г. место разрушенного храма оставалось незастроенным и могло использоваться под кладбище.

Что касается отдельных находок, сделанных на территории Минского Замчища во время раскопок 1950 г., то, помимо уже отмеченных керамики, бус, овручских пряслиц и разноцветных стеклянных браслетов киевского типа, число их невелико. И это вполне понятно, поскольку большая часть

Рис. 45. Золотой браслет, найденный возле погребения № 3 внутри храма

раскопочной площади в нижних горизонтах занята руинами храма, а выше — кладбищем.

Среди этих находок, обнаруженных в основном вне стен храма, в северо-восточном углу раскопа, можно выделить наконечник железной ромбовидной стрелы, два ключа, точильный каменный брусок, медные перстень и шило с лопатковидной рукоятью, аналогичное найденному в 1948 г., и два медных или бронзовых браслета.

Наиболее интересна находка при зачистке внутренней части храма, несколько ниже одного из детских погребений, находившегося на границе южного нефа и центральной части храма.

Здесь обнаружен массивный (весом в 75,472 г) золотой браслет, витой из трех сложенных вдвое толстых проволок, переплетающихся друг с другом. Оба не соединенные между собой конца искусно выполнены в виде стилизованных змеиных голов (рис. 45).

Медные или бронзовые пластинчатые несомкнутые браслеты со змеиными головами на концах часто встречаются в курганных погребениях центральной части БССР, в Литовской и Латвийской ССР. Подобные браслеты связываются обычно с бытованием змеиного культа. Во всяком случае нигде, кроме указанной территории, они не встречаются, если не считать единичных находок. Тщательная и искусная обработка браслета из Замчища говорит за то, что он был сделан в мастерской искусного городского мастера-ювелира. Наличие на браслете змеиных головок

доказывает, что изготовлен был где-то в районе распространения змеиного культа, вероятнее всего — на территории современной Белоруссии.

Остается коснуться еще одного вопроса, связанного с малой мощностью культурного слоя XI в., непосредственно предшествовавшего времени сооружения храма. Этот слой, толщиной не более 10—12 см, содержал следы сгоревших легких построек с глинобитными полами, деревянных заборов, а из бытовых предметов — деформированные под действием огня черешки глиняных сосудов, в числе которых находились и обломки крупных амфоровидных, снабженных ручками корчаг, употреблявшихся для хранения вина. Именно наличие таких корчаг опровергает мысль о существовании здесь в XI в. поселения сельского типа. Можно предполагать, что в XI в. на Замчище был либо небольшой город, либо боярский двор. По летописным данным, в 1067 г. Минск уже был разрушен войсками Ярославичей и, следовательно, возник как укрепленное поселение еще раньше.

Если же предположить, что в XI в. на холме Замчища был только укрепленный боярский двор или усадьба, то, учитывая бедность находками древнейшего культурного слоя и незначительность его мощности, придется признать, что Минск в XI в. находился в другом пункте. Были это ближайший холм, например Троицкая гора, лежащая также в пределах современного Минска, или древнее городище, расположенное при впадении в Птичь реки Менки недалеко от деревни Строчицы, которое А. Н. Ясинский предположительно считал остатками летописного Минска, сказать трудно. Решить этот вопрос можно лишь раскопками широкого масштаба в обоих пунктах. Если бы в одном из них удалось найти остатки материальной культуры города X—XI вв. при отсутствии культурных слоев XII и XIII вв., то можно было бы ставить вопрос о перенесении с одного из этих пунктов на Минское Замчище укрепленного детинца в начале XII в., когда наличие на Замчище следов княжеского города Минска не может вызвать никаких сомнений.

Открытие в 1949—1950 гг. на Минском Замчище руин древнего каменного храма и предметов с княжескими знаками очень важно для понимания древнейшей истории города, а тем самым для изучения прошлого Белоруссии, истории древнего русского зодчества и культуры.

РЕЗОЛЮЦИЯ

СЕССИИ ОТДЕЛЕНИЯ ИСТОРИИ И ФИЛОСОФИИ АН СССР
И ПЛЕНУМА ИИМК АН СССР, ПОСВЯЩЕННЫХ ИТОГАМ
ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ЗА 1946—1950 ГОДЫ

Основной задачей сессии Отделения истории и философии АН СССР и пленума ИИМК АН СССР являлось подведение итогов пятилетней работы археологов СССР, в основу которой положены решения, принятые на Всесоюзном археологическом совещании, созванном ИИМК АН СССР в 1945 г.

В сессии и пленуме приняли участие археологи Академии Наук СССР и ее филиалов — Туркменского, Казанского, Киргизского, Дагестанского, Молдавского и Крымского, академии наук Украины, Белоруссии, Азербайджана, Грузии, Армении, Узбекистана, Казахстана, Латвии и Эстонии, университетов Москвы, Ленинграда, Саратова, Кишинева, Воронежа, Свердловска, Харькова, Тарту и Львова, научно-исследовательских институтов и музеев Москвы, Киева, Ленинграда, Минска, Тбилиси, Еревана, Баку, Риги, Тарту, Ашхабада, Фрунзе, Махач-Калы, Саратова, Ташкента, Краснодара, Н.-Тагила, Симферополя, Уфы, Херсонеса (Севастополя), Ставрополя, Керчи, Дзауджикау, Пензы, Ростова, Чебоксар, Волковыска, Тюмени, Львова, Казани, Ужгорода, Куйбышева, Запорожья и Дзержинска (Горьковской области).

Заслушанные на сессии Отделения истории и философии и на пленуме ИИМК доклады подтвердили, что перспективный план научно-исследовательской работы советских археологов, принятый на Всесоюзном археологическом совещании в 1945 г., в первое послевоенное пятилетие был основой работы археологических учреждений СССР. Именно проблемы пятилетнего плана явились основой деятельности центрального археологического учреждения СССР — Института истории материальной культуры — и других археологических учреждений. Этим была внесена ясность в организацию археологической работы и был избегнут ранее существовавший параллелизм в деятельности различных археологических учреждений. Важнейшими мероприятиями для археологической работы являются специальное «Постановление о мерах улучшения охраны памятников культуры» и «Положение об охране памятников культуры».

Эти законодательные акты положили конец недостаточному вниманию к памятникам культуры и в их числе археологическим, а опыт применения этих актов на великих стройках коммунизма и других строительствах показал, какое огромное значение имеют они для обеспечения научного исследования памятников культуры.

Личная забота товарища Сталина об охране и исследовании памятников культуры обеспечила невиданный еще размах археологических исследований и расцвет советской археологической науки.

Одним из самых ярких показателей значительных достижений советской археологии за истекшее пятилетие является рост печатной продукции по археологии, которая по одному лишь ИИМК за 1946—1950 гг. составила 1030 печ. листов, т. е. намного превосходит довоенный уровень.

Расцвет советской археологии особенно очевиден на фоне упадка археологии в капиталистических странах. Археологические исследования в буржуазных странах крайне сокращены, а археологические издания все в большей степени посвящаются пропаганде человеконенавистнических расистских бредней, попыткам оправдать реакционную сущность капиталистического строя.

Наряду с этим в странах народной демократии и в Китайской Народной Республике, порвавших с капитализмом, наблюдается значительный подъем археологической науки, представители наиболее прогрессивных течений которой, беря пример с советской науки, борются за марксизм в археологии.

Все эти факты налагают на нас, советских археологов, огромную ответственность за качество и идейно-теоретический уровень нашей работы, обязывают нас решительно выступать против вредного влияния буржуазной идеологии космополитизма, аполитичности и безидейного объективизма.

Важнейшим событием за истекшее пятилетие, раскрывающим перед советскими археологами невиданные еще перспективы плодотворного научного исследования, явился выход в свет гениальных трудов товарища Сталина по вопросам марксизма в языкознании. В свете этих работ ярко выступили те недостатки, которые имели место в трудах советских археологов в связи с использованием положений «теорий» Н. Я. Марра.

Советские археологи должны еще шире развернуть работу по скорейшей ликвидации того вреда, который Марр и его «ученики» принесли советской археологической науке, и по развитию нашей науки в свете гениальных трудов товарища Сталина.

Важнейшее значение в этой работе имеет развертывание критики и самокритики, организация теоретических дискуссий и обсуждений, ибо, как указал товарищ Сталин, «никакая наука не может развиваться и преуспевать без борьбы мнений, без свободы критики».

Развитие советской археологии по марксистско-ленинскому пути, несмотря на трудности, которые приходилось преодолевать особенно из-за проникновения в науку взглядов Н. Я. Марра и его «учеников», привело в истекшем пятилетии к большим достижениям по изучению древнейших эпох истории нашей великой Родины.

В настоящее время результаты археологических исследований во все большем объеме используются в общепромышленной работе. Освещение далекого прошлого народов нашей Родины в общепромышленных работах стало возможным в результате достижений советской археологической науки.

Благодаря гениальным работам товарища Сталина перед советскими археологами открыты широчайшие перспективы для изучения проблем происхождения народов и конкретного исследования их истории.

За истекшее пятилетие были сделаны крупные открытия во всех основных областях советской археологии. Прежде всего необходимо отметить, что впервые на территории СССР были открыты и изданы памятники древнейших периодов истории человечества — шель и ашель, обнаружены и опубликованы стоянки мустьерского времени, а в отношении верхнего палеолита, в противоположность ранее сделанным заключениям, выяснены ориньякские слои палеолитических стоянок Восточной Европы.

В области палеолита, неолита, эпохи бронзы и раннего железа не только велось полевое исследование, но и создан ряд больших монографий, осветивших конкретную картину жизни и развития древнейших родов и племен и процесс образования народностей на территории нашей страны.

Важнейшие открытия и крупные исследования были осуществлены в области изучения древневосточных и античных рабовладельческих государств. Особенно следует отметить работы по изучению памятников Урарту и государств эпохи эллинизма на Кавказе и в Средней Азии.

За минувшее пятилетие были проведены полевые исследования и создан ряд крупных обобщающих работ по истории раннефеодальных государств у народов Поволжья, Южной Сибири, Средней Азии и Закавказья.

Большое внимание уделялось вопросам происхождения восточного славянства, исследованию древнерусских городов и истории культуры древней Руси. По всем этим проблемам создавались монографии, коллективные труды и сборники исследовательских работ.

Шесть работ, выполненных по плану Института, удостоены Сталинской премии.

Подытоживая работу, сделанную советскими археологами в первом послевоенном пятилетии, необходимо отметить, что, несмотря на ряд существенных достижений и значительный размах полевых исследований, все же территория Советского Союза остается недостаточно изученной в археологическом отношении.

За последние годы начаты археологические исследования в западных областях нашей Родины, в Прибалтийских республиках, в западных частях Украины и Белоруссии и в Молдавии. Эти работы необходимо всячески расширять ввиду их исключительно важного значения для решения вопросов происхождения и истории восточных славян и их соседей.

По тем же причинам следует обратить внимание на развертывание исследовательских работ в области верховьев Днепра и Западной Двины и в Волго-Окском междуречье.

Археологические работы в районе великих строек на Волге и Каме должны лечь в основу изучения истории народов этой части нашей страны. Необходимо также развить исследования на Южном Урале и в области между Уралом и Каспийским морем, где должны быть проведены работы в связи с строительством Сталинградского канала.

На юге следует обратить особое внимание на исследование предскифской эпохи, истории скифо-сарматских и синдо-меотских племен и их взаимоотношений с античными центрами северного Причерноморья и Крыма, которые, в свою очередь, должны подвергнуться исследованию, особенно в отношении древнейшего периода их истории. Необходимо перейти к монографическому обобщению археологических источников по скифам и сарматам и по античным городам Причерноморья, в изобилии хранящихся в музеях страны.

Исследования археологических памятников Кавказа и Средней Азии, включая Казахстан, должны быть еще более развиты с целью возможно более полного освещения их древней истории, которая до сих пор все же остается известной только фрагментарно.

Продолжать изучение Саяно-Алтайского нагорья и Прибайкалья. Также обратить самое серьезное внимание на исследование почти не изученных в археологическом отношении областей Западной Сибири, Восточного Зауралья, Карелии, советского Севера и на начало работы на Дальнем Востоке. В этой огромной работе должны принять участие все научно-исследовательские учреждения, ведущие исследования по археологии. Планы их работ необходимо должным образом координировать.

В этих целях следует просить Совет по координации АН СССР провести специальное совещание представителей научных учреждений, ведущих

археологические исследования, для координации их деятельности. В ходе работ по выполнению плана археологических исследований во второй послевоенной пятилетке считать крайне необходимым созыв пленумов ИИМК АН СССР с участием местных учреждений по вопросам историко-археологического изучения отдельных частей нашей Родины.

Разрабатывая основные проблемы нашей науки, советские археологи должны двигаться по пути творческого марксизма, начертанному в гениальных трудах товарища Сталина. Важнейшей задачей является окончательное освобождение от вредных влияний «теорий» Н. Я. Марра и создание подлинной гражданской древней истории нашей Родины. Это одинаково относится как к глубокой древности, эпохе камня и бронзы, так и к более позднему времени, вплоть до эпохи развития античных и средневековых государств на территории СССР.

Необходимым условием этого должны быть выявление древних родов и племен и определение среди последних тех племен, которые становились ведущими в процессе сложения народностей.

Большой материал по вопросу образования народностей необходимо тщательно пересмотреть, так как в интерпретации его было особенно сильно влияние Марра. Дальнейшую работу по разрешению этой проблемы нужно проводить в тесном контакте с лингвистами, этнографами, антропологами и представителями других смежных дисциплин.

Руководящее значение в разработке этой проблемы имеют указания товарища Сталина, в особенности положение о том, «что элементы современного языка были заложены еще в глубокой древности, до эпохи рабства».

Одной из важнейших задач является изучение истории племен восточного славянства, в частности территории древних русов, областей курско-орловского и киевско-полтавского диалекта, дальнейшее развертывание исследования и создание обобщающих трудов по образованию русского государства, русских городов, по развитию русской культуры, а также по образованию государств и развитию культуры других народов нашей Родины.

В этой работе огромную роль должны сыграть археологические экспедиции в районы великих строек коммунизма.

Сессия ОИФ и пленум ИИМК считают неправильным ходатайство Новгородского облисполкома о снятии с охраны ряда выдающихся памятников архитектуры древнего Новгорода и постановляют просить Президиум Академии Наук СССР обратиться в Совет Министров СССР с ходатайством о принятии мер к обеспечению должной охраны новгородских памятников искусства и истории русского народа.

В борьбе против проникновения влияния буржуазной науки, в борьбе против вульгаризации марксизма и за разработку проблем советской археологии по марксистско-ленинскому пути советские археологи должны неизменно опираться на гениальные указания величайшего корифея науки товарища Сталина.

III. ХРОНИКА

Н. К. ЛИСИЦЫНА

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В РСФСР В 1950 ГОДУ

Число археологических экспедиций на территории РСФСР, масштаб и тематика их работы в 1950 г. по сравнению с предыдущим годом значительно расширились. Комитет полевых исследований выдал 116 открытых листов на право производства археологических раскопок и разведок.

Исследования производились на территории 41 области (Московская область и г. Москва, Новгородская область и г. Новгород, Псковская, Калининградская, Ленинградская, Великолукская, Смоленская, Вологодская, Ярославская, Владимирская, Горьковская, Рязанская, Калужская, Курская, Пензенская, Ростовская, Воронежская, Саратовская, Сталинградская, Ульяновская, Куйбышевская области, Татарская АССР, Чувашская АССР, Мордовская АССР, Чкаловская, Челябинская, Свердловская, Молотовская области, Дагестанская АССР, Ставропольский край, Краснодарский край, Крымская, Тюменская, Омская, Томская, Иркутская, Читинская области, Горно-Алтайская и Хакасская автономные области, Бурят-Монгольская АССР, Кемеровская область). Кроме того, выданы открытые листы на право производства археологических исследований в пределах Карело-Финской и Молдавской ССР.

С каждым годом все больше местных исследователей и краеведов привлекается к изучению археологических памятников.

Важнейшее место среди археологических изысканий в 1950 г. заняли работы в зонах великих строек коммунизма — продолжала свою большую и разнообразную работу Волго-Донская экспедиция, начала работу огромного масштаба Куйбышевская экспедиция.

В связи с работой по составлению паспортов археологических памятников были проведены многие разведочные экспедиции.

В 1950 г. начаты археологические работы в зоне строительства Куйбышевской ГЭС. Экспедиция под руководством А. П. Смирнова работала несколькими отрядами на территории Куйбышевской области и Татарской АССР. Основные работы велись в древнем городе Болгарах (Куйбышевский район Татарской АССР)¹.

Отряд экспедиции под руководством Н. Ф. Калинина занимался разведками археологических памятников на территории Татарской АССР².

¹ А. П. Смирнов. Археологические исследования в зоне строительства Куйбышевской ГЭС в 1950 году; А. М. Ефимова. Древние инженерные сооружения по укреплению берега в г. Болгары; О. С. Хованская. Раскопки бани начала XIV века на Болгарском городище. КСИИМК, вып. XLIV.

² Н. Ф. Калинин. Экспедиция по западным районам Татарской АССР. КСИИМК, вып. XLIV.

Отряд Н. Я. Мерперта исследовал в основном курганы эпохи бронзы в Ставропольском районе Куйбышевской области¹.

Отряд А. Е. Алиховой произвел раскопки и разведки памятников (Шигонский район Куйбышевской области), расположенных по р. Усе от с. Муранки до ее устья. На Муранском могильнике вскрыто 38 погребений XIV в., принадлежащих мордве-мокше. Рядом с могильником обнаружено мусульманское кладбище. На Муранском селище было заложено несколько небольших раскопов, в которых обнаружена болгарская лепная посуда. Найдены также золотоордынские монеты и несколько мордовских украшений. На берегу р. Усы обнаружена стоянка эпохи бронзы. На Воскресенском селище (у западного конца д. Воскресенки) заложено два раскопа — в одном из них найдена болгарская керамика, в другом — землянка эпохи бронзы. Золотоордынское селище было открыто к югу от пос. Печерские выселки на правом берегу р. Усы. На нем было расчищено два обгоревших дома. Найдена болгарская керамика и бытовые предметы. Березовское селище (на левом берегу р. Усы против Жигулевских гор) дало болгарскую керамику. Вблизи селища вскрыто два погребения без вещей, ориентированные на запад. В небольшом раскопе среди перемешанных человеческих костей был найден энколпион XIII в.; эта находка связывается с могильником.

Отряд А. В. Збруевой производил исследования в пограничном районе между Татарской АССР и Ульяновской областью. Раскопками охвачены Зеленовская и Гулькинская стоянки и Гулькинский могильник. Всего вскрыто 700 м². На Зеленовской стоянке обнаружен дом эпохи бронзы и конца I — начала II тысячелетий н. э. Памятник двуслойный. Было вскрыто 250 м². В нижнем культурном слое найдены каменные орудия, кости животных, обломки керамики. На Гулькинской стоянке вскрыто жилище-землянка (площадь около 170 м²). Найдены кремневые и кварцевые орудия, кости животных, фрагменты керамики и бронзовый нож. Обе стоянки одновременны и, очевидно, являлись поселениями родовых групп одного племени. Гулькинский могильник, судя по его расположению, положению скелетов в могилах и погребальному инвентарю, следует отнести к памятникам ананьинской культуры.

В Горьковской области и Чувашской АССР по р. Суре П. Д. Степанов произвел раскопки и разведки, в результате которых обнаружено еще четыре памятника со следами поселений фатьяновцев. Эти памятники также расположены на местах, позднее занятых городищами городецкой культуры. Все памятники двуслойные. Материал с этих поселений свидетельствует о значительных изменениях, происшедших в быту фатьяновцев к концу их существования в Западном Поволжье. Следов поселения абашевцев не было найдено.

Кроме того, открыто шесть городищ городецких, два мордовских городища, два селища с поздней керамикой, два чувашских и один мордовский могильник. Раскопан один курган абашевской культуры.

М. С. Акимова, в целях получения антропологического материала, раскопала несколько поздних чувашских кладбищ в Чкаловском районе Чувашской АССР. Кроме того, ею произведены раскопки могильника эпохи бронзы около д. Татарские-Тимяши. Здесь вскрыто четыре могилы, относящиеся, судя по керамике, к концу II тысячелетия до н. э. — к хвалынской культуре.

И. В. Синицын, как и раньше, проводил работу на территории Саратовской области и Западного Казахстана².

¹ Н. Я. Мерперт. Курганы эпохи бронзы у села Ягодного. КСИИМК, вып. XLIV.

² И. В. Синицын. Археологические исследования в Саратовской области и Западном Казахстане в 1950 году. КСИИМК, вып. XLV.

Очень большую работу проводила Волго-Донская экспедиция на территории Ростовской области. Основные исследования под руководством М. И. Артамонова, так же как и в предыдущем году, были сосредоточены на городище Белая Вежа, давшие интересные материалы хазарского и славянского времени.

Работой разведочного отряда Волго-Донской экспедиции руководил И. И. Ляпушкин. Были обследованы оба берега р. Дона, от ст. Цымлянской до ст. Нижне-Курмоярской. Небольшие разведочные раскопки были произведены на поселении салтово-маяцкого типа (VIII—X вв.) у хут. Карнаухова (Цымлянский район Ростовской области). Всего было обследовано более 30 поселений различных эпох — поздней бронзы, салтово-маяцкого времени (4) и татарских (4).

Из числа татарских поселений выделяется селище при устье Донской Царицы, где обнаружена вместе с татарской древнерусская керамика киевского типа (XIII в.).

На территории той же области Д. Б. Шелов провел разведку городищ античного времени в дельте р. Дон и в районе г. Таганрога, а также осмотр городищ скифо-сарматской эпохи на Нижнем Дону. Особое внимание было уделено обследованию Недвиговского городища (Танаис). В 1,5 км к западу от городища обнаружено поселение. Обследованы городища Сухо-Чалтырское, поселение, лежащее к востоку от ст. Хапры, городище около ст. Нижне-Гниловской, Подазовское городище. В основном материал с этих памятников позволяет датировать их I—IV вв. н. э. Было осмотрено также Елизаветовское городище и курганы около него. Отмечено очень плохое состояние городищ.

Кроме разведки в устье Дона, произведено обследование памятников в Таганрогском районе. Осмотрено поселение между Петрушиной косой и Петрушиной балкой, курганный могильник к западу от основания Беглицкой косы, Петровская крепость в устье Миусского лимана.

Э. А. Витков занимался археологической разведкой древнего казачьего городка Раздоры (Раздорский район Ростовской области). Установлено точное расположение городка, составлен топографический план острова, на котором он находился, произведена зачистка обнажений и вскрыта небольшая территория (заложено четыре шурфа). Культурного слоя времени существования городка (XVI в.) обнаружено не было, но открыт могильник.

Работа А. Н. Рогачева по исследованию Тельманской стоянки (Гремячинский район, Воронежской области) являлась продолжением раскопок предыдущего года. Раскоп площадью 120 м², углубленный на 4—5 м, был заложен рядом с раскопом 1949 г. Кроме того, было заложено два шурфа 5×3 м и 3×2 м. Открыты четыре культурных напластования верхнепалеолитического времени (ориньяк-солютре). Обнаружены сохранившиеся целиком жилища I и II слоев и остатки жилищ III слоя. Собранный материал позволяет по-новому ставить вопросы хронологии памятников эпохи верхнего палеолита Костенковско-Боршевского района, в частности и всей Восточной Европы вообще.

По реке Дону в пределах Воронежской области производила разведки А. Н. Москаленко. У д. Никольское (Водопьяновский район) был обнаружен могильник, в основном уже разрушенный во время разработки глины. Самых погребений обнаружено не было. Судя по найденным сосудам, ранние погребения можно отнести к катакомбной культуре, более поздние — к срубной культуре эпохи бронзы. На территории Гремячинского района у с. Архангельского обследовано городище, первый этап жизни которого на основании находок керамики датируется VII—II вв. до н. э. Следующий, хорошо датированный период его обитания — боршевское время (IX—X вв.) и затем XVI—XVII вв. н. э.

В 1950 г. в Москве продолжались исследования на территории строительства высотного здания в Зарядье¹ и наблюдения при земляных работах на территории б. Андроникова монастыря. В культурном слое траншеи найдены предметы XVI—XVIII вв. Вскрыто четыре склепа, относящихся к XVIII—XIX вв.

В Московской области велись небольшие раскопки Тушкова городка под г. Можайском — пограничной крепости, построенной Дмитрием Донским для обороны тыла Московского государства в его борьбе с татарами. Раскоп был заложен в северо-западной части городища, где открыты два культурных горизонта. В слоях X—XIII вв. обнаружены остатки гончарного производства, очаги и остатки сруба дома. Вещи — листовидное копье, наконечник сулицы, удила, ножницы и т. п. В верхнем горизонте (XIV—XV вв.), отделенном строительным слоем вала, найдены: шпора, кольца от кольчуги, игральные шашки и застёжки от книг. Исследование земляного вала показало, что он был насыпан на каменном основании и датируется 1382—1389 гг. (по монете Дмитрия Донского).

Также были произведены разведки и небольшого масштаба раскопки в Ногинском районе Московской области (А. Я. Брюсов). В обнаруженном при производстве земляных работ около д. Буньково (на берегу р. Клязьмы) могильнике вскрыто несколько погребений фатьяновского времени — первая половина и первая треть II тысячелетия до н. э. При раскопках могильника обнаружены признаки стоянки, относящейся к самому началу II тысячелетия до н. э. Обследование северо-восточного берега Бисерова озера (было заложено четыре шурфа) выявило следы разрушенной стоянки, датирующейся второй четвертью II тысячелетия до н. э. В раскопанном славянском кургане обнаружено погребение без вещей.

В Можайском районе Московской области раскопано несколько курганов (Т. В. Равдина). Шесть курганов вскрыто в группе у д. Шишимрово. Судя по вещам, курганы принадлежат племени кривичей и относятся к XII в. В курганной группе у дома отдыха «Красный стан» раскопано два кургана, в которых следов погребений не обнаружено.

Раскопки в Верейском районе Московской области (Т. Б. Поповой) на месте предполагавшегося могильника около д. Колодези не дали положительного результата. Могильник был, вероятно, целиком уничтожен проходящим здесь карьером.

В пределах Ленинградской области, так же как и в предыдущие годы, под руководством В. И. Равдоникаса раскапывалось земляное городище в Старой Ладогге. Исследованы основания построек ремесленного района Ладоги IX—X вв. Найдены остатки уличной мостовой (горизонт «е»). Вскрыты остатки второго большого строения (длина 17 м, горизонт «е₁»). В горизонте «е₂» открыты основания трех больших жилых построек с печами в центре, скотные дворы с плетнем и бревенчатые хлевы (VIII—IX вв.). Еще ниже прослежены остатки более древних построек (VII—VIII вв.). Находки свидетельствуют о занятии жителей земледелием, скотоводством, охотой, рыболовством и о наличии ремесел — деревообрабатывающего, кузнечного, ткацкого, гончарного и литейного.

Н. Н. Гуриной близ д. Изсады и Старой Ладоги впервые на территории Ленинградской области открыты памятники эпохи бронзы. Оба памятника относятся ко времени развитой бронзы; по топографии и характеру материала они близки к ранним городищам «дьякова типа».

В. В. Данилевский продолжал исследование остатков фабрики М. В. Ломоносова в Усть-Рудице. Работами было охвачено шесть участков. В результате обнаружены остатки вспомогательных фабричных строений, большой круглой стеклоплавильной печи (диаметр 4,2 м), маленьких печей

¹ М. Г. Рабинович. Раскопки в Москве в 1950 году. КСИИМК, вып. XLIV.

для термической обработки стекла, каменная дорога, ведущая на юг от большой стеклоплавильной печи; исследовано устройство плотины и мельницы. Вещевые находки: тянутые смальты и заготовки для бисера, много цветного стекла, кирпич, глина, остатки стеклоплавильных горшков и многое другое.

В Великолукской области проводила исследования Я. В. Станкевич. При обследовании Октябрьского и Куньинского районов вновь открыто свыше 80 памятников: неолитические стоянки, поселения эпохи бронзы, 15 городищ, 14 селищ и свыше 40 курганных групп и могильников I тысячелетия н. э. В результате проведенной работы памятники I тысячелетия н. э. можно объединить в четыре хронологические группы: 1) древнейшие поселения первой половины I тысячелетия н. э.; 2) городища второй половины I тысячелетия н. э.; 3) поселения конца I тысячелетия н. э.; 4) поселения великокняжеской эпохи.

В Приморском районе Калининградской области Ф. Д. Гуревич продолжала исследования, начатые в 1949 г. Произведены разведки ряда городищ и селищ I и начала II тысячелетий н. э. Большинство городищ были обитаемы в течение длительного времени. Небольшими раскопками на городище Грачевка установлено, что основным типом жилища являлись наземные прямоугольные сооружения на каменном фундаменте. Найдены изделия из бронзы и железа, керамика, местная и привозная, стеклянные бусы и т. д.

В Смоленской области Д. А. Авдусин продолжал раскопки Гнездовских курганов¹.

Археологические памятники в бассейне р. Сож в пределах Смоленской области обследовал Е. А. Шмидт. Разведками охвачено 23 городища, восемь селищ, четыре стоянки, 28 курганных групп. Памятники относятся ко времени с начала эпохи неолита и до древнерусского.

В Вологодской области Л. А. Голубева на территории древнего Белозера вскрыла площадь около 1000 м². На участке у реки был заложен раскоп 875 м², в котором была обнаружена сруб-изба, соединявшаяся сенями со срубом, открытым в 1949 г., и, кроме того, сруб-изба другого типа — с сенями. С северо-востока к этим сеням примыкал крытый скотный двор. Обнаружено еще одно сооружение, очевидно, баня с очагом в центре. Большой интерес представляет открытие мостовой, вероятно, пристанского взвоза, по которому шло оживленное грузовое движение. Ширина взвоза 3,5 м. Он датируется началом XI в. В раскопе, заложенном вдоль западной стороны раскопа 1949 г., обнаружены неполностью сохранившиеся четыре постройки (в разных пластах и в разных частях раскопа). Здесь также имеются остатки настилов. В III раскопе (около кургана с бывшей часовней) также вскрыты остатки нескольких построек. Инвентарь очень богат: найдены орудия труда кузнецов и ювелиров-литейщиков, зубила, пробойники, замки, ключи, долото, сверло, два резца-лошкаря. Хорошо представлены прядение и ткачество, очень много бытовых предметов и украшений.

В Кирилловском и Белозерском районах Вологодской области проводила разведки М. В. Фехнер. Было обследовано более 25 памятников IX—XV вв. — городища, селища, могильники, курганы. Особенно большой интерес представляют два городища в Кирилловском районе: «Федосьин городок», на котором было заложено пять разведочных раскопов; судя по керамике, городище было обитаемо в X—XVII вв.; городище у д. Городище, относящееся к IX—X вв.

В пределах Владимирской области Е. И. Горюновой продолжались раскопки Тумовского селища (в 7 км к юго-западу от г. Муром). В 1950 г. вскрыто 580 м². Основные работы были сосредоточены в центре селища. Изучено шесть жилых и хозяйственных комплексов. На северной окраине

¹ Д. А. Авдусин. Гнездовская экспедиция. КСИИМК, вып. XLIV.

селища был заложен другой раскоп, где вскрыто двойное, соединенное переходом полуземляночное жилище. Кроме раскопов был заложен ряд шурфов, в которых также обнаружены остатки жилищ.

Кроме раскопок экспедиция обследовала одно из муромских селищ по р. Ушне близ пос. Чебашихи. Среди фрагментов керамики найдены черепки болгарской красной посуды с вертикальным лощением и обломки амфор. В зачистке берега обнаружены полуземляночные жилища с глинобитными очагами. Мощность культурного слоя 30—40 см. Глубина жилищ около одного метра.

Как и в предыдущие годы, А. Ф. Дубынин продолжал исследования Малышевского могильника в Селивановском районе Владимирской области. Был заложен раскоп в 148 м², в котором обнаружено 14 погребений, из них три — трупосождения, а остальные — трупоположения. Дата: IX—XI вв. Вещи тех же типов, что и в предшествующих раскопках. Кроме того, проведены рекогносцировочные раскопки селища у с. Малышево, на котором обнаружены следы деревянных наземных построек в виде избы с глинобитными печами и подпольями под ними. Жилища относятся к XI—XII вв. Были произведены также раскопки на вновь открытом Ознобишенском городище, расположенном на правом берегу р. Ушны. Была вскрыта площадь 244 м² в центре городища. Открыты остатки жилищ с очагом в центре. На основании находок городище можно датировать концом II—V вв. н. э. — городецкой культурой. Позднее городище использовалось как временное убежище.

А. Д. Варганов заложил три раскопа на территории кремля г. Суздаля. В одном раскопе вскрыта круглая печь, служившая для обжига извести, датируемая домонгольским временем. В другом раскопе исследовано устройство вала. Он состоит исключительно из плотно утрамбованной глины; бревенчатая основа употреблялась только в местах сооружений башен для предохранения их фундамента от оползней. Подошвенный слой вала состоит из темной земли с большой примесью угля, лепной керамики и костей животных. В культурном слое найдена лепная и гончарная керамика.

В Муромском районе Владимирской области И. К. Цветкова, вслед за В. А. Городцовым и Е. И. Горюновой, произвела небольшие раскопки на Панфиловской стоянке. Выяснено, что ее юго-восточная часть является двуслойным памятником. Верхний слой относится к третьей стадии Волосовской культуры — середина II тыс. до н. э. Точная датировка нижнего слоя может быть установлена только при дальнейшем исследовании всего района нижнего течения р. Оки.

Кроме того, И. К. Цветкова обследовала ряд памятников эпохи неолита и бронзы в Мордовщиковском районе Горьковской области: стоянку Садовый бор (в 2 км к юго-западу от с. Поздняково), стоянку Покров, Поздняковскую стоянку, дюны в районе с. Поздняково, дюны между дд. Малое Окулово и Волосово, Волосовскую стоянку, младший Волосовский могильник, старший Волосовский могильник, стоянку Яристый бугор, стоянку у д. Сонино. На этих памятниках заложены небольшие раскопы и произведены зачистки.

На территории Дзержинского района Горьковской области И. К. Цветкова произвела обследование стоянок Гавриловка I и II. Установлено, что обе они относятся к неолитической эпохе. Стоянка Гавриловка I датируется третьим этапом волосовской культуры, Гавриловка II — ранним этапом балахнинской культуры.

На территории Горьковской области Б. А. Софонов продолжал систематическое обследование южной приокской части Волго-Окской (Балахнинской) низины и долины р. Кишмы (Ворсмы) и закончил обследование правого берега р. Оки в пределах Богородского района. Было обнаружено 14 археологических памятников — семь неолитических стоянок и одно сла-

вянское селище XIV в. на территории приокской части Волго-Окской низины; пять поселений эпохи бронзы с сетчатой керамикой в низине р. Кшимы; Славянское селище XIII—XIV вв. на правом берегу Оки.

В Ярославской области Е. И. Горюнова произвела разведку известного Сарского городища. Культурный слой памятника сохранился только на площади около 100 м². Остальная территория разрушена проходящим здесь карьером.

А. Л. Монгайт продолжал многолетние исследования Старой Рязани. В основном работы были сосредоточены в южной части городища. Вскрыта площадь около 1200 м². Изучены хорошо сохранившиеся жилища: наземные, землянки и полуземлянки XII—XIII вв. Обнаружены черты сходства с жилищами Киева и Чернигова. Инвентарь очень обилен и разнообразен, в основном типы вещей аналогичны находкам предыдущих лет. Особенно необходимо отметить находку клада серебряных ювелирных изделий XII—XIII вв. Установлено, что вся площадь городища в XII в. была густо заселена и что укрепления города были уже насыпаны в начале XII в.¹

В Конобеевском районе Рязанской области Н. П. Милонов на древнерусском селище у д. Лесное Ялтуново вскрыл остатки жилища с печью, относящегося, вероятно, к XIV в. У с. Польное Ялтуново, тоже на древнерусском селище, обнаружено жилище—полуземлянка в форме неправильного четырехугольника с очагом, датируемое VIII—IX вв. н. э.

В пределах Калужской области Т. Н. Никольская раскапывала городище у д. Свинухово (Лев-Толстовский район). Было заложено два раскопа: первый в юго-западной части городища (105 м²), второй в северо-восточной части городища (80 м²). В раскопе № 2 обнаружены две прямоугольные полуземлянки с глинобитными очагами. На основании находок можно определить основной период обитания на городище—III—V вв. н. э. Судя по находкам круговой керамики с линейным и волнистым орнаментом, на городище жизнь была и во II тысячелетии, когда занимаемая поселком площадь была больше и выходила за пределы вала.

В Пензенской области М. Р. Полеских производил обследование археологических памятников в Бессоновском, Городищенском, Лунинском и Больше-Вьяском районах. Основное место в проведенной работе заняли 3 городища—у с. Селиксы, у г. Городище (Юловское городище) и у с. Николо-Райское. Городища в основном относятся к золотоордынскому времени (XIV—XV вв.). Кроме городищ, обследован ряд могильников: мордовский могильник близ с. Селиксы; на нем была раскопана одна могила XVII—XVIII вв.; могильник у Юловского городища, могильник у с. Вашелей (Лунинский район). Также обследованы отдельные курганы—у сс. Селиксы и Вашелей, у дд. Рундейки и Заковалейки.

Археологические исследования на территории Мордовской АССР производил И. М. Корсаков. В Кадошкинском районе на городище Казна-Пандо вскрыта значительная площадь. Обнаружены остатки жилищ. Городище датируется, повидимому, городецким и мордовским временем. Находки свидетельствуют о занятии жителей скотоводством, охотой, пчеловодством. Имеются признаки примитивного земледелия. Находки древнерусской монеты с надписью «Великий князь Боян Глеб», серебряной пластины (повидимому, гривны), керамики, так же как и монеты XIV—XV вв., с надписью «Великий князь всея Руси», свидетельствуют о связях и о влиянии древней Руси.

Кроме раскопок, экспедицией были произведены разведки с частичным вскрытием на могильнике Мокшень-Калма (Мокшанское кладбище) у с. Мордовские Парки Краснослободского района. Обнаружены остатки

¹ А. Л. Монгайт. Топография Старой Рязани. КСИИМК, вып. XLIV.

трупосожжения. Вскрыто также захоронение воина XV—XVI вв. с боевыми доспехами. Обследовано Итяковское или Темниковское городище (г. Темников?) у с. Старый город Темниковского района.

В связи с разрушением мело-известковыми заводами крепости XVII в. в г. Белгороде (Курская область) возник вопрос о необходимости срочного обследования состояния крепости. В результате разведки П. И. Засурцева установлено наличие культурного слоя XVII в. и собрана роменская керамика. Работы на территории крепости были прекращены вплоть до организации археологических исследований.

На территории Дагестанской АССР продолжал исследования К. Ф. Смирнов¹.

В Ставропольском крае производила обследование археологических памятников Т. М. Минаева. Разведками охвачена долина р. Зеленчука от хут. Дубенского до ст. Зеленчуковской. Обнаружены курганные группы, отдельные курганы, грунтовые могильники, поселения, укрепленные и неукрепленные, крепости времен кавказских войн. Кроме разведок, раскапывался могильник близ аула Ново-Кувинского. Вскрыта 21 могила. По инвентарю могильник может быть датирован XIII—XV вв. н. э. и принадлежит одному из адыгейских племен. Много экспедиций работало в 1950 г. на территории Краснодарского края.

В. Д. Блаватский обследовал юго-западную часть Таманского полуострова и произвел раскопки на синдском поселении в 2 км к востоку от ст. Таманской. Было заложено два раскопа. Установлено, что поселение было обитаемо с VII—VI вв. до н. э., существовало в античную эпоху и в тмутараканское время. Ведущее место в хозяйстве поселения занимали земледелие, скотоводство и рыбная ловля. Находки керамики свидетельствуют об интенсивных экономических связях между городами Боспора и соседними сельскими местностями. Среди находок верхних пластов необходимо отметить горло амфоры со славянской надписью, что говорит о существовании на этом месте поселения тмутараканского времени.

М. М. Кобылина продолжала раскопки Фанагории (Темрюжский район). Исследовался восточный некрополь. Велись раскопки на холмах «З» и «И». На холме «З» обнаружен некрополь II—I вв. до н. э., разрушенный. На холме «И» открыт нетронутый некрополь III в. до н. э.—III в. н. э. Инвентарь погребений III—I вв. до н. э. свидетельствует о греко-синдской культуре города этого времени. Открыты три надгробных изваяния — новые образцы синдской скульптуры. Вскрыты погребения времени сарматизации Боспора. Интересны случайные находки — акварельная ваза тонкой местной работы и надгробная стела с рельефными изображениями.

А. А. Формозов произвел обследование палеолитических местонахождений в Прикубаньи².

Продолжал работу по изучению археологических памятников Прикубанья Н. В. Анфимов³.

К. Ф. Смирнов производил разведки и раскопки меото-сарматских памятников⁴.

В Адлерском районе проводил изыскания Л. Н. Соловьев. Обследованы Пионерский грот, Партизанская пещера, Воронцовская пещера,

¹ К. Ф. Смирнов. Археологические исследования в Дагестане в 1948—1950 гг. КСИИМК, вып. XLV.

² А. А. Формозов. Нижнепалеолитические местонахождения Прикубанья. КСИИМК, вып. XLVI.

³ Н. В. Анфимов. Новые материалы по меото-сарматской культуре Прикубанья. КСИИМК, вып. XLVI.

⁴ К. Ф. Смирнов. Основные этапы развития меото-сарматской культуры Среднего Прикубанья. КСИИМК, вып. XLVI.

Дзыхринская пещера, Ахштырская стоянка, стоянки между Сочи и Адлером по побережью. Памятники имеют следы обитания в эпоху палеолита, неолита, энеолита и бронзы.

Т. Н. Высотская продолжала исследование Воронцовской пещеры близ пос. Хосты. Путем закладки небольших шурфов в различных гротах пещеры обнаружена керамика феодального времени и неолитическая. В «Заложенном гроте» обнаружена трехслойная стоянка, основной период обитания в которой можно отнести к концу эпохи бронзы. Были предприняты также рекогносцировочные работы по долине р. Мзымты, в окрестностях с. Ахштырь; здесь обнаружено поле каменных стел, на одной из которых выгравирован рисунок в виде рыбы. Здесь же есть могилы, покрытые плитами, на одной из них рисунок в виде сложного ромба. Вблизи пос. Красная поляна осмотрен дольмен. В километре от этого поселка осмотрен раскопанный могильник. В сухом русле р. Хосты обследован ряд пещер.

Т. В. Блаватская произвела разведку синдских поселений в окрестностях ст. Таманской. Обследованы городища и курганы в северо-западной части Таманского полуострова, нанесенные на карту В. В. Соколовым. Главным объектом исследования явилось поселение Суворовское II, где был заложен раскоп площадью 103 м². Мощность культурного слоя 0,20—0,65 см. Исследование показало, что самое раннее поселение здесь относится ко времени обитания синдов на Таманском полуострове — к V в. до н. э., но находки V—IV вв. единичны. Жители пользовались местной гончарной и лепной посудой, а также и привозной — пантикапейской, синопской, гераклейской (в конце III — начале II вв. до н. э.). Инвентарь свидетельствует о занятии жителей рыболовством и скотоводством.

Экспедиция под руководством А. С. Башкирова продолжала исследования древнего города Патрэй. Разведочный шурф 1949 г. в 1950 г. был расширен до раскопа вдоль берега площадью до 100 м². В раннесредневековом слое открыты остатки каменной монументальной стены большого общественного сооружения и примыкающих к нему жилищ. Обнаружен мощный слой пожара, в котором найдено много вещей, керамики, остатков разрушенных сооружений, скелеты людей, погребенных при обвале во время пожара. Слой датируется монетой первой четвертью I в. до н. э. «Большая стена» была построена в IV—III вв. до н. э. Вначале она была, повидимому, оборонительной стеной акрополя. В начале I в. до н. э. она была застроена.

А. П. Смирнов произвел рекогносцировочный осмотр Таманского городища (Темрюкский район Краснодарского края). Найдена керамика античного римского и позднеримского времени и средневековая IV—XIII вв. н. э. Отмечено плохое состояние городища и необходимость скорейшей постановки его археологического исследования.

Многие экспедиции работали на территории Крымской области.

В. Ф. Гайдукевич продолжал исследования античных городов¹.

И. Т. Кругликова производила исследования в районе древнего Киммерика, на западном склоне горы Опук. Под античным слоем обнаружен слой поселения позднекатакомбной культуры. Судя по находке греческой керамики, время основания города древнего Киммерика — VI—V вв. до н. э. Находки свидетельствуют об интенсивном обмене — найдено множество гераклейских, синопских и родосских амфор. Обнаружены постройки I—III вв., располагавшиеся террасами на холмах. В III в. Киммерик подвергся нападению врагов, был разрушен, и жизнь на этом месте позже не возобновлялась. На восточном склоне г. Опук обнаружено неизвестное ранее поселение: на берегу моря был открыт жилой комплекс VI—IV вв. до

¹ В. Ф. Гайдукевич. Раскопки Илурата, Тиритаки и Мирмекия. КСИИМК, вып. XLV.

н. э.— три смежных помещения с каменными стенами, глинобитными очагами, зерновыми ямами и тремя дворишками. Анализ находок свидетельствует о занятии жителей земледелием, скотоводством, охотой и торговлей. Жилые помещения были построены над землянкой и зольником. Керамика из грунта, наполнявшего землянку, имеет общие черты с керамикой кизилкобинской культуры. Особенностью культуры населения восточного склона г. Опук является позднее сохранение элементов катакомбной культуры и наличие на месте раннего поселения поселения скифской эпохи. Для греческого слоя характерно большое количество лепных сосудов ранне-скифского и скифского времени, местной лепной керамики и сохранение местных особенностей строительных приемов.

С. Ф. Стржелецкий произвел разведки сельскохозяйственных усадеб античного Херсонеса на Гераклеийском полуострове. Открыт надел — клер III—II вв. до н. э. очень хорошей сохранности. Площадь клера 30,5 гектара. Полностью сохранились внутренняя размежка клера и его усадьба. С I в. до н. э. клер стал, очевидно, частью земельных владений крупного землевладельца. Установлено, что клер состоял из 12,5 га виноградников, 12 га полей, 4 га садов, остальную территорию занимали подсобные участки. Обнаружена сложная дренажная система на виноградниках и садах. Клер — доказательство того, что сельское хозяйство было основой экономики античного Херсонеса.

Тавро-Скифская экспедиция работала в 1950 г. несколькими отрядами. Симферопольский отряд, возглавляемый А. Н. Карасевым, продолжал исследования Неаполя-Скифского. Работы были сосредоточены внутри города, близ центральных городских ворот. Вскрыты еще 22 зерновых ямы, представляющих остатки крупного государственного зернохранилища. Раскопана также западная половина сооружения парадного назначения «К» (III в. до н. э.) и «Л» (II в. до н. э.). Около западного портика памятника «Л» найдены обломки мраморной и бронзовой скульптуры. Здесь же вскрыто одно детское и три конских захоронения III в. н. э. К северу от памятника «К» продолжались раскопки большого жилого здания II в. до н. э. Раскрыто три помещения. Стены одного из них оштукатурены и украшены росписью. В северо-западной части раскопа вскрыта ранняя полуземлянка с очагом. Обнаружены остатки жилых построек II в. до н. э.— III в. н. э. К западу от памятников «К» и «Л» обнаружена огражденная площадь, очевидно, культового назначения. Рядом — детское погребение в большом лепном сосуде.

Евпаторийский отряд работал под руководством М. А. Наливкиной¹. Южнобережный отряд Ялтинского музея и Крымского филиала АН СССР под руководством П. Н. Шульца произвел разведочные раскопки Таврского убежища на горе Кошка и исследовал цепь таврских укреплений на южном берегу Крыма. На горе Кошка впервые исследованы таврские жилые дома, обнаружен каменный ящик с росписью. Установлено, что таврская культура здесь формируется непосредственно из кизилкобинской.

Дальнейшие раскопки средневекового поселения у с. Планерское производил В. П. Бабенчиков. Керамикой и монетами поселение датируется временем VIII—X вв. н. э. Раскопки 1950 г. открыли северную стену и две апсиды большого храма площадью 37 × 24 м. В культурном слое найдена керамика салтово-маяцкая и славянская.

В г. Алуште Н. В. Пятышева, а затем Е. В. Веймарн раскапывали средневековый храм и могильник. Храм по своему плану и структуре наиболее близок черниговской Ильинской церкви. Могильник принадлежит местному населению, о чем говорит наличие признаков деформации некото-

¹ М. А. Наливкина. Основные итоги работ Евпаторийского отряда в 1950 году. КСИИМК, вып. XLV.

рых черепов. В одной из могил в храме найдено 36 золотых изделий тончайшей филигранной работы.

Е. В. Веймарн возглавил экспедицию по исследованию памятников Инкерманской долины. Обследованы памятники, начиная с эпохи поздней бронзы и до татаро-монгольского нашествия и турецкой интервенции 1475 г. Производились раскопки Инкерманского и Чернореченского могильников II—IV вв. н. э., материалы которых свидетельствуют о многовековом процессе взаимодействия тавров с племенами остального Крыма и Северного Причерноморья. Большую роль играли также взаимосвязи с Херсонесом, но преобладал все-таки сармато-аланский элемент. Раскопки могильников проливают свет на значительную имущественную дифференциацию. В обоих могильниках имеются предметы, характерные для культуры «полей погребений», много погребений в урнах. В то же время совершенно отсутствуют готские материалы. Благодаря раскопкам выяснено время основания крепости Каламита — VI век. В позднесредневековую эпоху крепость являлась портом Феодосийского княжества (XIV—XV вв.), и главной статьей ее вывоза был хлеб.

Л. И. Чуистова производила охранные раскопки в пос. им. Аршинцева и в районе между пос. Опасное и пос. Жуковка. В поселке Аршинцева, в снесенном при строительных работах кургане была обнаружена впускная гробница в виде высокого каменного ящика, полностью разграбленная, и каменный склеп с дромосом. Склеп датируется керамикой IV—III вв. до н. э. Между пос. Опасное и пос. Жуковка найдены остатки городища; на склоне балки, в 700—900 м к северо-востоку от пос. Опасное, обнаружены звенья водопроводных труб, повидимому античного времени.

Н. Н. Погребова проводила изыскания по рекам Салгиру и Зуе (по р. Салгиру — от г. Симферополя до места слияния с р. Зуей, и от этого места — по р. Зуе до с. Зуи). Обследованы городища, селища и курганы, в том числе городища Красное и Зуйское, селища Белоглинское, Каяст-Кангильское, Джага-Мамышское, курганная группа Дорт-Оба, Зуйский могильник, отдельные курганы. Выяснено, что скифские поселения расположены лишь в предгорной части, на высоких и крутых возвышенностях — городища и селища. В степной части долин рек скифских поселений нет. Курганы встречались чаще на возвышенностях, реже в поймах рек.

В Челябинской и Свердловской областях вел работу К. В. Сальников¹.

В Свердловской области Е. М. Берс исследовала Макушинское селище в Первоуральском районе и Палкинское селище в г. Свердловске. На первом вскрыто 60 м², мощность культурного слоя 1—1,2 м. Открыто два, находящихся одно над другим жилища. Нижнее — землянка, верхнее — часть четырехугольного жилища. Землянка овальной формы, с очагом и выходом. По керамике и каменным орудиям она датируется эпохой неолита. Верхнее жилище с очагом и зольником относится к VI—IV вв. до н. э., к ананьинской культуре. Найдены остатки металлургического производства, железные, бронзовые, серебряные изделия и слитки металла. На Палкинском селище за два года работ открыто два шестиугольных бревенчатых наземных жилища, площадью 80 м² с глинобитными полами. У каждого жилища — подсобные помещения, мастерские. Материал датируется X—XIV вв. н. э., его можно сопоставить с родановской культурой западного склона Урала.

Кроме того, произведена разведка в районах гг. Верхняя Пышма и Полевского Свердловской области. Обследованы стоянки, селища, остатки

¹ К. В. Сальников. Южно-Уральская археологическая экспедиция 1947—1950 гг. КСИИМК, вып. XLV.

металлургических производств, жертвенное место. Открыто три новых археологических памятника.

Западно-Сибирская экспедиция под руководством В. Н. Чернецова проводила работу на территории Свердловской, Омской и Тюменской областей. Обследованы памятники по маршруту Свердловск — Камышлов — Тюмень — Тобольск. Ряд памятников открыт вновь, и произведена разведка на местах прежних раскопок Слоцова, Дмитриева и Россомахина на Андреевском озере. В результате исследования изменилась хронология тюменских памятников. Установлено, что наиболее древней является первая Андреевская стоянка (позднесарматское время, II—IV вв. н. э.). В районе г. Тобольска продолжены раскопки жертвенного места эпохи бронзы — Сузгун II. Выяснена большая длительность существования памятника — вторая половина II тысячелетия до н. э. В окрестностях г. Омска разведка обнаружила ряд новых памятников, в основном относящихся ко II тысячелетию до н. э. Особенно интересны стоянки в г. Омске по Березовому переулку и Большой лог (ранняя бронза).

Несколько отрядов Камской археологической экспедиции под руководством О. Н. Бадера в 1950 г. производили изучение памятников эпохи камня и бронзы в зоне строительства Камской ГЭС (Молотовская область). Исследованы памятники: мустьерское местонахождение у Пещерского лога, стоянка имени Талицкого (на ней вскрыто 47 м², обнаружено пятно с двумя очагами), верхнепалеолитическое местонахождение у Белой горы на р. Каме. Обследованы также памятники II тысячелетия до н. э. — могильники сейминско-турбинского типа у Усть-Гайви и на Подтремяченской горе; стоянка Бор I (около д. В. Рари), где вскрыто 362 м², полностью исследованы два жилища и начато третье; поселение Боровое озеро II (вскрыто 1630 м², обнаружен ряд жилищ). На Астраханском поселении раскопано 173 м² и вскрыто одно жилище. На стоянке Бор IV вскрыта площадь 255 м², обнаружены очажные и хозяйственные ямы. На стоянке Боровое озеро VI вскрыта площадь 41 × 9 м, обнаружено жилище. На Неволинском могильнике (в 7 км к югу от г. Кунгура) вскрыто восемь погребений определенных и два недостоверных (площадь 82 м²).

И. А. Лунегов произвел небольшие раскопки могильника у с. Редикор и обследовал городище в местности Савин лог (Чердынский район Молотовской области). В могильнике вскрыто четыре погребения. Найдены различные украшения — бусы, кольца, серьги, подвески, браслеты и т. д.; оружие, проушной топор-клевец и др. Судя по находкам, и могильник и городище можно отнести к X в. н. э.

А. К. Воронихин обследовал археологические памятники в Кунгурском районе Молотовской области — городище на Ледяной горе, городище Лобач, городище Рыбы, Спасское городище, Басинскую пещеру, Неволинские курганы. Собран подъемный материал.

В Томской области Е. М. Пеняев производил разведку и небольшие раскопки в Асиновском, Томском, Кривошеинском, Молчановском и Пышкино-Троицком районах. Обследовано 40 памятников — городища, селища, могильники, курганные группы. Вскрыто 12 курганов с 27-ю погребениями, три грунтовые могилы и около 300 м² на поселениях. В основном памятники относятся к позднему времени.

Бурят-Монгольскую археологическую экспедицию опять возглавлял А. П. Окладников¹.

Вскрытия погребений в нескольких пунктах Иркутской области произвел П. П. Хороших. В г. Иркутске на стадионе «Локомотив» было вскрыто парное погребение (мужское и женское) № 10, относящееся к китойскому времени. Найдены изделия из кости, кремня, белого мрамора и т. д.

¹ А. П. Окладников. Работы Бурят-Монгольской археологической экспедиции 1947—1950 гг. КСИИМК, вып. XLV.

В окрестностях г. Иркутска, на р. Кае, обнаружено погребение женщины и подростка. При костях найдены разнообразные каменные и костяные орудия и украшения, датирующиеся концом китойского времени. На озере Байкал, в распадке Тетериха, открыта стоянка, на которой было заложено три небольших раскопа. Культурный слой залегает гнездами. По находкам стоянка датируется эпохой неолита. В пещере в пади «Скритр» (озеро Байкал) обнаружены фрагменты глиняной посуды раннего железного века с ямочным и штриховым орнаментом.

На территории Горно-Алтайской автономной области С. И. Руденко раскапывал Башадарские курганы¹.

На территории Хакасской автономной области производил исследования Л. Р. Кызласов. Был раскопан чаатас у р. М. Сыры. В таштыкском склепе № 1 найдены лицевые маски, обугленные деревянные предметы, лук, стрелы, ткани, удила, пряжки, нож, бусы, бронзовые пластинки с головками коней и многое другое. Раскопаны также рядовые таштыкские погребения. В каменных курганах кыргызской эпохи были найдены фрагменты лаковых чашечек, колчан, кыргызская ваза, разнообразные сосуды, удила с псалиями, бронзовая пластинка с головкой животного и др. На курганах найдены стелы, на одной из них изображена спиралеобразная фигура. В погребальной яме № 6 кургана № 3 обнаружено деревянное сооружение. Кроме раскопок, произведены разведки. Обследованы писаницы, каменное изваяние, курганы на озере Булан-Куль, чаатас на р. Камыште с кыргызским рисунком на нем.

В Кемеровской области У. Э. Эрднеев произвел небольшие раскопки на Маяковском городище. Вскрыто 108 м². Время обитания городища — начиная с эпохи неолита и до железного века. Судя по находкам, скотоводство, рыболовство и промысловая охота были основными отраслями хозяйства.

¹ С. И. Руденко. Башадарские курганы. КСИИМК, вып. XLV.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АС — Археологический съезд
ГИМ — Государственный исторический музей
ГАИМК — Государственная академия истории материальной культуры
ИАК — Известия Археологической комиссии
ИИМК — Институт истории материальной культуры АН СССР
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры Академии
Наук СССР
МАР — Материалы по археологии России
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
НИЯЛИ (Хакасский) — Научно-исследовательский институт языка, литературы и
истории
ОАК — Отчет Археологической комиссии
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
ПИМК — Проблемы истории материальной культуры.
РАНИОН — Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных
наук
СА — Советская археология
СЭ — Советская этнография
-

СО ДЕРЖАНИЕ

Стр.

I. СООБЩЕНИЯ

Сессия Отделения истории и философии АН СССР и Пленум ИИМК АН СССР, посвященные итогам полевых археологических исследований Института истории материальной культуры за 1950 год.	3
Информация	3

II. ДОКЛАДЫ НА СЕССИИ И ПЛЕНУМЕ

<i>С. В. Киселев.</i> Советская археология в первое послевоенное пятилетие	6
<i>А. П. Смирнов.</i> Археологические исследования 1950 года в зоне строительства Куйбышевской ГЭС	17
<i>Н. Я. Мерперт.</i> Курганы эпохи бронзы у села Ягодного	30
<i>А. М. Ефимова.</i> Древние инженерные сооружения по укреплению берега в городе Болгары	41
<i>О. С. Хованская.</i> Раскопки бани начала XIV века на Болгарском городище . . .	46
<i>Н. Ф. Калинин.</i> Экспедиция по западным районам Татарской АССР	52
<i>М. Ю. Смишко.</i> Раннеславянская культура Поднепровья в свете новых археологических данных	67
<i>Г. Б. Федоров.</i> Работа Славяно-днестровской экспедиции	83
<i>Д. А. Авдусин.</i> Гнездовская экспедиция	93
<i>А. Л. Монгайт.</i> Топография Старой Рязани	104
<i>М. Г. Рабинович.</i> Раскопки в Москве в 1950 году	116
<i>В. Р. Тарасенко.</i> Раскопки Минского Замчища в 1950 году	125
Резолюция сессии Отделения истории и философии АН СССР и пленума ИИМК АН СССР, посвященных итогам полевых исследований за 1946—1950 годы	133

III. ХРОНИКА

<i>Н. К. Лисицына.</i> Археологические исследования в РСФСР в 1950 году	137
Список сокращений	150

*Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Академии наук СССР*

*

Редактор издательства *С. Т. Попова*
Технический редактор *Г. Н. Шевченко*
Корректор *О. Я. Хохлова*

*

РИСО АН СССР № 4973. Т-03471. Издат. № 3446.
Тип. заказ № 86. Подп. к печ. 10/VI 1952 г.
Формат бум. 70×108. Бум. л. 4, 75. Печ. л. 13,01
Уч.-издат. 13. Тираж 1700.

Цена по прейскуранту 1952 г. 7 руб. 80 коп.

2-я тип. Издательства Академии Наук СССР
Москва, Шубинский пер., д. 10

СПЕЧАТКИ И ИСПРАВЛЕНИЯ

Стр.	Строка	Напечатано	Должно быть
8	26 св.	„не исторические“ против	„неисторические“, против
12	9 св.	Кильня	Кильны
75	2 св.	петопориановых	нетопориановых
90	26 св.	косторезные	костерезные
98	11 св.	находит	определяет
117	14 св.	В XII в.	К XII в.
133	10 св.	академии	академий

Краткие сообщения ИИМК, в XLIV